Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Благовещенский государственный педагогический университет»

На правах рукописи

Арчаков Михаил Константинович

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ В РОССИИ: СУЩНОСТЬ, ПРОЯВЛЕНИЯ, МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

Специальность 23.00.02. – Политические институты, процессы и технологии

Диссертация на соискание ученой степени
доктора политических наук

Научный консультант:
доктор философских наук, профессор Ермаков Ю.А.

Благовещенск
2016

Оглавление

Введение……..3

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования политического экстремизма…….. 23

1.1 Политико-правовой подход к трактовке политического экстремизма…..23

1.2 Сущность и разновидности политического экстремизма……47

1.3 Основные факторы возникновения и развития современного экстремизма……74

Глава 2. Идеология политического экстремизма……114

2.1 Особенности экстремистской идеологии…….. 114

2.2 Идеология правого экстремизма……..133

2.3 Идеология левого экстремизма……181

Глава 3. Политический экстремизм в современной России……..211

3.1Организационно-структурное обеспечение политического экстремизма…….211

3.2Диагностирование проявлений экстремистской деятельности……...……238

3.3 Национальная безопасность России: проблемы противодействия политическому экстремизму……267

Заключение……293

Список литературы……. …301

Введение

Актуальность темы исследования. На рубеже XX – XXI вв., в общественно-политической жизни различных стран мира, в том числе и России, политический экстремизм стал повседневной реальностью, проявившись в пропаганде и применении насилия, попытках отдельных религиозных и националистически настроенных лидеров использовать экстремистскую деятельность для достижения определенных политических целей. Поэтому актуальность темы исследования определяется ростом проявлений политического экстремизма, угрожающего, в частности, национальной безопасности Российской Федерации и представляющего, в общем, одну из современных проблем всего мирового сообщества.

Процесс общественной и политической модернизации в России изначально был связан с множеством проблем, отразившихся на демократизации всех сфер жизни общества, государственной национальной и федеративной политике. В рамках этого процесса изменение государственного строя, нарастание социально-экономических и религиозно-этнических противоречий способствовало росту таких общественно-опасных явлений как национализм, сепаратизм, политический экстремизм в различных их проявлениях.

В этом ряду именно политический экстремизм представляет особую опасность, поскольку приводит к обострению политических, социально-экономических, национальных, религиозных отношений, на длительное время, консервируя их конфликтный характер.

Политический экстремизм может проявиться или как стремление определенных социальных сил уничтожить сложившуюся систему общественно-политических отношений, или, как стремление сохранить эту систему в неизменном виде. В связи с этим, повышенную опасность представляют такие черты экстремизма, как систематическое использование насильственных методов борьбы, публичные призывы к осуществлению

противоправных действий, повышенная агрессивность к проявлениям инакомыслия и несогласия, идеологическая обеспеченность, корпоративность.

Поскольку угроза проявлений экстремизма в современной России по-прежнему остается на достаточно высоком уровне, о чем свидетельствует, например, неспокойная обстановка на Северном Кавказе, то эта проблема еще долго будет оставаться весьма актуальной для нашей страны, а это требует ее теоретического осмысления. Кроме того, усиление ксенофобии, совершение преступлений на почве ненависти и вражды в связи с расовой, национальной и религиозной принадлежностью напрямую ведут к росту активности экстремистских организаций и групп.

Кроме того, согласно Указу Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», «одним из основных источников угроз национальной безопасности в сфере государственной и общественной безопасности выступает экстремистская деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране».[1]

В тоже время формирование эффективно функционирующего политико-правового механизма противодействия тем или иным проявлениям экстремизма является условием не только успешных преобразований, но и важнейшим фактором обеспечения целостности современной отечественной государственности, надежным гарантом защиты прав и свобод российских граждан. В этом контексте обращение к институционально-правовым основаниям антиэкстремистской деятельности вполне актуально, поскольку теоретическое осмысление этой проблемы неизбежно вторгается в практическую сферу и связано с поиском действенных антиэкстремистских

[1] Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

принципов и методик, адекватных современным модернизационным процессам в Российской Федерации. Поэтому только на основе теоретического осмысления данной проблемы и можно осуществлять поиск оптимальных путей антиэкстремистской деятельности, реально гарантирующих стабильное и безопасное функционирование различных сфер российской государственности.

Степень разработанности проблемы. Проблемы, связанные с исследованием сущности экстремизма, содержанием и особенностями политико-правовых технологий противодействия этому деструктивному явлению в России и за ее пределами, привлекали и привлекают внимание многих отечественных и зарубежных политологов, философов, социологов, историков.

В отечественной науке среди ранних работ, посвященных проблемам исследования сущности и особенностей революционного экстремизма можно отметить труды Н.А. Бердяева, И.А. Ильина, К.П. Победоносцева, Л.А. Тихомирова.[2] Эти работы отличает фундаментальность социально-философского осмысления исторического пути развития России. А также глубокая убежденность в том, что именно духовность, верность традициям, высокие моральные принципы позволяют преодолевать кризисные периоды в развитии российской государственности. Именно российские традиции, православные основы русской культуры, по мнению данных авторов, помогут справиться с различными проявлениями экстремизма и революционного терроризма в российском обществе.

В советский период проблема изучения сущности экстремизма рассматривалась, главным образом, в связи с деятельностью зарубежных фашистских, неонацистских, левацких организаций и групп. Труды советских ученых – Б.Н. Бессонова, В.В. Витюка, А.А. Галкина, А.С. Грачева, В.А. Иванова носили социально-философский характер и были

---

[2] Бердяев Н.А. Судьбы России. Опыты по психологии войны и национальности. – М.,1990; Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. – М., 1992; Победоносцев К.П. Великая ложь нашего времени. – М., 2004; Тихомиров Л.А. Личность, общество и церковь. Минск, 2010.

посвящены изучению явлений политического экстремизма в капиталистическом мире.[3] Кроме того, в работах Б.Н. Бессонова, А.А. Галкина, В.А. Иванова прослеживается стремление отождествить термин «экстремизм» с такими понятиями как «фашизм», «нацизм» и т.д. Безусловно, труды этих ученых внесли существенный вклад в изучение и фашизма, и нацизма, но к анализу сущности экстремизма как политического явления подходили мало.

В начале 1990-х гг. непростые реалии становления и развития российской государственности привели к появлению специальных работ, посвященных изучению проблем политического экстремизма. На данном этапе исследователи этого феномена не только отказались от простого отождествления экстремизма с фашизмом или нацизмом, но и попытались выяснить сущность, содержание и причины появления политического экстремизма в нашей стране и зарубежом. Здесь следует отметить труды Ю.И. Авдеева, Г.И. Авциновой, А.М. Верховского, А.А. Козлова, Г.И. Морозова, Н.А. Романова, С.А. Эфирова.[4] В данных исследованиях отразился взгляд на экстремизм как на приверженность к крайним взглядам и мерам в политике, что привело к появлению достаточно распространенной в 1990-х гг. трактовки экстремизма, как «приверженности к крайним мерам, действиям, взглядам и решениям».[5]

Однако определенным недостатком данных исследований стало то, что авторы, пытаясь обосновать сущность политического экстремизма, исходили

---

[3] Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология и политика. М, 1985; Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политическая концепция современного «левого» терроризма: Автореф. дисс. … докт. филос. наук. М., 1985; Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967; Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986; Иванов В.А. Со свастикой и без... М., 1981.

[4] Авдеев Ю.И. Политический экстремизм как явление политической борьбы: сущность, содержание и формы (теоретико-методологический аспект). М., 1996; Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1995. № 3; Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996; Козлов А.А. Молодежный экстремизм. Спб., 1996; Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества. М., 1997; Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М., 1997; Эфиров С.А. Опасность радикализма //Политические исследования. 1994. №2.

[5] См. напр., Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996. С. 14.

из фактического отождествления экстремизма с радикализмом и терроризмом.

Вместе с тем, следует отметить, что данные авторские работы начала и середины 1990-х гг. послужили хорошим заделом для начала всестороннего исследования феномена политического экстремизма в современной российской науке.

В конце 1990-х начале 2000-х гг. на отечественных исследователей оказали существенное влияние труды представителей западной конфликтологии. Так, в трудах М. Вебера, Э. Геллнера, А. Гидденса, Р. Дарендорфа, М. Дойча, Г. Зиммеля, Л. Козера, М. Уолцера были изложены различные концепции конфликта, предложены многочисленные классификации конфликтов, изучена роль конфликтов в развитии общества.[6]

Среди отечественных исследователей, сторонников данного подхода, можно выделить работы А.В. Глуховой, А.В. Дмитриева, Г.Ю. Запрудского.[7] В данных трудах отстаивалась точка зрения на то, что политический экстремизм порождает конфликты между субъектами экстремизма и общественным окружением. В зависимости от характера субъекта экстремистской деятельности, его целей и наличных ресурсов конфликты могут принимать различный масштаб, втягивая в свою орбиту различные политические структуры.

В это же время значительный интерес вызвало изучение природы экстремизма как международно-правовой категории политического характера. Здесь следует отметить работы В.Ф. Антипенко, В.А. Дворянова, М.П. Краснова, Б.К. Мартыненко, В.В. Устинова.[8] Весомой заслугой данных

---

[6] Вебер М. Образ общества. М., 1994; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5; Дойч М. Разрешение конфликтов. Конструктивные и деструктивные процессы // Социально-политический журнал. 1997. № 1; Зиммель Г. Конфликт современной культуры. М., 1996; Козер Л. Основы конфликтологии. СПб., 1999; Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

[7] Глухова А.В. Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования: Дис... докт. полит. наук. М., 1997; Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998; Запрудский Г.Ю. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов-н/Д., 1992.

[8] Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом: международно-правовые подходы. Киев, 2002; Дворянов В.А. Политический экстремизм в Центральной Европе // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М., 2002; Краснов М.П. Политический экстремизм - угроза

исследований можно назвать постановку вопроса о необходимости выработки научного подхода для разграничения понятий «терроризм» и «экстремизм» на основе использования международно-правовых документов, а также необходимости совершенствования российского законодательства в деле борьбы с проявлениями политического экстремизма и терроризма.

К концу 1990-х гг. появляются серьезные исследования, рассматривающие проблему экстремизма применительно к российской региональной специфике. В трудах З.С. Арухова, М.И. Лабунца, И.В. Манацкова, Д.В. Новикова[9] рассматривались проблемы политического экстремизма на материалах северокавказского региона. Авторы пытались заострить внимание на социальных истоках и условиях возникновения экстремистских проявлений на Северном Кавказе в 1990-е гг.

В начале 2000-х гг. значительный вклад в исследование теоретико-правовых вопросов политического экстремизма и терроризма, их сущности, причин возникновения и развития, правового обеспечения борьбы с ними внесли труды Н.Н. Кудриной, А.Ю. Пиджакова, А.Б. Соловьева.[10] В этих исследованиях, на основе широкого привлечения отечественных и зарубежных источников, рассматривались проблемы разграничения понятий «экстремизм» и «терроризм», давались авторские определения терроризму, политическому экстремизму, были предложены различные классификации экстремизма и терроризма.

государственности // Российская юстиция. 1999. № 4; Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: Дис... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д., 1999; Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М., 2002.

[9] Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999; Волков В.В. Политический радикализм в исламе и национальная безопасность России: Дис... канд. полит, наук. М., 2002; Лабунец М.И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: Дис... канд. полит, наук. Ростов-н/Д, 2002; Манацков И.В. Политический терроризм: региональный аспект: Дис....канд. филос наук. Ростов - н/Д, 1998; Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противостояния. Политико-правовой аспект: Дис... канд. полит, наук. Ростов-н/Д, 2002.

[10] Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис... канд. полит, наук. М., 2000; Пиджаков А.Ю. Политический экстремизм в России - угроза современному патриотизму // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Современный патриотизм: борьба идей и проблемы формирования». 5 февраля 2002 г. СПб., 2002; Соловьев А.Б. Политический экстремизм в современной России: 1980-1990-е годы: Дис... канд. полит, наук. Нижний Новгород, 2000.

Отдельного внимания заслуживают исследования политического экстремизма и терроризма, принадлежащие А.Ю. Пиджакову.[11] В своих трудах он неоднократно рассматривал проблему важности разграничения понятий «политический терроризм» и «политический экстремизм», считая, что «необходимо отличать политический терроризм от политического экстремизма, – схожего, но не тождественного явления. Понятие экстремизма значительно шире: террористические методы нередко используются экстремистскими организациями для осуществления их целей».[12]

На современном этапе, в рамках политико-правового подхода, к числу исследований, внесших существенный вклад в разработку проблемы, следует отнести работы Ю.М. Антоняна, Н.Б. Бааль, В.А. Бурковской, И.А. Ветренко, С.А. Воронцова, С.И. Грачева, Е.В. Демидовой, С.И. Кузиной, А.В. Кузьмина, В.В. Лунеева, А.В. Павлинова, И.В. Понкина, А.В. Ростокинского, О.И. Селивановой, И.Ю. Сундиева, В.В. Федуловой, С.Н. Фридинского, М.И. Халикова, Л.А. Хоперской.[13]

---

[11] Пиджаков А. Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб., 2003; Международно-правовое регулирование борьбы с современным терроризмом. СПб., 2001; Политический терроризм в России (историко-правовые аспекты) // КЛИО. 2001. № 1.

[12] Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб., 2003. С. 89.

[13] Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. М., 2010; Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления. Автореф. дисс….док. полит. наук. Нижний Новгород. 2012; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2006; Ветренко И.А. Научно-методологические подходы к изучению экстремизма как социально-политического явления. // Дискурсология, методология, теория, практика. Материалы III международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс ПИ», 2008;Воронцов С.А. Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в институционально-правовом контексте. Автореф. дисс….док. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009; Грачев С.И., Сорокин М.Н., Азимов Р.А. Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия: монография. Н.Новгород: Институт ФСБ России, 2015;Демидова Е.В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2; Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: автореф. дис. … докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010; Кузьмин А. В. Противодействие экстремизму и терроризму: социально–культурный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4; Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. 2009. №9; Павлинов А.В.Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008; Понкин И.В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности. М., 2011; Ростокинский А.В. Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия. Саратов. 2007; Селиванова О.А. Основные направления профилактики интолерантности и экстремизма в среде современного регионального вуза // Образование и наука. 2012. № 3; Сундиев И.Ю. Экстремизм и терроризм в условиях развертывания глобального кризиса // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М., 2009; Федулова В.В. Экстремизм как социально–политический феномен // Социально–гуманитарные знания. 2011. № 3; Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской

В научных трудах данных исследователей раскрываются теоретико-методологические аспекты изучения политического экстремизма, предлагаются авторские определения понятия «экстремизм», приводятся различные классификационные схемы, исследуются вопросы организации противодействия политическому экстремизму в российском обществе.

В тоже время появились исследования, авторы которых критически оценивают расширительное толкование понятия «экстремизм», полагая, что в этом случае, особенно, в правоприменительной практике, происходит сужение, умаление прав и свобод граждан и общественных объединений. И в этом случае любое инакомыслие, выраженное в крайней форме, на основе традиционного толкования экстремизма можно признать противозаконным и уголовно наказуемым. Следовательно, любой гражданин становится потенциально не защищенным от возможного произвола силовых структур государства. Среди сторонников этого подхода можно выделить труды О.А. Бегловой, С.А. Боголюбова, А.М. Верховского, Е.В. Ефановой, К.Н. Лешенкова, В.С. Мартьянова, Е.Ф. Сальникова.[14]

Актуальность исследования политического экстремизма для современной России нашла свое отражение и в ряде диссертационных исследований.[15]

деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). Автореф. дисс….док. юрид. наук. М., 2011; Халиков М.И. Социальный экстремизм // Закон и право. 2010. № 10; Хоперская Л. А. Этнополитические конфликты: модели и возможности разрешения // Вестник Киргизско-Российского славянского университета. – 2014. – Том 14. – № 11.

[14] Беглова О.А. Любой ли экстремизм противоправен? // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 14: Право. 2011. № 4; Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11; Верховский А.М. Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году. М., 2007; Ефанова Е.В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8; Лещенков К.Н. Кооперация или экстремизм: гражданственность как фактор самоорганизации // Мир психологии. 2011. № 1; Мартьянов В.С. Умножение зла добром // Свободная мысль. 2008. № 5; Сальников Е.Ф. Экстремизм: фантом медиакратии // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6.

[15] Амирокова Р.У. Политический экстремизм в современном политическом процессе России. Автореф. дисс….канд. полит. наук. Черкесск. 2006; Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления. Автореф. дисс….док. полит. наук. Нижний Новгород. 2012; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2006; Воронцов С.А. Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в институционально-правовом контексте. Автореф. дисс….док. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2009; Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис…. канд. полит. наук. – М., 2000; Лабунец М.И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: Дис…. канд. полит. наук. – Ростов-н/Д, 2002; Манацков И.В. Политический терроризм: региональный аспект: Дис….канд. филос. наук. – Ростов – н/Д,

Таким образом, проведенный анализ научной литературы свидетельствует, что политический экстремизм (в тех формах и масштабах, в которых он проявляет себя в настоящее время) российские исследователи отнесли к категории объективных угроз национальной безопасности России относительно недавно. Но до конца этот факт еще не осмыслен, подтверждением чему является большое количество работ по доказательству самого существования этой проблемы.

Тем не менее, в настоящее время назрела необходимость проведения комплексного исследования сущности политического экстремизма как устойчивого социального феномена, выявления четких критериев (признаков) экстремистской деятельности, изучения идеологического обеспечения, структуры, финансирования экстремистских сообществ, а также вопросов реформирования системы противодействия экстремизму в Российской Федерации. Отмеченные факторы позволяют, основываясь на результатах уже имеющихся научных трудов, не только перейти к такому комплексному исследованию, но и делают такую работу необходимой.

Объектом исследования является экстремизм как политический феномен, один из факторов угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Предметом исследования является становление и развитие политического экстремизма в современной России, и его воздействие на национальную безопасность нашей страны.

Цель диссертации состоит в комплексном исследовании сущности политического экстремизма, факторов его возникновения, идеологической обеспеченности, организационной и ресурсной базы в контексте происходящих в современной России социально-политических трансформаций. Достижению

1998; Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противостояния. Политико-правовой аспект: Дис…. канд. полит. наук. – Ростов-н/Д, 2002; Павлинов А.В.Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008; Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). Автореф. дисс….док. юрид. наук. М., 2011; Хохлов А.С. Социально-политические противоречия и конфликты в условиях трансформации российского общества: Дис…. докт. соц. наук. – СПб., 2003; Цапко М.И. Управление этническими процессами на региональном уровне: Дис…. канд. полит. наук. – Ставрополь, 2005.

поставленной цели подчинены следующие **научные задачи**:

– выделить и систематизировать в рамках политико-правового подхода исследования по проблеме политического экстремизма;

– исследовать сущность политического экстремизма, дать авторское определение этого феномена, а также выявить его признаки и предложить авторскую классификацию видов политического экстремизма;

– выделить основные факторы, влияющие на возникновение и развитие экстремизма;

– выявить особенности экстремистской идеологии, проанализировав пути ее формирования, сущностное содержание, разновидности;

–проанализировать мировоззренческие установки правоэкстремистских общественных организаций, выявить основные направления в современном российском правом экстремизме;

– исследовать особенности идеологии российских левоэкстремистских организаций, определить основные тенденции ее развития;

– проанализировать эволюцию структуры экстремистских организаций, а также основные источники их финансирования;

– показать значение выявленных признаков политического экстремизма для диагностирования деятельности экстремистских организаций в России;

– обосновать необходимость комплексного реформирования системы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации, предложив авторские рекомендации по совершенствованию системы противодействия проявлениям политического экстремизма.

Научная новизна представленного исследования заключена в проблематике работы, которая актуальна для сегодняшнего дня, в самой постановке проблемы и в тех научных результатах, которые получены в итоге работы:

1. Выявлены и проанализированы различные научные направления в понимании политико-правовой и социокультурной сущности политического экстремизма.

2. Предложено авторское определение термина «политический экстремизм», выделены существенные признаки, классифицированы основные его проявления.

3. Выделены и классифицированы факторы возникновения и развития политического экстремизма.

4. Предложено авторское определение термина «экстремистская идеология», выделены ее характерные особенности, варианты ее формирования.

5. Показаны и классифицированы разновидности правоэкстремистских идеологий в современной России.

6. Выделены и исследованы идеологические установки российских левоэкстремистских организаций и групп.

7. Раскрыты и проанализированы материально-техническая база, эволюция структуры экстремистских организаций.

8. Предложены основные критерии для диагностирования экстремистской деятельности, выделены и классифицированы различные российские экстремистские организации.

9. Обобщены и критически осмыслены современные проблемы противодействия экстремистской деятельности в Российской Федерации. А также разработан ряд политико-правовых мер по нейтрализации и снижению степени угроз национальной безопасности России со стороны проявлений политического экстремизма.

Полученные результаты позволили существенно продвинуться в понимании рассматриваемой проблемы.

Теоретическая и практическая значимость исследования. В теоретическом плане дается новая интерпретация феномена экстремизма, рассматриваемого как сугубо политическое явление – политический

экстремизм. Такой подход к проблеме позволяет отказаться от чрезмерного тиражирования его «разновидностей», вызванных метафорическим употреблением данного понятия.

Раскрывается сущность, пути становления, разновидности экстремистской идеологии в современной России. Это способствует пониманию того, что условиями для появления экстремистской идеологии служат непримиримые противоречия между различными социальными группами, а также когда существование отдельных таких групп резко ухудшается или оказывается вообще под угрозой уничтожения. Поэтому экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических условиях может принять любая идеология (любой социальной группы), правая или левая, буржуазная, мелкобуржуазная или пролетарская и т.д.

Определение политического экстремизма как дестабилизирующего фактора способствует пониманию необходимости применения комплексного подхода к реформированию системы антиэкстремистской деятельности. Осознание всей сложности проблемы стимулирует государственные структуры и институты гражданского общества консолидировать свои усилия по противодействию проявлениям политического экстремизма в России.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в работе органов государственной власти на федеральном и региональном уровне. Они так же могут использоваться при разработке новой Концепции национальной безопасности России, при совершенствовании системы антиэкстремистской политики Российской Федерации. Концептуальные и фактологические материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе при изучении политологии, конфликтологии, социологии, общей теории государства и права, для научно-исследовательской работы со студентами и аспирантами, а также в системе повышения квалификации

сотрудников правоохранительных органов и прочих государственных структур.

Методологическую основу исследования составили общие научные принципы и методы познания, широко используемые в изучении социально-политических процессов, а также научные подходы, связанные с особенностями избранной проблемы. Методологической основой исследования является диалектический метод познания общественных явлений. В процессе решения исследовательских задач использовались общенаучные методы: исторический, системно-функциональный, сравнительный (компаративный), а также специальные методы: статистический, изучение материалов экстремистских организаций, а также судебных решений по запрету деятельности экстремистских организаций на территории Российской Федерации.

Теоретической основой диссертации послужили научные труды в области политологии, философии, социологии, психологии, конфликтологии, уголовного права и криминологии и др. Кроме того, теоретическую базу составили исследования В.Ф. Антипенко, Ю.М. Антоняна, О.А. Бегловой, С.А. Боголюбова, В.А. Бурковской, А.М. Верховского, С.А. Воронцова, В.А. Дворянова, Е.В. Демидовой, Е.В. Ефановой, М.П. Краснова, А.В. Кузьмина, М.И. Лабунца, К.Н. Лешенкова, В.В. Лунеева, И.В. Манацкова, В.С. Мартьянова, Б.К. Мартыненко, А.В. Павлинова, А.Ю. Пиджакова, И.В. Понкина, А.В. Ростокинского, Е.Ф. Сальникова, О.И. Селивановой, И.Ю. Сундиева, В.В. Устинова, В.В. Федуловой, С.Н. Фридинского и др.

Диссертация написана на репрезентативном и разнообразном материале. Его базис составили документы, материалы периодической печати различных экстремистских организаций, действовавших и действующих на территории современной России. Некоторые из этих источников вводятся в научный оборот впервые. Также были использованы статистические данные Генеральной прокуратуры РФ, МВД РФ о преступлениях экстремистской

направленности за 2003 – 2015 гг., дающие представление о динамике этого вида преступлений в современной России. Рассмотрение политико-правового режима противодействия экстремистской деятельности базировалось на законодательных актах Российской Федерации, Указах Президента Российской Федерации, Постановлениях и Распоряжениях Правительства, Совета Федерации и Государственной Думы Российской Федерации, на ведомственных нормативно-правовых актах, международных соглашениях и конвенциях.

Источниками настоящей диссертации также явились материалы международных и общероссийских научных (научно-практических) конференций, труды государственных и политических деятелей, научные статьи, монографии, диссертационные работы, материалы интернет-сайтов.

Применение выше названных методов и использование теоретической базы позволило сохранить логику исследования и решить поставленные научные задачи.

Положения, выносимые на защиту:

1. Изучение феномена экстремизма в современной политической науке свидетельствует об отсутствии общепризнанного подхода к определению данного понятия и классификации его проявлений в российской политической жизни. Противоречия и конфликты социальных, национальных, корпоративных и других интересов различных государственных структур, общественных организаций, социальных групп, политических лидеров принципиальным образом обуславливают трудность нахождения единого, устраивающего все заинтересованные стороны определения данного понятия. Усложняющим понимание сущности экстремизма является постоянное умножение («почкование») видов экстремизма на основе самых разнообразных критериев, не всегда убедительно объясняемых исследователями данной проблемы.

Деятельность субъектов экстремизма связана с достижением конкретных политических целей, поэтому целесообразно рассматривать экстремизм как политическое явление, т.е. политический экстремизм, и в науке и законодательной практике отказаться от бесконечного тиражирования его «разновидностей», вызванных метафорическим употреблением этого понятия. Поскольку в любом конфликте на национальной, религиозной, социальной, этнической почве экстремизм проявляется только во взаимосвязи с политическими интересами, целями, убеждениями участников конфликта.

2. Исследование сущности политического экстремизма позволяет предположить, что его происхождение связано с критическими, чрезвычайными, экстремальными обстоятельствами, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Политический экстремизм является в принципе естественной и самопроизвольной реакцией социальных субъектов на экстремальные социальные ситуации, хотя эта реакция, по своей сути, не является оптимальной, поскольку экстремизм не разрешает экстремальной ситуации, а, скорее, усугубляет ее.

Политический экстремизм – это радикальный, идеологически (идейно и ценностно) обоснованный вид политической деятельности определенных социальных субъектов, поставленных в критические, чрезвычайные условия существования и использующих нелегитимные и противоправные формы политического насилия для коренного изменения сложившейся ситуации.

3. Понимание сущности политического экстремизма как развивающегося явления, позволяет систематизировать специфические (социально-экономические, политические, идеологические), т.е. непосредственно генерирующие проявления политического экстремизма и дополнительные (религиозные, культурные, психологические) факторы, порождающие экстремистскую деятельность в политической сфере общества.

По нашему мнению, специфические факторы, проявляясь в виде длительного периода социально-экономической нестабильности, ослабления

государственной власти и дискредитации ее институтов, возможности бесконтрольного использования нелегитимных технологий управления и идеологической манипуляции поведением различных социальных групп, характеризуют устойчивую кризисную ситуацию в обществе, порождающую рост проявлений экстремистской деятельности. Тогда как дополнительные факторы, проявляясь на фоне специфических, подчеркивают общий характер чрезвычайной ситуации, сложившейся в данный период и определяют различные стороны политического экстремизма.

4. Экстремистская идеология обосновывает закономерную, исторически обусловленную, но деструктивную реакцию представителей той или иной социальной группы на сложившееся критическое положение, связанное с дальнейшим существованием, выживанием или самосохранением определенной социальной группы.

Становление экстремистской идеологии может происходить двумя путями: во-первых, путем трансформации радикальных идей (приобретение экстремистских черт) и, во-вторых, путем создания «новой» экстремистской идеологии на основе своеобразной теоретической эклектики с привлечением различного рода идей, теорий, учений. Различные теоретические концепции, идеи и установки используются современными экстремистами для обоснования не только какой-то глобальной стратегической цели – изменение всего общества, но и как оправдание использования экстремистских методов для решения тактических задач (дестабилизация общественной жизни, подрыв деятельности государственных институтов, эскалация социальных, национальных и прочих конфликтов).

5. Исследование феномена правоэкстремистской идеологии позволяет рассматривать правый экстремизм как достаточно сложное политическое явление, проявляющееся в двух основных видах: светский и религиозно-политический экстремизм. Светский правый экстремизм позиционирует себя в связи с той или иной национальной идеей, выраженной в достаточно крайних формах неприятия «чужих» культурных, национальных, духовных и

прочих норм и ценностей. Другой разновидностью правого экстремизма является религиозно-политический экстремизм, который базируется на сочетании религиозной доктрины с правоэкстремистскими идеологическими установками.

6. В отличие от правого политического экстремизма, левый экстремизм – определенный вид деятельности отдельных организаций, социальных групп или индивидов, стремящихся уничтожить господствующую политическую систему и руководствующихся при этом определенным набором левых экстремистских идеологических установок, взглядов и идей. На современном этапе развитие идеологии левого экстремизма будет во многом определяться устойчивой тенденцией, связанной как с трансформацией леворадикальных идей в экстремистские на базе уже существующих леворадикальных организаций, так и путем создания группировок с ярко выраженной левоэкстремистской идеологией.

7. Возможности экстремистских организаций, действующих в современной России, определяются наличием устойчивой, разветвленной организационной структурой, собственной развитой материально-технической базой и, главным образом, отлаженным механизмом финансирования деятельности экстремистских сообществ.

Развертывание процесса усовершенствования (модернизации) организационных структур экстремистских формирований вскоре приведет к началу нового этапа в развитии не только экстремистских объединений, но и всего политического экстремизма в целом.

8. Сложившуюся в средствах массовой информации, правоохранительных органах, массовом сознании практику отождествления радикализма и политического экстремизма вряд ли можно считать обоснованной. Применение специальных критериев для диагностирования экстремистской деятельности общественных организаций позволяет четко определить ту грань, которая отделяет проявления радикализма от политического экстремизма.

9. Российская государственная система противодействия экстремизму функционирует не столь эффективно, как того требуют современные условия. Не наработана в достаточной степени правоприменительная практика борьбы с политическим экстремизмом, что, в первую очередь, связано с неконкретным, спорным характером некоторых правовых норм, а также со сложностью формирования доказательной базы (отсутствие четких критериев для диагностирования экстремистской деятельности). Тенденции развития политического экстремизма, как в мире, так и в России требуют незамедлительного реформирования государственной системы по противодействию проявлениям экстремизма в российском обществе. Отличительной особенностью реформированной системы должно стать регулирование не отдельных обособленных направлений в противодействии экстремизму, а комплексный подход к решению данной проблемы: взаимосогласованное регулирование всех подсистем противодействия экстремизму при одновременном использовании обновленного правового инструментария.

Достоверность результатов проведенного исследования подтверждается использованием работ ведущих отечественных и зарубежных ученых по исследуемой проблеме, корректным использованием методов обоснования выводов и рекомендаций. Обоснованность результатов, полученных диссертантом, базируется на используемых автором общенаучных методах познания (анализ, синтез, сравнение, обобщение), а также на методах структурно-функционального анализа, системного, институционального, компаративного (сравнительного), исторического, нормативно-ценностного подходов.

Апробация результатов исследования проводилась на I Международной научно-практической конференции «Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия» 2 ноября 2011г. (г. Пенза); на Международной научно-практической конференции «Наука и образование в жизни современного общества», состоявшейся 29 октября

2012г. (г. Тамбов); на III Международной научно-практической конференции «Социально-гуманитарные проблемы современности: человек, общество и культура» 25 мая 2014г. (г. Красноярск); на IV Международной научно-практической конференции молодых ученых и специалистов «Современная российская наука глазами молодых исследователей» 17 февраля 2014г. (г. Красноярск); на XIX Международной научно-практической конференции, посвященной проблемам общественных наук, состоявшейся 30 апреля 2014г. (г. Москва), на Всероссийской научно-практической конференции «Современные исследования социальных проблем» с международным участием в марте 2011г. (г. Красноярск); на IX Всероссийской научно-практической конференции «Альтернативный мир», проходившей 15 октября 2014г. (г. Благовещенск); на I Региональной научно-практической конференции «Сахалинские Кирилло-Мефодиевские чтения», состоявшейся 22 мая 2010г. (г. Южно-Сахалинск); на V Международной научно-практической конференции «Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества» (Благовещенск – Хэйхэ – Харбин), состоявшейся 18-23 мая 2015г., а также на ежегодных научно-практических конференциях БГПУ (г. Благовещенск).

Помимо вышеуказанных конференций, основные положения диссертации нашли отражение в четырех научных монографиях (две в соавторстве) и пятидесяти двух статьях, в том числе в ведущих рецензируемых научных журналах, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора наук.

На основе концептуальных выводов исследования, автором проводились лекционные и семинарские занятия в Благовещенском государственном педагогическом университете, Законодательном Собрании Амурской области, Амурском государственном университете.

Диссертация обсуждена на заседании кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Историко-филологического факультета

Благовещенского государственного педагогического университета и рекомендована к защите.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающие девять параграфов, заключения, списка литературы, содержащего 238 названия.

Глава 1. Теоретико-методологические основы исследования политического экстремизма

1. 1 Политико-правовой подход к трактовке политического экстремизма

Проблема политического экстремизма в последнее время является одной из наиболее актуальных и для России, и для мирового сообщества в целом. И связано это, прежде всего, с ростом политической активности различных общественных организаций, объединений и групп. Причем спектр этой активности достаточно широк и проявляется как в политическом хулиганстве (оскорбление представителей власти, несанкционированное проведение митингов, пикетов, нанесение надписей политического характера и т.д.), так и в политических убийствах, захвате заложников, деятельности различных террористических организаций.

Политический экстремизм – сложное и многоаспектное явление, имеющее множество политических, социальных, экономических, психологических и прочих особенностей, которые действуя в комплексе, обуславливают его масштабы и перспективы развития. Основу для распространения различных проявлений политического экстремизма составляют устойчивые кризисные явления в социально-экономической и политической сферах, глубокие экономические, социальные, национальные противоречия, политическая нестабильность, отсутствие в обществе сплоченности – все эти явления характерны и для развития современного российского общества. Таким образом, переводя религиозные, национальные и этнические вопросы в политическую плоскость, используя их в качестве инструмента, средства для разжигания конфликтов, экстремизм создает реальную угрозу безопасности российского государства и общества.

В тоже время политический экстремизм – это явление международного масштаба. Не замечая государственных границ, поддерживаемый системой организационных связей, он представляет особую опасность для мирного сотрудничества различных государств, в целом для международных

контактов и отношений. В условиях глобализации и трансформации экстремизм в своих многообразных проявлениях превращается во всеобщую проблему глобализирующегося мира.

Развитие современной политической ситуации в мире показывает, что экстремизм довольно часто становится средством борьбы субъектов политической деятельности в ходе достижения ими своих целей. Обострение проявлений политического экстремизма, расширение направленности осуществляемых акций создают постоянную угрозу безопасности государству, обществу и личности. Своевременное и эффективное противодействие этой опасности имеет большое значение для интересов России.

Неоднозначность политических, идеологических, этнонациональных, религиозных процессов, происходящих в современной России, придает исследованию проблемы политического экстремизма особую актуальность, требует его глубокого теоретико-методологического осмысления. Поэтому в российской и зарубежной науке изучение проявлений политического экстремизма стало весьма востребованным.

История изучения политического экстремизма как социально-политического явления сравнительно молода, хотя сам экстремизм известен давно и проявил себя как явление многоаспектное. И поэтому, на наш взгляд, изучение политического экстремизма как социального феномена необходимо вести комплексно, т.е. на основе использования результатов исследований различных научных направлений и обращаясь к широкому кругу разнообразных источников.

Начиная с 1990-х гг. в российской науке, в исследовании проявлений политического экстремизма, стал складываться политико-правовой подход. Это было связано как с необходимостью анализа роста экстремистских проявлений в российском обществе, так и непосредственно со стремлением политологов, правоведов, государственных и общественных деятелей

разработать и законодательно оформить действенную политику противодействия политическому экстремизму в России.

В рамках политико-правового подхода начался процесс формирования нескольких направлений, по которым, по нашему мнению, велись исследования политического экстремизма в 1990-х начале 2000-х гг.

Одним из первых направлений, появившихся в начале 1990-х гг., и которое можно было бы назвать «конъюнктурным», было стремление не столько ученых, сколько представителей государственных структур, общественности найти общие экстремистские черты у фашизма, нацизма, большевизма и т.п. Таким образом, представив политический экстремизм как современное проявление этих крайних идей, взглядов, действий.

По нашему мнению, объяснялось это как наличием политической конъюнктуры того времени, так и отсутствием четкого понимания того, что такое «политический экстремизм», а также не разработанностью данной проблемы в отечественной политической науке. Так, до начала 1990-х гг. каких-то концептуальных политико-правовых исследований политического экстремизма в России еще не было, а работы советских ученых, таких как В.В. Витюк, А.С. Грачев носили преимущественно социально-философский характер и были посвящены изучению явлений политического экстремизма за рубежом в капиталистическом мире.[16]

Отсюда стремление ряда представителей органов власти и общественных деятелей, главным образом сторонников демократических организаций, связать термин «экстремизм» с фашизмом, нацизмом и т.д. С этой целью использовались исследования советских ученых, таких как А. Галкин, А. Бланк, Б. Бессонов, М. Гус, П. Рахшмир и др.[17] Безусловно, труды этих ученых внесли большой вклад в изучение и осмысление истоков,

---

[16] См. напр., Витюк В.В. Социальная сущность и идейно-политическая концепция современного «левого» терроризма: Автореф. дисс. … докт. филос. наук. М., 1985; Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986.

[17] См., напр. Бланк А. Адвокаты фашизма. Легенды и мифы реакционной буржуазной историографии о германском фашизме. М, 1974; Бланк А. Неонацизм - орудие реакции. М., 1979; Бессонов Б.Н. Фашизм: идеология и политика. М, 1985; Галкин А.А. Германский фашизм. М., 1967; Гус М. Безумие свастики. М., 1973; Иванов В. Со свастикой и без... М., 1981; Новик Ф. Неонацизм в ФРГ: подъем и поражение 1949-1974 гг. М., 1976; Рахшмир П. Происхождение фашизма. М., 1981и др.

причин, сути фашизма, нацизма и их разновидностей, но к анализу сущности политического экстремизма подходили мало. Тем более большую роль сыграло стремление ряда политиков того времени попросту объединить понятия «фашизм» и «большевизм» в одно и представить все радикальные учения и доктрины как фашизм или неофашизм (именно тогда появился такой политический ярлык как «красно-коричневые»).

Причем это не было изобретением российских общественных деятелей начала 1990-х гг. Данная тенденция уходит своими корнями на Запад. Достаточно ясно выразил ее итальянский профессор социологии Л. Стурце: «В сущности, между Россией и Италией есть только одна настоящая разница – именно то, что большевизм является левым фашизмом, тогда как фашизм является правым большевизмом».[18] Немецкий историк Э. Нольте считал, что коммунизм и фашизм равны, и рассматривал большевизм как предпосылку фашизма.[19]

Однако ко второй половине 1990-х гг. простое отождествление экстремизма с фашизмом себя исчерпало, что было во многом связано с появлением более серьезных исследований политического экстремизма в России. Вместе с тем этот конъюнктурный подход породил устойчивую практику использования термина «экстремизм» как некоего политического ярлыка, навешиваемого на всех недовольных и несогласных. И здесь сыграли свою роль российские средства массовой информации, правоохранительные органы и представители различных общественных структур.

Таким образом, отсутствие четкого научного понимания сущности данного феномена привело к довольно широкому его толкованию, когда любую протестную деятельность граждан можно было объявить «экстремистской» и, соответственно, «принять меры». К сожалению, данная практика применяется органами государственной власти и в наше время. Например, в 2010 г. общественной организации «РОТ ФРОНТ» Минюст

---

[18] Стурце Л. Фашизм. Тоталитарная диктатура. М., 1991. С. 36.
[19] Nolte E. Der europaische Burgerkrieg 1917 – 1945. Nazionalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, 1987.

отказал в регистрации как политической партии лишь на основании партийной символики: сжатый кулак на фоне красной звезды, что было расценено как экстремистское посягательство на конституционный строй РФ.

К середине 1990-х гг. сформировалось новое направление в исследовании экстремизма, представители которого стремились выяснить сущность, содержание и причины появления политического экстремизма в нашей стране и зарубежом. Здесь необходимо отметить труды Ю.И. Авдеева, Г.И. Авциновой, Н.А. Романова, С.А. Эфирова, Г.И. Морозова, А.М. Верховского, А.А. Козлова и др.[20]

Рассматривая экстремизм как проявление политического радикализма или терроризма, исследователи данного направления пытались с разных позиций обосновать то, или иное основание политического экстремизма. Так, в работах Г.И. Авциновой[21] и С.А. Эфирова[22] под экстремизмом понимался политический радикализм, преимущественно в форме пропагандирования ультраправых идей и взглядов. Тогда как, например Г.И. Морозов, прямо отождествлял экстремизм с терроризмом и насилием.[23]

Вместе с тем в данных исследованиях отразился взгляд на экстремизм как на приверженность к крайним взглядам и мерам, а не как на активную политическую деятельность определенного рода. Тогда же закрепилась этимологическая трактовка понятия «политический экстремизм», утверждающая, что «слово «экстремизм» образовано от латинского extremus – крайний. В широком смысле экстремизм – это приверженность к крайним мерам, действиям, взглядам и решениям».[24] В некоторых работах эти крайние

---

[20] Авдеев Ю.И. Политический экстремизм как явление политической борьбы: сущность, содержание и формы (теоретико-методологический аспект). М., 1996; Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1995. № 3; Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996; Козлов А.А. Молодежный экстремизм. Спб., 1996; Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества. М., 1997; Романов Н.А. Политический экстремизм как угроза безопасности страны. М., 1997; Эфиров С.А. Опасность радикализма //Политические исследования. 1994. №2.

[21] Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 1995. № 3. С. 31.

[22] Эфиров С.А. Опасность радикализма //Политические исследования. 1994. №2. С. 37.

[23] Морозов Г.И. Терроризм – преступление против человечества. М., 1997. С. 62.

[24] Верховский А., Папп А., Прибыловский В. Политический экстремизм в России. М., 1996. С. 14.

меры и действия рассматривались с точки зрения психологии, т.е. применительно к человеку, личности. Так, в работе А.А. Козлова экстремизм трактовался как проявление человеческой злобности, злонамеренности, злого умысла.[25]

Серьезным упущением данных исследований стало то, что авторы, уделив значительное место описанию проявлений экстремизма в политической жизни, пытались обосновать сущность экстремизма, исходя из фактического отождествления экстремизма с политическим радикализмом и терроризмом. Следует отметить, что подобный подход к трактовке экстремизма дальнейшего развития в науке не получил.

Вместе с тем труды вышеперечисленных исследователей послужили началом к всестороннему исследованию проблемы политического экстремизма в современном российском обществе. Это придало данной проблеме новое значение (экстремизм перестал отождествляться исключительно с пропагандой фашистских идей, а в дальнейшем с политическим радикализмом и терроризмом) и послужило основой для начала разработки государственной политики по противодействию росту и распространению экстремизма в Российской Федерации.

В конце 1990-х начале 2000-х гг., в политической науке начался новый этап исследований сущности, причин, разновидностей экстремистских проявлений в российском обществе. Этот этап проявился в формировании нескольких направлений.

По нашему мнению, одно из этих направлений сложилось на основе теории политического конфликта, и было связано с предположением о том, что политический экстремизм порождает конфликты в обществе. Здесь следует отметить, что большое влияние на формирование этого направления оказали труды западных исследователей в области конфликтологии. Так, в трудах М. Вебера, Э. Геллнера, А. Гидденса, Р. Дарендорфа, М. Дойча, Г.

---

[25] Козлов А.А. Молодежный экстремизм. Спб., 1996. С. 7.

Зиммеля, Л. Козера, М. Уолцера были изложены различные концепции конфликта, предложены многочисленные классификации конфликтов, изучена роль конфликтов в развитии общества.[26] Так, немецкий ученый Р. Дарендорф утверждал, что основной конфликт в рамках всех социальных институтов касается скорее власти и авторитета, чем собственности и капитала, как у К. Маркса, и что именно отношения господства и подчинения приводят к возникновению антагонистических интересов. Это и вызывает взаимные трения, столкновения, а как результат этого – структурные изменения общества. В тоже время подавленный конфликт он сравнивал с опаснейшей злокачественной опухолью, т.е. подавление конфликта ведет к его обострению (рост экстремистских настроений и действий в обществе), а «рациональная регуляция» – к «контролируемой эволюции».[27]

По мнению американского исследователя Л. Козера социальный конфликт это, прежде всего, идеологическое явление, отражающее устремления и чувства социальных групп и личностей в борьбе за объективные цели: власть, изменение статуса, перераспределение доходов, переоценку ценностей и т.д. Ценность конфликтов состоит в том, что они «предотвращают окостенение социальной системы, открывают дорогу инновациям».[28]

Среди отечественных исследований этого направления можно выделить труды А.В. Глуховой, А.В. Дмитриева, Г.Ю. Запрудского.[29] В данных работах отстаивалась точка зрения на то, что политический экстремизм порождает конфликты между субъектами экстремизма и общественным окружением. В зависимости от характера субъекта экстремистской деятельности, его целей и наличных ресурсов конфликты

---

[26] Вебер М. Образ общества. М., 1994; Геллнер Э. Нации и национализм. М., 1991; Гидденс Э. Социология. М., 1999; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5; Дойч М. Разрешение конфликтов. Конструктивные и деструктивные процессы // Социально-политический журнал. 1997. № 1; Зиммель Г. Конфликт современной культуры. М., 1996; Козер Л. Основы конфликтологии. СПб., 1999; Уолцер М. О терпимости. М., 2000.

[27] Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5. С. 18 – 32.

[28] Козер Л. Основы конфликтологии. СПб., 1999. С. 268.

[29] Глухова А.В. Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования: Дис... докт. полит. наук. М., 1997; Дмитриев А.В. Этнический конфликт: теория и практика. М., 1998; Запрудский Г.Ю. Социальный конфликт (политологический анализ). Ростов-н/Д., 1992.

могут принимать различный масштаб, втягивая в свою орбиту различные политические структуры. К числу политических конфликтов, таким образом, прежде всего, относятся конфликты, связанные с проблемами сохранения или свержения власти, затрагивающие социально-классовые, межэтнические, религиозные, международные и другие отношения.

Вместе с тем в 1990-е гг. в западной политической науке популярной становится концепция «трех экстремизмов», связанная с социально-политическими исследованиями С. Липсета и Г. Ласуэлла и изложенная в концептуальной работе П. Милза «Что такое фашизм?».[30] Если ранее сторонники теории «двух экстремизмов» (правый и левый) уделяли большое внимание анализу таких явлений, как коммунизм и фашизм, считая их экстремистскими крайностями, характеризующими тот или иной вариант тоталитарного общества. То концепция «трех экстремизмов» в качестве критерия отнесения тех или иных субъектов к экстремистским выдвигает мировоззренческий (идеологический) компонент – антилиберальность. И, таким образом, основывается на двух положениях:

1. Социальная база. Каждое направление из «трех экстремизмов» покоится на своей социальной базе. Социальная база «левых» – беднейшее крестьянство и промышленные рабочие, «правых» – различные буржуазные слои, «центристов» – так называемый «средний класс».

2. Две политические тенденции в деятельности. Каждая из трех политических сил демонстрирует две антагонистические тенденции: умеренную и экстремистскую. Экстремистский вариант у «левых» – коммунизм и другие социально-политические феномены – анархизм, маоизм и т.п. Экстремистский вариант у «правых» – реакционные движения (например, легионеры К. Кодряну в Румынии) и режимы (Хорти в Венгрии, Салазара в Португалии, «черных полковников» в Греции и т.д.). Экстремистский вариант у «центристов» – фашизм (Германия, Италия).[31]

---

[30] Милза П. Что такое фашизм? // Полис. 1995. № 2.
[31] Милза П. Указ. соч. С. 158.

Среди отечественных исследователей концепцию (направление) «трех экстремизмов» отстаивали Ю.К. Воробьевский, И.А. Сазонов, считавшие эту теорию «более конструктивной», чем предшествующие.[32]

На наш взгляд, слабость этой концепции состоит, во-первых, в выделении критерия «антилиберальность» для отнесения тех или иных субъектов политической деятельности к экстремистским. Так, для «правых» экстремистских организаций и групп наряду с антилиберализмом характерен ярко выраженный антикоммунизм (для примера можно рассмотреть деятельность любой экстремистской группировки – Военно-спортивную группу Гофмана в ФРГ, или НСО в России). Кроме того, среди левых экстремистов, участвующих в деятельности так называемого молодежного объединения «антифа» присутствуют и представители таких демократических (либеральных) организаций как «Яблоко», ОГФ, «Оборона» и т.п. Во-вторых, в данной концепции не вполне понятно различие в социальной базе «правых» и «центристов», поскольку к так называемому «среднему классу» можно отнести и представителей буржуазных слоев (мелкая, средняя буржуазия), тогда как опора фашистских режимов (в концепции – «центристов») и в Германии и в Италии в первую очередь мелкобуржуазные слои. В-третьих, в теории «трех экстремизмов» не уделено место религиозно-политическому экстремизму, который к 1990-м гг. уже вполне проявил себя в странах «третьего мира» и обнаружил устойчивую тенденцию к росту и распространению во всем мире (например, такие организации как Братья – мусульмане, Хамас, Хизб-ут Тахрир, Хезболлах и т.д.).

В конце 1990-х гг. – начале 2000-х гг. сформировалось направление, изучающее экстремизм как международно-правовую категорию

---

[32] Воробьевский Ю.К. Творцы серой расы // Москва. 1997. № 7. С. 189; Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 2. С. 114.

политического характера. Здесь следует отметить работы В.Ф. Антипенко, В.А. Дворянова, М.П. Краснова, Б.К. Мартыненко, В.В. Устинова и др.[33]

Исследования этих ученых основывались, прежде всего, на изучении международно-правовых документов. Так, Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (утверждена Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1994 г.) провозглашала: «будучи глубоко озабочена тем, что во многих регионах мира все чаще совершаются акты терроризма, в основе которых лежит нетерпимость или экстремизм…».[34] В докладе Генерального секретаря ООН К. Аннана утверждалось, что «идеология экстремизма отрицает ценность и достоинства других и изображает их как нелюдей, заслуживающих истребления…».[35] Таким образом, в ряде своих документов ООН употребляло понятие «экстремизм» как идентичное понятию «нетерпимость» и связывало экстремизм с нетерпимостью к другим людям, понимая под этим отрицание ценности и достоинства других, изображение их как «нелюдей».

Более конкретизированное определение понятия «экстремизм» содержит Шанхайская конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» от 15 июня 2001 г., ратифицированная Федеральным собранием Российской Федерации, утверждающая, что «экстремизм – какое либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них…».[36] Здесь

---

[33] Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом: международно-правовые подходы. Киев, 2002; Дворянов В.А. Политический экстремизм в Центральной Европе // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М., 2002; Краснов М.П. Политический экстремизм - угроза государственности // Российская юстиция. 1999. № 4; Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: Дис... канд. юрид. наук. Ростов – н/Д., 1999; Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М., 2002.

[34] Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма // www.un.org/russian/documen/declarat/terrdec1 (дата обращения 12. 03. 2013).

[35] Единство в борьбе с терроризмом: рекомендации по глобальной контртеррористической стратегии // www.un.org/russian/unitingagainsterrorism/ch2.html (дата обращения 12. 12. 2010).

[36] Шанхайская организация сотрудничества в документах. М.. 2006. С. 10 – 22.

основным критерием для определения того или иного действия как экстремистского выступает определенное средство – насилие, причем связанное как с прямым его применением в ходе борьбы за власть, так и с организацией (создание, финансирование и т.п.) или личным участием в незаконных вооруженных формированиях. Ценность данного определения состоит в том, что экстремизм понимается как, прежде всего, форма политической борьбы, выраженная в совершении тех или иных насильственных действий.

Разработка и принятие Шанхайской конвенции, других международно-правовых документов по борьбе с политическим терроризмом и экстремизмом позволили В.Ф. Антипенко сделать вывод о том, что институциональный механизм сотрудничества в сфере борьбы с терроризмом целесообразно определить как базирующийся на международном и внутригосударственном праве комплекс мер и мероприятий, предпринимаемых в рамках международных организаций универсального характера (ООН и ее специализированные учреждения), региональных организаций (Совет Европы, СНГ, ОБСЕ, ОАГ и др.). И поэтому можно говорить о постепенном формировании на национальном, региональном и международном уровнях институциональных систем и органов, в основе развития которых просматривается тенденция к оптимизации и взаимосвязанному структурированию.[37]

В тоже время в исследовании Б.К. Мартыненко поднимался вопрос о взаимосвязанности политического терроризма с правовым нигилизмом, выступающим крайней формой его проявления. По его мнению, «в законодательных актах предусмотрены разные виды правовой ответственности для террористов, но совершенно нет установления для политических и государственных руководителей конкретных правовых обязанностей по борьбе с политическим терроризмом и ответственности за

---

[37] Антипенко В.Ф. Борьба с современным терроризмом: международно-правовые подходы. Киев, 2002. С. 62.

неприятие своевременных мер как во внутреннем, так и в международном законодательстве».[38] Таким образом, Б.К. Мартыненко, проанализировав существовавшие на тот момент международно-правовые документы, поставил вопрос о несовершенстве (декларативном характере) как международного, так и отечественного законодательства в деле борьбы с проявлениями политического терроризма.

Сосредоточившись на разграничении понятий «терроризм» и «экстремизм» В.В. Устинов описывал экстремизм как социально-политическое явление, считая его формой политической борьбы, характеризующейся отрицанием сложившихся государственных, общественных институтов и структур и стремлением заменить сложившийся порядок в соответствии с собственными властными устремлениями. По мнению В.В. Устинова, экстремизм характеризуется «определенным поведением и выражается как агрессивный настрой личности, наиболее существенными внешними проявлениями, которого служат нетерпимость к мнению оппонента; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы; неприятие прав личности и ее самоценности».[39] Однако, на наш взгляд, сложно согласиться с автором, что такое определение четко различает явления «терроризма» и «экстремизма». Поскольку и для терроризма характерно «отрицание сложившихся государственных, общественных институтов и структур», а для террористов – «нетерпимость к мнению оппонента; склонность к крайним (силовым) вариантам решения проблемы; неприятие прав личности и ее самоценности». Поэтому в определении В.В. Устинова перечислены противоправные действия, но нет указания на сущность, ключевые характеристики данного явления.

Вместе с тем в рамках данного направления (изучение экстремизма как международно-правовой категории политического характера) был поставлен вопрос о необходимости выработки научного подхода для разграничения

---

[38] Мартыненко Б.К. Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: Дис... канд. юрид. наук. Ростов – н/Д., 1999. С. 7.

[39] Устинов В.В. Обвиняется терроризм. М., 2002. С. 16.

понятий «терроризм» и «экстремизм» на основе использования международно-правовых документов, а также необходимости совершенствования российского законодательства в деле борьбы с проявлениями политического экстремизма и терроризма.

К концу 1990-х гг. складывается направление, рассматривающее проблему экстремизма применительно к российской региональной специфике.[40]

В исследованиях З.С. Арухова, М.И. Лабунца, И.В. Манацкова, Д.В. Новикова рассматриваются проблемы политического экстремизма и терроризма в региональном аспекте, а именно на материале северокавказского региона. Авторы пытались заострить внимание, прежде всего, на социальных истоках и условиях возникновения и роста экстремистских проявлений на Северном Кавказе в 1990-е гг.

В монографии З.С. Арухова на большом объеме фактологической информации рассматривается феномен исламского экстремизма. Причем, по мнению автора «исламский фундаментализм» и «исламизм» тождественные понятия, поскольку они «оперируют категориями политического ислама».[41] С чем на наш взгляд трудно согласиться, поскольку исламский фундаментализм, да и любой другой, прежде всего, включает в себя религиозные ценности и требования (более активное распространение в данном случае мусульманских обрядов и традиций, строительство мечетей, миссионерская деятельность, призывы неукоснительно соблюдать религиозные обряды и т.п.). Тогда как исламизм – это использование фундаменталистских ценностей для камуфлирования своих политических, экономических и прочих целей, связанных, в том числе с осуществлением

---

[40] Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999; Волков В.В. Политический радикализм в исламе и национальная безопасность России: Дис... канд. полит, наук. М., 2002; Лабунец М.И. Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: Дис... канд. полит, наук. Ростов-н/Д, 2002; Манацков И.В. Политический терроризм: региональный аспект: Дис....канд. филос наук. Ростов - н/Д, 1998; Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противостояния. Политико-правовой аспект: Дис... канд. полит, наук. Ростов-н/Д, 2002.

[41] Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999. С. 64.

экстремистской деятельности. Этот феномен можно назвать «политическим исламом».

В целом труды З.С. Арухова, М.И. Лабунца, И.В. Манацкова, Д.В. Новикова, несмотря на довольно сильную информационно-аналитическую часть, ограничены одним регионом и за пределы Северного Кавказа не выходят.

Большой исследовательский интерес представляют труды Н.Н. Кудриной, А.Ю. Пиджакова, А.Б. Соловьева[42], посвященные политико-правовым аспектам изучения политического экстремизма и терроризма в России. В данных работах рассматриваются вопросы разграничения понятий «экстремизм» и «терроризм», даются авторские определения терроризму, политическому экстремизму, предложены различные классификации экстремизма и терроризма.

Достаточно серьезные исследования по проблеме политического экстремизма принадлежат А.Ю. Пиджакову.[43] В своих трудах он неоднократно рассматривал проблему важности разграничения понятий «политический терроризм» и «политический экстремизм». По мнению ученого: «Необходимо отличать политический терроризм от политического экстремизма, – схожего, но не тождественного явления. Понятие экстремизма значительно шире: террористические методы нередко используются экстремистскими организациями для осуществления их целей».[44] Кроме того, А.Ю. Пиджаков, согласившись с большинством авторов, определяющих

---

[42] Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис... канд. полит, наук. М., 2000; Пиджаков А.Ю. Политический экстремизм в России - угроза современному патриотизму // Материалы межвузовской научно-практической конференции «Современный патриотизм: борьба идей и проблемы формирования». 5 февраля 2002 г. СПб., 2002; Соловьев А.Б. Политический экстремизм в современной России: 1980-1990-е годы: Дис... канд. полит, наук. Нижний Новгород, 2000.

[43] Пиджаков А. Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб., 2003; Международно-правовое регулирование борьбы с современным терроризмом. СПб., 2001; Политический терроризм в России (историко-правовые аспекты) // КЛИО. 2001. № 1. С. 119 – 125; Международно-правовые основы противодействия терроризму и политическому экстремизму // Проблемы международной и национальной безопасности: Сб. науч. тр. СПб., 2001. С. 70 – 80; О роли МВД в борьбе с терроризмом // Закон и армия. 2002. № 3; Политический экстремизм и терроризм в России: историография проблемы // Россия и мир. Гуманитарные проблемы.: Межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 5. СПб., 2002.

[44] Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим терроризмом и экстремизмом (международно- и национально-правовые проблемы). СПб., 2003. С. 89.

понятие «экстремизм» в широком и узком смысле, предложил собственную трактовку «узкого» толкования понятия «экстремизм», связав ее с событиями текущего момента: «Для характеристики текущего момента часто достаточно узкой трактовки политического экстремизма как незаконной деятельности политических движений и партий, а также должностных лиц и рядовых граждан, направленной на насильственное изменение существующего государственного строя и на разжигание национальной и социальной розни».[45] Однако в данном определении указывается лишь на экстремистскую деятельность, направленную на «насильственное изменение существующего строя», но ничего не говорится о государственном экстремизме в интересах сохранения государственного строя (например, тоталитарного режима) и насильственного подавления, например, сторонников демократических преобразований.

В исследовании Н.Н. Кудриной основное место отводится теоретическому осмыслению феномена политического экстремизма, его сущности и формам проявления. По мнению данного исследователя, понятие «терроризм», во-первых, не тождественно понятиям «террор», «экстремизм», «радикализм», во-вторых, террор – это государственная политика устрашения слабых (оппозиции) сильными (властью), а терроризм – устрашение слабыми сильных.[46] То есть более правомерно понятие «террор» относить к политическим силам, находящимся во власти, опирающимся на властные структуры и репрессивный аппарат подавления, армию, различные спецслужбы, то есть объективно являющимся более сильной стороной в противоборстве. Понятие «терроризм» лучше относить к оппозиционным силам, выступающим против официальной власти и объективно являющимся более слабой стороной в конфликте. Схожей позиции, но уже применительно к политическому экстремизму придерживался в своем труде А.Б. Соловьев, указавший на целесообразность выделения «оппозиционного экстремизма»,

---

[45] Там же. С. 97.
[46] Кудрина Н.Н. Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: Дис... канд. полит, наук. М., 2000. С. 12.

стремящегося к свержению существующего государственного строя и «государственного экстремизма», отстаивающего с помощью ничем не ограниченного насилия существующий политический режим.[47]

На современном этапе в области теоретического изучения проблемы политического экстремизма сформировалось два направления (тенденции). Представители первого направления в своем понимании и определении экстремизма однозначно и без всяких условностей оценивают его как исключительно негативное, социально-опасное явление, требующее жесткого противодействия со стороны государственных органов (увеличение сроков уголовного наказания, расширения прав сотрудников правоохранительных органов и т.п.). Сторонников данного подхода большинство, и представлены они как деятелями науки, так и сотрудниками силовых структур. Такой взгляд на проблему является достаточно традиционным для различных стран мира и поэтому условно представителей этого направления можно назвать – «традиционалисты».

В последнее время появилось много работ сторонников этого подхода, но наиболее известные и интересные исследования представлены научными трудами Ю.М. Антоняна, Н.Б. Бааль, В.А. Бурковской, Е.В. Демидовой, А.В. Кузьмина, В.В. Лунеева, А.В. Павлинова, И.В. Понкина, А.В. Ростокинского, О.И. Селивановой, И.Ю. Сундиева, В.В. Федуловой, М.И. Халикова и др.[48]

---

[47] Соловьев А.Б. Политический экстремизм в современной России: 1980-1990-е годы: Дис... канд. полит, наук. Нижний Новгород, 2000. С. 37.

[48] Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. М., 2010; Бааль Н.Б. Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления. Автореф. дисс….док. полит. наук. Нижний Новгород. 2012; Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2006; Демидова Е.В. Экстремизм: понятие и сущность // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2010. № 2; Кузьмин А. В. Противодействие экстремизму и терроризму: социально–культурный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4; Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. 2009. № 9; Павлинов А.В.Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: Дисс. … докт. юрид. наук. М., 2008; Понкин И.В. Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности. М., 2011; Ростокинский А.В. Современный экстремизм: криминологические и уголовно-правовые проблемы квалификации и противодействия. Саратов. 2007; Селиванова О.А. Основные направления профилактики интолерантности и экстремизма в среде современного регионального вуза // Образование и наука. 2012. № 3; Сундиев И.Ю. Экстремизм и терроризм в условиях развертывания глобального кризиса // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М., 2009; Федулова В.В. Экстремизм как социально–политический феномен // Социально–гуманитарные знания. 2011. № 3; Халиков М.И. Социальный экстремизм // Закон и право. 2010. № 10.

В работах данных исследователей раскрываются теоретико-методологические аспекты изучения политического экстремизма, предлагаются авторские определения понятия «экстремизм», приводятся различные классификационные схемы, исследуются вопросы организации противодействия политическому экстремизму в российском обществе.

В тоже время следует отметить, что некоторые исследования экстремизма в рамках политико-правового подхода объединяет стремление охарактеризовать этот феномен как «криминальный экстремизм», введя, таким образом, в научный оборот новый термин. Так, например, А.В. Павлиновым была предложена категория «криминального (насильственного) антигосударственного экстремизма» как носящей системный, организованный, масштабный характер вооруженной деятельности, направленной на государственную власть с целью изменения основ конституционного строя Российской Федерации либо нарушения ее целостности с использованием насилия или угрозы насилия.[49] Еще раньше В.А. Бурковская определила «криминальный религиозный экстремизм» как «целостную совокупность (систему) признанных преступлениями общественно опасных деяний, направленных на формирование и распространение любыми способами религиозных идей, произвольно объявленных истинными в ущерб всем иным религиозным либо светским идеям, а также на реализацию этих идей уголовно-наказуемыми способами».[50] В свою очередь А.В. Ростокинский утверждает, что «исследуемый объект криминологического изучения должен определяться в категориях уголовного права, но не политологии или психологии, поскольку мы говорим не просто о криминогенном явлении общественной жизни, но об экстремизме криминальном, а значит, сосуществующим с некриминальным».[51]

---

[49] Павлинов А.В. Указ. соч. С. 8.
[50] Бурковская В.А. Указ. соч. С. 13.
[51] Ростокинский А.В. Указ. соч. С. 23.

Безусловно признавая оригинальность данных конструкций, стоит спросить: что же такое все-таки «криминальный экстремизм»? И так ли важно для понимания сути проблемы представлять в определенных случаях данный феномен как «криминальный экстремизм», а в других – как «некриминальный»? По нашему мнению, введение новой категории «криминальный экстремизм» только запутывает понимание сущности (природы) экстремизма, тем более политического экстремизма. Любые проявления политического экстремизма, так или иначе, связаны с насилием (физическим, духовным и т.п.), т.е. изначально могут трактоваться как криминальные, подпадающие под определенные статьи Уголовного кодекса. Тем более является спорным понятие, предложенное А.В. Павлиновым – «криминальный антигосударственный экстремизм», поскольку предполагает возможность довольно широкого толкования при оценке деятельности политической оппозиции, что чревато серьезными нарушениями конституционных прав и свобод граждан.

В тоже время в рамках данного «традиционалистского» направления постоянно идет процесс выделения различных видов проявлений того, что авторы считают экстремизмом. Помимо традиционных – «левого» и «правого», в последнее десятилетие появились – молодежный, подростковый, детский, религиозный, экономический, экономико-политический, социально-политический, националистический, национально-политический, этнополитический, этнический, расово-этнический, этнорелигиозный, религиозно-политический, криминально-политический, криминально-религиозный, информационный, духовный, экологический, международный, насильственный, преступный, рациональный, иррациональный, психопатический, идеологический, мировоззренческий, спортивный, сексуальный, бытовой, национал-экстремизм, киберэкстремизм и т.п. Причем для выделения видов экстремизма используются самые разнообразные критерии, что, в конечном итоге, серьезно осложняет понимание сути данного явления. На наш взгляд, такое «размывание»

понятия «экстремизм», его сущности и видов будет способствовать тому, что в скором времени подобные классификации будут простым перечислением всех известных сфер общественной жизни, где возможны групповая ненависть и вражда. И, таким образом, будут например, исследовать театральный, садоводческий, жилищно-коммунальный, автодорожный, школьный, семейный и тому подобный «экстремизм». Вместе с тем на сегодняшний день имеется немало исследований, освещающих теоретические проблемы экстремизма,[52] но при классификации отдельных его видов общие, свойственные вообще экстремизму черты авторами не всегда анализируются и не сопоставляются со специфическими характеристиками, присущими классифицируемому виду.

В последнее время в исследованиях конкретных проявлений экстремизма в рамках данного «традиционного» подхода сформировалась позиция, которая заключается в том, что с экстремизмом связывается не только возбуждение ненависти или вражды, нарушение прав и свобод граждан, унижение человеческого достоинства в пределах какой-либо страны, но и геноцид, апартеид, международный терроризм как преступления против мира и человечества. Так, В.А. Бурковская и Р.С. Тамаев считают: «Международное сотрудничество в сфере борьбы с экстремизмом (в том числе с криминальным экстремизмом) направлено на формирование общих стандартов: во-первых, по недопущению дискриминации человека в зависимости от каких-либо обстоятельств (пол, раса, национальность и т.д.), во-вторых, по созданию равных возможностей реализации своих прав в самых различных областях деятельности (труд, образование и т.д.), в-третьих, по пресечению его проявлений (терроризма, геноцида, апартеида и

[52] Аршинова А.И. Сущность и специфические особенности экстремизма // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2010. № 3; Красиков В.И. Экстремизм: междисциплинарное философское исследование причин, форм, паттернов экстремистского сознания. М., 2006; Некрасова Е.В. Экстремизм и его особенности в молодежной среде // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4; Никонов К.О. Проблемы определения экстремизма // Юридический мир. 2011. № 7; Федулова В.В. Экстремизм как социально–политический феномен // Социально–гуманитарные знания. 2011. № 3 и др.

т.д.)».[53] Такой подход, по мнению И.Ю. Сундиева, малопродуктивен, поскольку в понятие экстремизма через запятую включаются все формы и проявления радикализма и, конечно, терроризм.[54]

Вместе с тем, как считает И.Ю. Сундиев, интенсификация экстремизма и терроризма в современном мире связана с противоречиями процесса глобализации. Поскольку для многих стран экстремизм и терроризм являются внутренней болезнью, порождаемой их самобытным развитием, там, где есть незавершенная модернизация, ресурсы и нестабильная власть. Поэтому в условиях глобализации экстремизм и терроризм следует рассматривать именно с «политико-криминологических» позиций, «любой другой подход (экономический, религиозный, националистический, цивилизационный и т.д.) к этой проблеме вторичен, поскольку будет отвлекать исследователя от анализа коренных причин, ее определяющих».[55]

С позицией И.Ю. Сундиева не согласен В.В. Лунеев, утверждающий, что «главными детерминантами экстремизма и терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в величайшей социальной несправедливости … в антагонизме между страшной бедностью отдельных регионов и беспредельным богатством развитых стран, которое нередко было добыто неправедным путем».[56]

По нашему мнению, проявления экстремизма и терроризма в современном мире надо рассматривать, используя комплексный подход с учетом различных факторов: политических, экономических, религиозных, цивилизационных, психологических и прочих, поскольку в условиях глобализации экстремизм, как и терроризм, приобретает многоаспектный характер как явление, сопутствующее глобализационному процессу.

---

[53] Бурковская В.А., Тамаев Р.С. Россия и Европа: анализ законодательства, направленного на предупреждение экстремизма и терроризма. М., 2008. С. 7 – 8.

[54] Сундиев И.Ю. Экстремизм в условиях развертывания глобального кризиса: экспозиция явления // Научный портал МВД России. 2009. № 2. С. 65.

[55] Сундиев И.Ю. Террористическое вторжение: криминологические и социально-политические аспекты проблемы. М., 2008. С. 16.

[56] Лунеев В.В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. 2009. № 9. С. 62.

Таким образом, в целом, представители, условно говоря, первого направления существенно обогатили политическую науку исследованиями проблемы политического экстремизма, предложив авторские подходы к определению этого понятия, изучению его природы, причин возникновения, условий распространения, а также сформулировав свои рекомендации по широкомасштабной антиэкстремистской политике, основанной на тесном взаимодействии государства и общества. Существенной недоработкой исследователей данного направления, на наш взгляд, является постоянное тиражирование видов экстремизма (по нашим данным, уже в литературе присутствует около 30 видов и этот процесс продолжается), создание объемных классификаций проявлений деятельности, которую авторы характеризуют как экстремистскую, что в реальности лишь усложняет, затушевывает, размывает проблему конкретизации разновидностей экстремистской деятельности.

Представители второго направления, их можно условно назвать «либералами», считают, что использование расширительного толкования понятия «экстремизм» охватывает широкий круг правоотношений и поэтому происходит сужение, умаление прав и свобод граждан и общественных объединений. И в этом случае любое инакомыслие, выраженное в крайней форме, на основе традиционного толкования экстремизма можно признать противозаконным и уголовно наказуемым. Следовательно, любой гражданин становится потенциально не защищенным от возможного произвола силовых структур государства. В рамках данного подхода можно отметить работы О.А. Бегловой, С.А. Боголюбова, А.М. Верховского, Е.В. Ефановой, К.Н. Лешенкова, В.С. Мартьянова, Е.Ф. Сальникова и др.[57]

---

[57] Беглова О.А. Любой ли экстремизм противоправен? // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 14: Право. 2011. № 4; Боголюбов С.А. Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? // Адвокат. 2001. № 11; Верховский А.М. Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году. М., 2007; Ефанова Е.В. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8; Лещенков К.Н. Кооперация или экстремизм: гражданственность как фактор самоорганизации // Мир психологии. 2011. № 1; Мартьянов В.С. Умножение зла добром // Свободная мысль. 2008. № 5; Сальников Е.Ф. Экстремизм: фантом медиакратии // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2007. № 6.

Одним из первых исследователей, высказавшихся скептически по проблеме разработки и принятия Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», был С.А. Боголюбов, утверждавший, что «все или почти все проступки предусмотрены в Кодексе об административных правонарушениях, а опасные деяния – в УК. Какие еще деяния должны быть в нем? Экстремистские? Но такого преступления не было и нет, ни в российском, ни в зарубежном праве; это политологический и публицистический термин, обобщающий все нежелательные и опасные для государства действия».[58] Схожей позиции придерживается Е.Ф. Сальников, который полагает, что проблема экстремизма надуманна, это только «медиакатегория», пример создания СМИ некоего «пугала», «страшилки», т.е. «экстремизм как феномен массмедиа есть мифологема врага власти, коварного и многоликого, бесформенного ровно настолько, насколько это необходимо медиакратии, чтобы навешивать ярлыки, создавать необходимое восприятие событий».[59]

Не отрицая в принципе необходимость антиэкстремистского законодательства, А. М. Верховский считает, что «обширное и довольно сложное антиэкстремистское законодательство лишь постепенно осваивается правоохранительными органами. Закон «О противодействии экстремистской деятельности» скорее служит не для массового подавления, а для массового запугивания на отдельных показательных примерах. Существование законодательства, заведомо ориентированного на выборочное правоприменение, тем более в сфере, включающей реализацию основных гражданских прав и свобод, чрезвычайно вредно и для правовой системы, и для общества в целом».[60] Отсюда следует вывод – борьба с экстремизмом, при всей ее непоследовательности превращается в систематическую кампанию, направленную на дальнейшее сужение пространства свободы.

---

[58] Боголюбов С.А. Указ. соч. С. 97.
[59] Сальников Е.Ф. Указ. соч. С. 57.
[60] Верховский А.М. Указ. соч. С. 24.

Почти об этом же в своем исследовании говорит В.С. Мартьянов, утверждающий, что «понятие экстремизма имеет искусственный характер и рождено столкновением государств с новым комплексом вызовов морально-политического плана. При этом государство и его агенты еще не знают, как реагировать на вызовы своей легитимности, начиная смешивать разные явления и порождая новые объяснительно-бесполезные сущности – такие, как экстремизм».[61] По мнению В.С. Мартьянова, экстремизм – это лишь вид различных практик, таких как геноцид, этноцид, терроризм. Поэтому автор в своем исследовании просто отождествляет экстремизм с терроризмом на основе применения политического насилия и, таким образом, призывает бороться не с проявлениями экстремизма, а с терроризмом как разновидностью политических практик.[62]

На наш взгляд, слабость позиции В.С. Мартьянова в попытке представить экстремизм только явлением современной действительности, увязав его с некой реакцией неких государств на «новые вызовы морально-политического плана» и, таким образом, объединив или даже подменив его содержание терроризмом, геноцидом, этноцидом и прочими политическими практиками. Спорным является и вывод данного автора, считающего, что продолжение борьбы с этим «искусственным» злом, только лишь суживает политические права и свободы граждан.

Таким образом, по мнению сторонников данного направления, неоднозначность экстремизма вызвана, прежде всего, возможностью широкого охвата действий различного характера, подпадающих под данный феномен. И поэтому в таком широком понимании диагностировать его как исключительно социально опасное явление не совсем корректно, так как в таком случае пришлось бы признать многие крайние взгляды и действия заведомо экстремистскими (например, пикеты, марши протеста, голодовки и т.д.). С точки зрения «либералов», именно масштабность охвата понятия

---

[61] Мартьянов В.С. Указ. соч. С. 84.
[62] Там же. С. 91.

экстремизма и вызванные этим обстоятельством относительность и неоднозначность данного термина, являются главным моментом, служащим основным источником не только различных юридических, но и морально-этических противоречий.

По нашему мнению, такая позиция в ряде приведенных положений, как например, является ли экстремизм исключительно социально опасным феноменом, или возможно ли отождествление экстремизма с терроризмом, имеет спорный характер. Однако достаточно разумным выглядит вывод о том, что существует опасность целенаправленного, корыстного использования государством и другими заинтересованными субъектами широкой трактовки экстремизма в целях применения насилия (репрессий) против своих оппонентов. Такая трактовка экстремизма применялась и может применяться тоталитарными и авторитарными режимами для подавления политических противников.

Кроме того, государство может выступать субъектом правовой борьбы с экстремизмом, не отказываясь, в то же время, от проведения собственной экстремистской политики, использования методов нелегитимного насилия в отношении оппозиционных организаций и групп. Примером применения таких «двойных» стандартов были режимы Муссолини в Италии, Гитлера в Германии, Франко в Испании, Стресснера в Парагвае, Пиночета в Чили, а также на Гаити, в Аргентине, Гватемале, Сальвадоре, ЮАР, Уругвае и Южной Родезии. Следовательно, сторонники «либерального» направления в этом вопросе достаточно аргументировано демонстрируют отсутствие четкого инструментария в процессе классификации экстремистской деятельности какого-либо субъекта политики.

В целом главным практическим выводом рассмотрения понятия «политический экстремизм» в рамках политико-правового подхода является обнаружение слабых, не конкретных моментов в определении политического экстремизма. Такое углубление в понятийное пространство политического экстремизма объясняется, прежде всего, тем, что, только подробно

разобравшись в происхождении этого социального явления, определив основные критерии данного понятия, а также существенные факторы, способствующие распространению экстремизма, можно не только эффективно противодействовать экстремизму, но и избежать возможного неправомерно широкого толкования этого феномена.

1.2 Сущность и разновидности политического экстремизма

Прежде чем приступить к исследованию сущности политического экстремизма, на наш взгляд, необходимо провести разграничение таких понятий, как «политический экстремизм», «политический радикализм», «терроризм», что позволит нам сузить толкование термина «политический экстремизм», указав на его вполне конкретное содержание. По нашему мнению, довольно часто, особенно в СМИ, понятие «экстремизм» отождествляют с понятием «радикализм», что не совсем теоретически обоснованно и правомерно.

Так, в настоящее время, термин «политический радикализм» применяется к обозначению самых разных проявлений в современной политике. Нередко данным термином обозначают сторонников крайних взглядов, политические организации, а то и вообще, религиозных фанатиков и террористов. Как справедливо отмечает Г.И. Авцинова: «Термин «политический радикализм», широко эксплуатируясь средствами массовой информации, учеными, носит пропагандистско-лингвистический характер».[63]

Поэтому неслучайно, что понятие «политический радикализм» со временем стало расплывчатым, неоднозначным, что, конечно, связано со сложностью и многогранностью обозначаемых явлений, которые к тому же могут выступать в разных формах в различные исторические периоды. Это подтверждает и анализ подходов к термину «политический радикализм» в отечественной литературе советского и современного российского периода.

---

[63] Авцинова Г.И. Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Политические науки. 1995. № 3. С. 31.

Так, в период становления биполярного мира политический радикализм оценивался как, в целом, позитивное явление, как потенциальный союзник коммунистического движения. Обращалось внимание на то, что радикализм представляет собой проявление «недовольства широких масс мелкой и отчасти средней буржуазии, среди которых стало расти стремление к союзу с рабочим классом».[64] В период «холодной войны» использовался термин «левый радикализм», который рассматривался уже однозначно позитивно: «По своему объективному содержанию все типы леворадикального сознания антибуржуазны».[65]

В годы перестройки, в связи с ростом этнонациональных конфликтов, деятельности радикально настроенных политических сил, стали изменяться подходы к определению этого понятия. Так, Философский энциклопедический словарь выделял как левый, так и правый радикализм как разновидности антидемократического движения и устанавливал фактическое тождество радикализма и экстремизма: «Для современного политического радикализма (экстремизма) характерны выбор, отстаивание и применение крайних насильственных методов и средств».[66]

Становление российской государственности в 1991 г., распад Советского Союза, тяжелые последствия «радикальных» реформ по Е. Гайдару подтолкнули исследователей к пересмотру ранее принятых толкований термина «политический радикализм». Вышедший в 1993 г. энциклопедический словарь «Политология» обращается к лексическому, основанному на этимологии значению данного термина: «Радикализм – стремление к решительным методам и действиям в политике».[67] Тогда как понятие «политический экстремизм», трактовалось как «приверженность в политике и идеях к крайним взглядам и действиям».[68] Таким образом, авторы словаря предлагали считать, что радикализм – это «стремление», а

---

[64] Большая советская энциклопедия / Под ред. О.Ю. Шмидта. М., 1941. Т. 48. С. 106.
[65] Современное политическое сознание в США / Под ред. Э.Я. Баталова и Ю.В. Замошкина. М., 1980. С. 272.
[66] Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. / Под ред. С.С. Аверинцева и др. М., 1989. С. 536.
[67] Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. Ю.И. Аверьянов. М., 1993. С. 328.
[68] Там же. С. 400.

экстремизм – «приверженность», т.е. радикал – это тот, кто стремится к решительным действиям, а экстремист – тот, кто совершает крайние действия. Получалось, что радикализм – это решительное, но не крайнее, а экстремизм – крайнее и решительное действие.

На современном этапе политический радикализм нередко определяют как «социально-политические идеи и действия, направленные на наиболее кардинальное, решительное изменение существующих социальных и политических институтов».[69] Причем, по мнению некоторых исследователей, в содержательном плане, на теоретическом уровне разницы между радикализмом и экстремизмом нет (это практически тождественные друг другу явления).[70] Однако тот же В.С. Мартьянов все-таки делает оговорку, что политический радикализм становится экстремизмом, когда переходит от слов к действию.

В данной позиции В.С. Мартьянова не совсем ясно то, что если радикализм переходит в экстремизм на основе критерия «деятельность», тогда, чем отличается радикальная деятельность от экстремистской? На наш взгляд, в качестве рабочей гипотезы, основным критерием различия между этими двумя, действительно очень близкими явлениями, выступает умышленное совершение противоправных насильственных действий, имеющее четко выраженную побудительную причину (мотив). Экстремисты в своей политической деятельности всегда осознают, что они внутренне психологически готовы к совершению насильственных (противоправных) действий для достижения поставленной цели, отсюда их «крайность» в поступках максимальна и ими нравственно оправдана (например, подготовить и осуществить теракт, не задумываясь о возможных невинных жертвах). Тогда как представители политического радикализма, хотя и являются приверженцами решительных действий и взглядов, как правило, эту черту (психологически оправданное умышленное совершение насилия)

---

[69] Ольшанский Д.В. Психология террора. СПб., 2002. С. 215.
[70] Мартьянов В.С. Указ. соч. С. 85; Ольшанский Д.В. Указ. соч. С. 216.

стараются не переходить. Отсюда примерами радикальной деятельности могут быть: несанкционированные безоружные пикеты и митинги оппозиции, перекрытие автодорог протестующими, акции протеста против точечной застройки жилых кварталов, голодовки, несанкционированное нанесение надписей политического характера и т.п.

На наш взгляд, содержательное отличие «политического радикализма» от «политического экстремизма» заключается в том, что экстремизм проявляется через применение нелегитимного политического насилия в крайних формах: физическое насилие; умышленное уничтожение чужого имущества в политических целях; морально-психологическое насилие. Тогда как представители радикализма не стремятся достичь своих политических целей различными насильственными действиями. Вместе с тем следует отметить, что политический радикализм представляется как решительный образ действия при преодолении каких-либо политических проблем, кризисных ситуаций и т.д.

Поэтому можно предложить следующее рабочее определение: политический радикализм – это тип социальной деятельности, основанный на решительных, но не связанных с применением насилия действиях, направленных на противодействие или изменение существующей политической системы и ее институтов.

Так, по своему содержанию понятие «политический радикализм», характеризуя образ действия социального субъекта, предполагает, что это действие носит не связанный с применением нелегитимного насилия характер. Тогда как политический экстремизм непосредственно проявляется как решительное действие, связанное с применением насилия для достижения политических целей.

Таким образом, по нашему мнению, четким критерием разграничивающим политический радикализм и политический экстремизм является применение экстремистами нелегитимного противоправного

насилия при чрезвычайном ухудшении социально-политического положения тех или иных субъектов политических отношений.

Нередко в российских СМИ, а также в массовом сознании политический экстремизм отождествляется с терроризмом на основе использования ими различных способов насильственных действий. Безусловно, терроризм является формой политического насилия, но если насилие в истории существовало всегда, то терроризм – это «изобретение» конца XVIIIв., времен Великой Французской революции.

В основе террористической деятельности лежит стремление создать ощущение постоянной опасности в обществе, посеять страх и неуверенность, дезорганизовать деятельность государственных органов власти, чтобы таким образом достичь своих преступных целей. Субъектами террористической деятельности могут выступать террористы – одиночки, террористические группы и организации, а также государственные режимы, осуществляющие репрессии в отношении своих граждан, политической оппозиции с целью парализовать волю к сопротивлению и утвердить свое господство.

В то же время не всякое экстремистское действие – есть теракт (терроризм), но всякий террористический акт – есть проявление экстремизма. Поэтому, чтобы избежать логического смешения понятий «экстремизм» и «терроризм», необходимо указать на то, что экстремизм характеризует специфический, чрезвычайный тип социального действия. Тогда как понятие «терроризм» характеризует лишь один из видов или способов действия. И оно гораздо уже по своему логическому смыслу. Поэтому, на наш взгляд, терроризм – один из видов или способов экстремистского действия, используя который отдельное лицо, организованная группа (организация) или государство стремится достичь провозглашенных целей в политике, осуществляя акты прямого физического насилия против отдельных лиц, социальных групп, организаций и государств.

Таким образом, по нашему мнению, такие понятия как «политический экстремизм», «политический радикализм» и «терроризм» не являются

синонимами (не равнозначны) и имеют довольно разное содержание. Так, по своему содержанию понятие «политический радикализм», характеризуя образ действия социального субъекта, предполагает, что это действие носит не связанный с применением нелегитимного насилия характер. Тогда как экстремизм непосредственно проявляется как решительное действие, связанное с применением насилия для достижения политических целей. В свою очередь, понятие «терроризм» характеризует только один из видов (способов) экстремистского действия.

В тоже время причины появления политического радикализма связаны с естественным столкновением интересов и противоречиями политического, экономического, социального, национального и конфессионального характера. Поэтому политический радикализм можно представить как реакцию тех или иных социальных субъектов на критические, тупиковые или конфликтные ситуации, с которыми они сталкиваются в ходе исторического процесса. Однако в случае невозможности соблюдения своих интересов, реальной угрозы дальнейшему существованию, одна из сторон конфликта вполне способна перейти к крайним мерам решения назревших политических, экономических, социальных и прочих проблем. Переход к крайним решительным действиям сопряжен с использованием нелегитимного политического насилия, что позволяет охарактеризовать данные действия, как проявления экстремизма.

Для понимания сущности политического экстремизма следует обратиться к таким понятиям как «насилие» и «политическое насилие», которые, по нашему мнению, являются ключевыми (родовыми) для понимания такого социального феномена как политический экстремизм.

Прежде всего, необходимо отметить, что рассмотренные нами различные направления исследований политического экстремизма объединяет одно неспецифическое основание – применение насилия для достижения определенных целей: нападение и защита от врагов, борьба за

власть или ее удержание, защита культурных, традиционных, религиозных и прочих ценностей и т.д.

В Толковом словаре русского языка слово «насилие» используется в следующих значениях: «принудительное воздействие и применение физической силы».[71] В ряде философских работ насилие интерпретируется как ограничение физических и духовных возможностей человека, подавление свободы его воли. Составители итальянской философской энциклопедии определили насилие как действие, совершаемое «извне» против спонтанного влечения и естественного движения.[72] Как «узурпацию свободной воли» определяет насилие известный российский философ А. Гусейнов.[73]

Однако экстремизм и насилие не синонимичные понятия, поскольку различные проявления насилия в обществе не обязательно связаны с экстремизмом. Так, например, уголовное преступление, связанное с применением насилия (например, убийство), совершенное из криминальных побуждений, вряд ли можно охарактеризовать как проявление экстремизма в обществе. Тем более что понятие «политический экстремизм», в этом случае, было бы избыточной категорией для интерпретации данного деяния.

Насилие непосредственно связано с проявлением агрессии, поскольку открытая враждебность, неприязнь нередко приводит к различным видам насильственных действий. Причем насилие может осуществляться в виде непосредственного применения силы (прямое насилие), а может – в виде косвенного (скрытого) насилия, которое выражается через те или иные угрозы применения силы (психологическое, духовное давление, политический ультиматум и т.д.).

В тоже время осуществление насилия в обществе предполагает наличие его в политической сфере. Политическое насилие выступает в качестве различных форм принуждения (например, репрессии, террор, ограничение

---

[71] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений. М., 1995. С. 384.

[72] Reason and Violence: Philosophical Investigations / Ed. Bu Sh. Stanage. Oxford: Basil Blackvell, 1974. XV. P. 234.

[73] Гусейнов А.А. Моральная демагогия как форма апологии насилия // Вопросы философии. 1995. № 5. С. 5-12.

прав и свобод граждан, воздействие на внутренний мир человека и т.д.) с целью приобретения или сохранения своего господствующего, ведущего положения в обществе. Поэтому политическое насилие всегда является исключительной мерой (действием) для достижения определенных целей в политике.

Кроме того, политическое насилие осуществляется как легитимное политическое насилие, монополия на правоприменение которого принадлежит государству и как нелегитимное, свойственное подчас как самому государству, так и обществу. Здесь важным является исследование понятия «легитимность», способствующего определению политического экстремизма.

Одним из основных специфических свойств политической власти является ее легитимность. Политическая легитимность – это общественное признание власти и ее права на управление. Она выражает собой право власти на существование, ее обоснование и оправдание, в том числе в вопросах применения политического насилия. Поэтому легитимность связана с верой значительной части населения страны, что существующий порядок является наилучшим для этой страны.

В тоже время понятие «легитимность» не является синонимом понятию «легальность», носящему юридический характер и подчеркивающему правовое (законное) основание власти. Однако политическая власть не всегда опирается на право и закон, но всегда нуждается в поддержке хотя бы части населения страны.

Соответственно, политическая власть, обладающая легитимностью, т.е. опирающаяся на поддержку определенной части населения может прибегать к политическому насилию. И такое насилие, осуществляемое государством, будет носить не только легальный, но и легитимный характер.

Вместе с тем «легитимность власти – понятие, характеризующее степень согласия между управляемыми и управляющими».[74] В этой ситуации

---

[74] Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Дону. 1996. С. 64.

управляемые признают право управляющих на власть, а управляющие ждут от управляемых подчинения и одобрения их действий по подавлению и осуждению инакомыслящих, несогласных, диссидентов. Однако в определенных критических ситуациях, когда управляющие начинают терять общественное доверие в силу неэффективности деятельности органов власти в различных сферах общества, такие правящие группы нередко прибегают к систематическому (возрастающему) политическому насилию. И это насилие начинает приобретать избыточные и чрезмерные формы (например, массовые репрессии, террор проправительственных структур – «эскадронов смерти» и т.д.), т.е. принимает нелегитимный характер. Здесь начинается область политического экстремизма.

Причем политический экстремизм, проявляющийся через нелегитимное насилие, может осуществляться как государственными структурами (силовое подавление оппозиции), так и общественными организациями, движениями, группами и т.д. В тоже время если правящий режим в условиях применения нелегитимного насилия окончательно потеряет поддержку значительной части общества, то он, в конце концов, потеряет и власть. Тогда как политическая оппозиция, даже в условиях использования насилия против представителей власти, может, наоборот, получить поддержку определенной части общества, т.е. приобрести легитимность и власть. И при таких обстоятельствах, осуществляемое оппозицией нелегитимное (экстремистское) насилие приобретет сначала легитимный, а затем и легальный характер.

Такое положение вещей, как участие государства в осуществлении нелегитимного насилия и, наоборот, приобретение оппозицией права на насилие (поддержка части общества) приводит к тому, что сущность политического экстремизма всячески извращается, затушевывается, ретушируется. Поскольку научное определение экстремизма потенциально несет угрозу монопольному праву государства на осуществление насилия в обществе. Так возникает стремление правящего режима представить

политический экстремизм в виде «ярлыка», которым удобно клеймить любое оппозиционное движение, особенно, если режим теряет свою опору и поддержку в широких слоях населения. В этом же, мы видим, стремление правящей группы использовать понятие «экстремизм» не как научное, а как метафору, употребляемую для характеристики других сфер общественной жизни. Отсюда речь идет о социальном, экономическом, религиозном, экологическом, молодежном, бытовом и прочих видах экстремизма.

В тоже время, мы считаем, что любое проявление экстремизма, так или иначе происходит публично, т.е. связано со сферой политики, деятельностью государства, партий, прочих субъектов политических отношений. Поэтому экстремизм, по нашему мнению, является политическим феноменом связанным, как правило, с политической деятельностью, осуществлением нелегитимного насилия в сфере политики. Тогда как любое другое насилие в сфере частной жизни граждан полностью совпадает с неполитическими (бытовыми) преступлениями и их дополнительная классификация в качестве экстремистских не требуется. В противном случае любую драку на бытовом уровне между представителями разных национальностей можно будет субъективно оценить как проявление «националистического» экстремизма, хотя истинные причины конфликта нередко далеки от политики, возбуждения национальной ненависти и т.д.

По нашему мнению, экстремизм как политико-правовая категория характеризуется следующими признаками:

1) Наличие агрессивной реакции социальных субъектов на чрезвычайные исторические ситуации. Данный критерий характеризует устойчивую связь политического экстремизма с кризисными (экстремальными) ситуациями, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Поэтому экстремизм является в этом смысле агрессивной реакцией на критические ситуации, связанные с угрозой интересам, занимаемому положению в социальной иерархии, или вообще существованию различных социальных групп. Причем в данной критической ситуации могут оказаться как

представители правящей элиты, так и политической оппозиции. Так, в условиях социальной революции, а это, безусловно, экстремальная историческая ситуация, агрессивную реакцию в виде совершения тех или иных экстремистских действий будут проявлять как революционные силы, так и контрреволюционные (например, массовый обоюдный террор в годы гражданской войны в России). Следовательно, политический экстремизм проявляется как агрессивная реакция определенных социальных сил, направленная за или против коренных изменений существующего социального порядка.

2) Осуществление определенной политической деятельности, обязательно связанной с применением нелегитимного политического насилия (простая приверженность к крайним взглядам, мнениям, оценкам не может считаться экстремизмом). Данный признак подразумевает, что политический экстремизм проявляется через целенаправленные действия насильственного характера. Очень важно, что эти действия могут осуществляться как государством, так и представителями общественных организаций, движений, объединений с целью нарушение основ конституционного строя, завоевания государственной власти, возбуждения расовой, религиозной, национальной розни и т.д. Словом, проявления экстремизма связаны с политическими действиями, и данное понятие должно характеризовать именно определенный тип деятельности для достижения политических целей. Тогда как проявления открытой враждебности, неприязни, насильственных действий в других сферах общества должны интерпретироваться в соответствии с общепринятыми стандартами (правонарушение, преступление, нарушение моральных норм и т.п.).

3) Идеологическая обеспеченность экстремистских действий. Экстремисты не только отрицают инакомыслие и испытывают нетерпимость к сторонникам иных взглядов. Они стремятся апеллировать к каким-либо известным политическим идеологиям или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или иного учения

или идеологии. Причем, как правило, экстремистские организации используют отдельные положения тех или иных идеологий, нередко добавляя к ним разного рода религиозные идеи, стремясь, однако, обосновать достижение именно политических целей. Религиозные доктрины, таким образом, выступают лишь для камуфлирования истинных целей экстремистских сообществ.

4) Публичность экстремизма. Как правило, большинство экстремистских действий имеет публичный характер. То есть публичность проявляется в стремлении экстремистов обратиться к широкому кругу людей с целью нетолько просто заявить о себе, но и в попытке расширить собственную социальную базу, а также оправдать свои действия некими чрезвычайными обстоятельствами (например, произвол властей, происки «врагов народа», борьба с неверными и т.д.). С этой целью экстремисты используют как собственные средства агитации и пропаганды (интернет-сайты, газеты, брошюры, листовки и т.п.), так и любую возможность обратиться к населению через интервью, выступления, статьи в различных СМИ.

5) Противоправность экстремизма. Данный признак подразумевает, что экстремистская деятельность нелегальна и должна быть запрещена законом. Подобный признак может не только находить выражение в случае привлечения виновного лица к уголовной ответственности, но и применяться для определения экстремистских действий юридического лица, когда встает вопрос о его ликвидации или запрете деятельности. Этот признак может применяться и к оценке деятельности государства, когда осуществляемое им насилие носит чрезмерный, избыточный и деструктивный характер, приобретает нелегитимные черты (например, насилие, нарушающее основные права человека негосударственных, но прорежимных структур).

6) Корпоративность экстремизма. За экстремистским действием по большей части стоит группа (сообщество). Проявления индивидуального экстремизма чрезвычайно редки. Но даже здесь, хотя бы в воображении экстремиста-одиночки, создается своя «идеальная группа», выразителем которой он себя

представляет. Корпоративность характерна и для оппозиционного, и для государственного экстремизма. Поэтому экстремизм, как правило, проявляется как групповая (корпоративная) деятельность людей, имеющих характерное коллективное представление о достижении тех или иных целей, обоснованное экстремистской идеологией. Кроме того, конечным результатом этой деятельности представляется признание идеи превосходства определенной группы и господство ее морально-ценностных ориентаций.

На наш взгляд, данные признаки хоть и не могут отразить всю совокупность подходов и мнений относительно оценки сущности и содержания экстремизма, тем не менее, являются необходимым инструментарием для диагностирования данного феномена. Кроме того, выделение признаков экстремизма, позволяет более четко исследовать сущность политического экстремизма, а также решить задачу нахождения приемлемой, конкретизированной дефиниции этого явления.

В тоже время, по нашему мнению, из вышеперечисленных признаков основными будут следующие: использование различных форм политического насилия и идеологическая обеспеченность экстремистской деятельности. Подробно экстремистскую идеологию и деятельность мы рассмотрим в следующих главах нашего исследования. Здесь же необходимо отметить, что применение насилия экстремистами является важным критерием для определения экстремистского действия, поскольку характеризует использование различных противоправных методов воздействия одного социального субъекта на другой (других) с целью достижения определенной политической цели. Поэтому нелегитимное политическое насилие можно определить как особый тип действия, проявляемый в крайних, нелегальных и противоправных формах через применение различных средств принуждения с целью завоевания, удержания, узурпации и реализации государственной власти в личных, групповых или корпоративных интересах.

Соответственно, основными (видовыми) признаками такого насилия будут: 1) политическое действие, осуществляемое в крайних формах (например, участие в осуществлении террористического акта, планирование массовых репрессий против инакомыслящих и т.п.); 2) умышленное применение противоправных методов воздействия (террор, разжигание национальной, религиозной, расовой и прочей розни, шантаж, незаконное ограничение свободы и т.д.); 3) агрессивное навязывание своей воли для достижения определенной политической цели.

Таким образом, на наш взгляд, целесообразно рассматривать экстремизм как политическое явление, т.е. политический экстремизм, и в науке и законодательной практике отказаться от бесконечного тиражирования его «разновидностей», вызванных метафорическим употреблением этого понятия. Поскольку в любом конфликте на национальной, религиозной, социальной, этнической почве экстремизм проявляется только во взаимосвязи с политическими интересами, целями, убеждениями участников конфликта.

Однако необходимо еще раз отметить, что единого, общепринятого определения политического экстремизма в науке до сих пор нет. По нашему мнению, основная причина этого заключается в политизированности оценки экстремизма со стороны различных экспертов, государственных институтов, отдельных стран. Каждая сторона в этом вопросе исходит из собственного субъективного видения ситуации, своих интересов и государственной безопасности. Причем особую роль здесь играет государство, для которого в одних случаях определенная деятельность будет считаться экстремистской (например, выступления оппозиции), а в других – отвечать интересам государства (нелегитимные способы противодействия той же оппозиции). Кроме того, противоречие социальных, национальных, корпоративных и прочих интересов принципиальным образом обуславливает нереальность нахождения единого, устраивающего абсолютно все заинтересованные стороны, определения данного термина.

Вместе с тем, на наш взгляд, прежде чем предложить авторскую рабочую гипотезу трактовки данного понятия, необходимо рассмотреть деятельность представителей законодательной и исполнительной власти РФ по разработке и принятию антиэкстремистского законодательства.

В связи с этим, следует обратить внимание на то, что Основным законом Российской Федерации – Конституцией, имеющей высшую юридическую силу и прямое действие, установлены запреты на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни (ст.13), на любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности (ст.19), пропаганду и агитацию, возбуждающую социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду (ст.29). Поэтому современное законодательство Российской Федерации по противодействию экстремистской деятельности основывается на положениях Конституции Российской Федерации.

В тоже время, еще до принятия Конституции РФ, одной из первых попыток борьбы с проявлениями экстремизма на государственном уровне был Указ Президента РФ Б.Н. Ельцина от 28 октября 1992 г. № 1308 «О мерах по защите Конституционного строя Российской Федерации», в котором, говорилось об экстремистских целях неких организаций, а главам региональной исполнительной власти предлагалось «принять строжайшие меры к пресечению деятельности экстремистских элементов».[75] Однако в этом документе отсутствовало конкретное понимание того, что такое «экстремизм» и как с ним необходимо бороться, не выходя за пределы правового поля. А так как в то время противостояние в обществе нарастало,

---

[75] Евдокимова Т.Л. Формирование законодательных основ противодействия экстремизму // Власть. 2009. № 9. С. 96.

то данный указ сразу же приобрел декларативный, необязательный ни для кого характер.

Отсутствие четкого понимания сущности экстремизма привело представителей законодательного органа власти к попытке «простого» решения данной проблемы. Так, 14 февраля 1995 г. в Государственной Думе прошли парламентские слушания на тему «О предупреждении проявлений фашистской опасности в Российской Федерации», где, в частности, были высказаны мнения о существовании в России фашистской опасности в виде различных «красно-коричневых» организаций, блоков и фронтов. Причем на этих слушаниях нетолько псевдонаучно отождествлялась коммунистическая идеология с фашистской, но и фактически термин «экстремизм» подменялся более привычным – «фашизм».

Всего в 1995 г. в Государственную Думу было внесено четыре проекта федеральных законов по противодействию фашизму, в которых понятие «фашизм» оставалось основным, подменяющим все другие разновидности радикальных и экстремистских идеологий. В тоже время 23 марта 1995 г. президентом Б.Н. Ельциным был подписан Указ № 310 «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации». В указе предусматривался целый комплекс мер по усилению борьбы с проявлениями фашизма и экстремизма, ставились задачи для Генеральной прокуратуры, ФСБ, МВД, Минюста, органов исполнительной власти в субъектах федерации, но отсутствовало понимание что такое «экстремизм», «экстремистская деятельность», все опять свелось к противодействию распространению фашистских идей в обществе.

Вместе с тем, нарастающие проявления экстремистской деятельности в российском обществе требовали более четкой реакции органов исполнительной и законодательной власти. Так, 27 октября 1997 г. президентом РФ Б.Н. Ельциным был подписан Указ № 1143 «О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому

экстремизму в Российской Федерации». На основе данного указа создавалась государственная комиссия для разработки на государственном уровне мер, направленных на предупреждение и устранение причин и условий, способствующих проявлению различных форм политического экстремизма. Иными словами, от комиссии требовалось провести мониторинг ситуации, разработать план и осуществить контроль за выполнением силовыми ведомствами этой программы. Однако деятельность данной комиссии не привела к каким-либо существенным результатам.

В преддверии выборов 1999 г. Государственная Дума приняла постановление «Об истоках политического экстремизма в Российской Федерации», в котором решительно осудила все проявления экстремизма, направленные на дестабилизацию экономической и политической ситуации в России. В дальнейшем органы законодательной и исполнительной власти периодически продолжали рассматривать проявления экстремизма в российском обществе и пытались разработать и законодательно оформить меры по противодействию политическому экстремизму в России.

10 января 2000 г. президентом РФ была подписана Концепция национальной безопасности, где предусматривалось совершенствование механизма, препятствующего созданию политических партий и общественных объединений, преследующих сепаратистские и антиконституционные цели, и пресечение их деятельности. 25 августа 2001 г. правительством РФ было принято постановление № 629 «О Федеральной целевой программе «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 гг.)», где предполагалась «разработка законодательства, обеспечивающего условия для формирования толерантного поведения, борьба с проявлениями экстремизма, национальной и религиозной нетерпимости».[76]

11 июля 2001 г. Государственной Думой РФ был принят Федеральный закон № 95-ФЗ «О политических партиях», который запрещал создание и

[76] Евдокимова Т.Л. Указ. соч. С. 98.

деятельность политических партий, цели которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя РФ, подрыв безопасности государства, разжигание социальной, расовой, национальной или религиозной розни. Данные положения были напрямую направлены против создания и функционирования экстремистских организаций (партий) и существенно ограничивали поле их легальной политической деятельности (например, участие в избирательных процессах в различные органы власти).

И только летом 2002 г. депутаты ГД РФ приняли закон, регламентирующий противодействие экстремизму в России, являющийся и в настоящее время основным нормативно-правовым документом. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в ред. федеральных законов от 27.07.06 № 148-ФЗ, от 10.05.07 № 71-ФЗ, от 24.07.07 № 211-ФЗ, от 29.04.08 № 54-ФЗ) определяет правовые и организационные основы противодействия экстремистской деятельности, и устанавливает ответственность за ее осуществление. Следует отметить, что немаловажную роль в разработке данного закона сыграли исследования 1990-х начала 2000 гг. в области изучения экстремизма и терроризма, сделанные представителями российской политической науки.

В тоже время, следует отметить, что, несмотря на многочисленные изменения (2006, 2007, 2008) Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности» не дает точного определения понятия «экстремизм», предлагая вместо него лишь перечень определенных действий, которые предлагается считать заведомо экстремистскими. Как отмечает В. Мартьянов, «В перечень экстремистских деяний закона № 114-ФЗ включены такие действия, как: публичное оправдание терроризма и иной террористической деятельности (остаются непонятными критерии «иной террористической деятельности»); организация и подготовка экстремистских деяний, а также подстрекательство к их осуществлению (формулировка, вмещающая практически все что угодно!); публичные призывы к

осуществлению указанных деяний либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения (а что делать, если материалы не кажутся их изготовителям «заведомо» экстремистскими, тем более что таковыми их может признать только суд?); финансирование указанных деяний либо иное содействие в их организации, подготовке и осуществлении, в том числе путем предоставления учебной, полиграфической и материально-технической базы, телефонной и иных видов связи или оказания информационных услуг (видимо, перед тем как дать в долг, нужно спросить: не экстремист ли занимающий у вас?) и т.д.».[77]

Понятие «экстремизм» в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» используется как идентичное другому – «экстремистская деятельность», а последнее дается при отсутствии четкого общего определения, как простой и подчас произвольный перечень преступных деяний. По мнению эксперта института по восточноевропейскому праву при университете Кельна Кармен Шмидт: «В соответствии с поправками к закону РФ «О противодействии экстремистской деятельности» понятие экстремизма определяется очень широко. Текст закона изобилует нечеткими формулировками. А расплывчатые формулировки, как правило, создают благодатную почву для злоупотреблений».[78]

По нашему мнению, несовершенство основных положений Федерального Закона «О противодействии экстремистской деятельности» проявляется, в первую очередь, в его правоприменении, поскольку в таком виде статьи закона можно использовать, как для борьбы с экстремизмом, так и для борьбы с массовыми политическими акциями протеста, путем привлечения к ответственности отдельных лиц, не призывающих к активной насильственной борьбе с властью, но критикующих правящую элиту в достаточно резкой форме. При желании «экстремистами» можно объявить

---

[77] Мартьянов В.С. Умножение зла добром // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 85.

[78] Интернет-версия журнала Deutsche Welle // http://www.dw-world.de/dw/article/0,2144,1742907,00.html (дата обращения 15. 06. 2012).

любую общественную группу, организацию, отдельных лиц, т.е. тех, чья деятельность не устраивает правящий режим. Чтобы не допустить подобного, необходимо законодательное толкование и закрепление признаков экстремизма с установлением четких границ, где кончается свободное распространение идей, доктрин, течений и начинается экстремистская деятельность как покушение на права и свободы граждан.

В целом, Федеральный Закон «О противодействии экстремистской деятельности», как основной нормативно-правовой документ в сфере борьбы с экстремизмом, определяет экстремизм (экстремистскую деятельность) по факту преступления, приводя список экстремистских деяний, таких как террористическая деятельность, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни, насильственное изменение основ конституционного строя и т.п.

Однако нечеткость положений Закона «О противодействии экстремистской деятельности» ведет к размыванию границы, отделяющей экстремизм от допустимых форм политической деятельности. Становится очень тонкой грань, за которой любые политические действия в соответствии с умеренной националистической или религиозной концепцией изменения политического порядка, превращаются в экстремистские. Что может вести к нарушению конституционных прав граждан, сужению политических свобод в российском обществе, репрессиям против оппозиции, инакомыслящих и несогласных.

Таким образом, российское антиэкстремистское законодательство, на современном этапе, не содержит четкого определения понятия «экстремизм», что существенно затрудняет его правоприменение в борьбе с проявлениями экстремистской деятельности.

Вместе с тем учитывая, что экстремизм является объективной реальностью мира политики, оказывает определенное влияние на внутриполитические и международные процессы, мы считаем, что определение понятия «политический экстремизм» должно включать в себя

обязательное указание на сочетание в данном феномене определенных мотивов и идей, обоснованной ими деятельности, а также методов достижения поставленной цели.

В связи с чем, на наш взгляд, достаточно удачным является определение понятия «экстремизм», разработанное коллективом авторов фундаментального учебного пособия по политологии под руководством А.Ю. Мельвиля: «Экстремизм – ориентация в политике на крайне радикальные идеи и цели, достижение которых осуществляется силовыми, а также нелегитимными и противоправными методами и средствами (например, терроризм, разжигание религиозной, расовой ненависти, вооруженные выступления, партизанские войны и т.д.).[79] Данное определение удачно тем, что рассматривает экстремизм как явление мира политики, характеризуя его как отдельный вид политической деятельности.

В тоже время отдельные положения приведенного определения, по нашему мнению, требуют необходимой конкретизации.

Во-первых, экстремизм – это не просто «ориентация в политике на крайне радикальные идеи и цели», а прежде всего определенный вид деятельности, связанный с применением нелегитимного политического насилия. Именно, прежде всего, применение актов нелегитимного насилия отличает экстремизм от проявлений радикализма в политике, представители которого, действительно, могут ориентироваться на крайне радикальные идеи и цели. Тем более что простое высказывание (суждение) отдельным лицом радикальных идей еще не делает человека экстремистом, иначе нарушается право на свободомыслие. Но тоже действие, осуществляемое в виде публичного призыва или с использованием средств массовой информации, уже позволяет квалифицировать его как экстремистское.

Во-вторых, это вопрос о политической деятельности, точнее о разграничении действий и методов (средств) деятельности. Под политической деятельностью мы понимаем совокупность различных

---

[79] Политология: учеб. / А.Ю. Мельвиль [и др.]. М., 2004. С. 597.

действий, в том числе взаимодействий, индивидов, социальных групп, политических институтов в политике, направленных на достижение какой-либо цели. Поэтому экстремизм как вид деятельности в сфере политики также предполагает различные способы действий определенных субъектов политических отношений для достижения поставленных целей. Причем, данные экстремистские действия носят заведомо противоправный и нелегитимный характер. Однако в приведенном определении смешаны действия и методы (средства) – все перечислено просто через запятую: «терроризм, разжигание религиозной, расовой ненависти, вооруженные выступления, партизанские войны и т.д.». Тогда как экстремистскими действиями будут: подготовка и осуществление террористического акта, организация вооруженного восстания, участие в незаконных вооруженных формированиях, разжигание религиозной или национальной розни и т.д. А соответственно средствами и способами достижения цели: терроризм, партизанская война, вооруженное восстание и др.

Кроме того, исследуя природу данного феномена, необходимо учитывать, что экстремизм по существу есть борьба чрезвычайными методами поставленных в критическую ситуацию социальных групп за сохранение своего физического существования и культурной идентичности. То есть он выступает спонтанной реакцией различных социальных сил на критические социальные ситуации, формой борьбы с этими ситуациями, направленной на преодоление данных состояний. Но важно отметить, что эта борьба по существу деструктивная и иллюзорная. Она может либо лишь усугубить сложившуюся критическую ситуацию, либо в какой-то мере способствовать преобразованию общества, но чаще в негативном, разрушительном или реакционном направлении.

На наш взгляд, политический экстремизм – это не метафора, не ярлык для оскорбления оппонентов, а термин, имеющий вполне конкретное содержательное наполнение. Поэтому в качестве рабочей гипотезы можно предложить такую трактовку данного понятия: политический экстремизм –

это радикальный, идеологически (идейно и ценностно) обоснованный вид политической деятельности определенных социальных субъектов, поставленных в критические, чрезвычайные условия существования и использующих нелегитимные и противоправные формы политического насилия для коренного изменения сложившейся ситуации.

Экстремизм, возникая как импульсивная, спонтанная, агрессивная реакция социальных групп на экстремальные условия и как форма сопротивления этим условиям институционализируется. Элементами этого института, по нашему мнению, могут быть: экстремистская идеология (формируется на основе радикальных идей путем их комбинирования и трансформации); экстремистские организации (объединения единомышленников для осуществления экстремистской деятельности); методы воздействия (физическое насилие, уничтожение материальных объектов, морально-психологическое насилие), применяемые для достижения определенных политических целей.

В тоже время исследование сущности (природы) экстремизма ставит перед нами задачу определения субъектов и разновидностей данного явления. Какого-либо устоявшегося общего взгляда на проблему определения субъектов экстремистской деятельности в современной науке по-прежнему нет. Так, например, В.С. Мартьянов утверждает, что «субъектами экстремистской деятельности, как правило, выступают политические маргиналы (люди и маргинальные группы), неспособные добиться своих целей легальными средствами».[80] Безусловно, среди представителей экстремистских организаций немало тех, кого можно отнести к тем или иным маргинальным группам. Но только ли маргиналы могут быть субъектами экстремистской деятельности?

В сфере политики «под субъектами понимаются участники политической жизни, способные формулировать и реализовывать

[80] Мартьянов В.С. Указ. соч. С. 85.

собственные цели».[81] Тогда как субъектами экстремизма могут выступать: государство при использовании различных форм нелегитимного насилия, политические партии, общественные организации и движения, религиозные группы, международные центры и организации, отдельные граждане и группы граждан, стремящиеся достичь своих целей.

Не менее важен вопрос о разновидностях экстремизма. На сегодняшний день, как это уже было отмечено нами выше, существует практика постоянного умножения разновидностей экстремизма. На наш взгляд, (здесь мы придерживаемся позиции С.А. Боголюбова, В.С. Мартьянова, А.Ю. Мельвиля и др.), экстремизм, проявляясь в публичной сфере, может быть только политическим явлением. И ни о каком подростковом, психопатическом, спортивном, сексуальном, бытовом, мировоззренческом и прочем экстремизме как о научном термине речь идти не должна, если руководствоваться его точным значением.

Вместе с тем экстремизм, как политический феномен, может быть классифицирован, исходя из критериев, используемых в политической науке:

1) По масштабам проявления экстремизм можно разделить на внутригосударственный и международный. Внутригосударственный вид экстремизма проявляется в деятельности органов государственной власти, политических партий и движений, религиозных структур, молодежных неформальных объединений и т.п. Данная экстремистская деятельность направлена либо на закрепление существующего порядка (государственный режим), либо, наоборот, на его коренное преобразование. Тогда, как международный экстремизм реализуется в деятельности субъектов мирового сообщества. Это развязывание (провоцирование) военных конфликтов (войны) между государствами или блоками государств, деятельность международных экстремистских организаций и т.д.

2) По отношению к существующему (государственному) строю – государственный и оппозиционный. Государственный или властный

[81] Амелин В.П. Социология политики. М., 1992. С.23.

политический экстремизм осуществляется субъектами (органы власти, правящая партия и т.п.), которым принадлежит реальное политическое и экономическое господство в обществе. Поэтому данный экстремизм направлен против подчиненных, зависимых социальных групп, классов и слоев. Оппозиционный экстремизм может выступать, в одном случае, как средство борьбы за власть различных радикальных партий, движений, группировок, которые имеют маргинальный характер и не пользуются широкой поддержкой различных социальных групп. Либо, в другом случае, оппозиционный экстремизм выступает как ответное действие подчиненных групп на экстремистские действия органов государственной власти. Такой вид экстремизма носит протестный характер и выступает как защитная реакция на резкое ухудшение условий жизни низших, зависимых социальных групп, классов и слоев.

3) По идеологическому принципу – левый и правый. «Левый» экстремизм проявляется в деятельности левоэкстремистских организаций и движений (марксисты, троцкисты, маоисты, анархисты, «новые левые» и т.п.), которые опираются на различные варианты социалистической, коммунистической идеологии, выступают против существующего капиталистического строя и стремятся к революционным преобразованиям современного общества. «Правый» экстремизм имеет две разновидности: светский и религиозно-политический. Светский правый экстремизм нередко именуют националистическим, фашистским, расистским, поскольку представители правоэкстремистских групп, преимущественно, опираются на идеи германских национал-социалистов, итальянских фашистов, румынских гвардистов и т.д. Большое значение в правоэкстремистской идеологии играет расизм как средство радикального решения вопросов нелегальной иммиграции, особенно это характерно для многочисленных группировок скинхедов. Религиозно-политический экстремизм, сочетая ту или иную религиозную доктрину с правоэкстремистской идеологией, проявляется в деятельности, имеющей целью разрушение институтов светского

общественно-политического строя и создание клерикального государства. Кроме того, большое значение для религиозных экстремистов имеет борьба за утверждение власти представителей одной конфессии на территории всей страны, что на практике приводит к эскалации религиозных конфликтов между представителями разных конфессий, росту сепаратистских настроений, стремлению навязать в качестве государственной идеологии какое-либо религиозное учение.

4) По субъекту экстремистской деятельности – индивидуальный, групповой, государственный. Данный критерий позволяет говорить о массовидности экстремистской деятельности, что для любого государства чревато различными политическими осложнениями. Индивидуальный и групповой экстремизм характерен, преимущественно, для оппозиционных организаций, групп, а также действий отдельных граждан. Причем, групповой экстремизм может проявляться нетолько в деятельности организованных групп или организаций (политических партий, движений и т.п.), но и в деятельности больших масс людей, что может вести к массовым уличным беспорядкам, погромам, ничем не ограниченному насилию и т.д. В тоже время государственный экстремизм, проявляемый через деятельность органов власти, может привести к необоснованным массовым репрессиям, организации террора против инакомыслящих, существенному ограничению прав и свобод граждан под угрозой осуществления насилия, провоцированию военных конфликтов на международной арене и т.д. Естественно, все это существенно осложнит взаимодействие государства и общества, и при эскалации насилия может привести не только к утрате власти существующим правящим режимом, но и к массовым жертвам среди гражданского населения.

5) По применяемым средствам экстремизм может быть вооруженным и невооруженным. Вооруженный экстремизм проявляется через военные конфликты, терроризм, массовые репрессии, геноцид и т.д. Невооруженный – связан с пропагандой исключительности или неполноценности граждан по

национальному, социальному, религиозному признаку, публичными призывами к осуществлению экстремистских действий, распространением материалов, побуждающих к осуществлению экстремистской деятельности, осуществлением финансирования или любого другого содействия деятельности экстремистских организаций и т.д.

Таким образом, приведенная нами, в качестве рабочей гипотезы, классификация видов экстремизма может быть средством диагностики и теоретического анализа сущности конкретных проявлений экстремистской деятельности в политике. Следует отметить, что виды экстремизма тесно взаимосвязаны между собой, и, как правило, характеризуют разные стороны одного процесса, влияют друг на друга, отражая сложность такого социального феномена, как политический экстремизм.

Все вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

1. Исследование сущности политического экстремизма позволяет предположить, что такие понятия как «насилие» и «политическое насилие» являются ключевыми для определения экстремизма. Насилие в обществе, проявляясь как принудительное воздействие (в открытой и скрытой форме), непосредственно связано с агрессией, поскольку враждебность, неприязнь нередко приводят к различным видам насильственных действий. Тогда как политическое насилие выступает в качестве различных форм принуждения с целью приобретения или сохранения своего господствующего, значимого, ведущего положения в обществе. Поэтому политическое насилие всегда является крайней мерой (действием) для достижения определенных целей в политике. В свою очередь, экстремизм проявляется как идейно обоснованное, крайне решительное действие, связанное с применением нелегитимного насилия для достижения политических целей.

2. Особую роль в определении политического экстремизма играет понятие «легитимность». Политическая легитимность – это общественное признание власти и ее права на управление. Она выражает собой право власти на существование, ее обоснование и оправдание, в том числе, в вопросах

применения политического насилия. И такое насилие, осуществляемое государством, будет носить не только легальный, но и легитимный характер. Однако в определенных критических ситуациях, когда управляющие начинают терять общественное доверие в силу неэффективности деятельности органов власти в различных сферах общества, такие правящие группы нередко прибегают к систематическому чрезмерному (деструктивному) политическому насилию, приобретающему нелегитимный характер. Поэтому политический экстремизм, проявляющийся через нелегитимное насилие, может осуществляться как государственными структурами (силовое подавление оппозиции), так и общественными организациями, движениями, группами и т.д.

Вместе с тем, большое значение для исследования сущности экстремизма имеет изучение различных факторов, способствующих возникновению и развитию данного феномена. Отсутствие одного или нескольких из этих факторов значительно препятствует распространению экстремистских настроений и резко снижает воздействие экстремистской идеологии на этнонациональный менталитет и социокультурную деятельность.

1.3 Основные факторы возникновения и развития современного экстремизма

В конце XX – начале XXI вв. в мире произошли кардинальные перемены: изменились роль и функции национальных государств, усилились позиции ТНК и мировых банков как основных субъектов глобализационных процессов, осуществилась глобализация информационного пространства и его выход за пределы государственного и общественного контроля, произошло усиление взаимозависимости между различными регионами мира во многих сферах жизнедеятельности. В тоже время увеличилось и количество проблем, негативно влияющих на дальнейшее развитие

человеческого сообщества. Так, политические и экономические кризисы, экологические катастрофы, духовно-нравственная деградация, рост расовой, национальной, религиозной ненависти, резкое социальное расслоение – все это приводит к частым проявлениям экстремизма в современном мире.

Некоторые современные исследователи природы экстремизма видят основные причины его возникновения в социально-экономических и политических факторах.[82] Как правило, говоря о социально-экономических факторах, порождающих экстремизм, заостряют внимание на экономических кризисах, вызывающих нищету большой массы населения, рост безработицы и обострение конкуренции на рынке труда, подъем преступности, высокий уровень смертности, коррупцию во всех ветвях власти.[83]

Ряд исследователей полагают, что основные причины роста современного экстремизма в России связаны со сменой формационных слагаемых, то есть являются результатом перехода от социализма к капитализму, разрушения СССР и изменения геополитического положения страны.[84]

Рассматривая экстремизм как форму социального девиантного поведения, О.А. Русанова предпринимает попытку обобщить причины экстремизма, отмечая, что «благоприятной почвой для расцвета экстремизма являются экономические и социальные кризисы в стране, бедствия и обнищание населения, грубые нарушения демократических прав и свобод, авторитаризм, тоталитаризм, фашизм и т.д.».[85] Кроме того, О.А. Русанова

---

[82] См.: Авдеев Ю.И. Концептуальные и правовые вопросы совершенствования противодействия экстремизму в Российской Федерации // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2010. № 4. С. 71; Ерыгина В.И. Проблема ответственности политических партий за экстремизм в российском законодательстве // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 8. С. 41; Макаров Н.Е. Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму. Дисс. …канд. полит. наук. Чита, 2006. С. 42; Сергеева А.В. К вопросу об экономических факторах роста экстремизма в современной России // Российский следователь. 2010. № 16. С. 39 и др.

[83] Бааль Н.Б. Феномен политического экстремизма молодежи // Наука и бизнес: пути развития. 2012. № 1. С. 47.; Исаева М.А. Предпосылки и источники молодежного экстремизма // Власть. 2007. № 12. С. 40.

[84] Лунеев В. В. Проблемы криминализации и противодействия экстремизму // Государство и право. 2009. № 9. С. 44.; Муслимов С.Ш. Социально-экономические факторы как основа возникновения и обострения экстремизма и терроризма // Журнал российского права. 2010. № 2. С.71.

[85] Русанова О.А. Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 2005. № 2. С. 117.

вполне обоснованно подчеркивает значение социальных, межнациональных и межцивилизационных конфликтов для появления экстремизма.

По мнению С.Н. Фридинского: «Экстремистское движение представляет собой сложный феномен. Появление его обусловлено наличием целого ряда факторов, тесно взаимодействующих между собой. К важнейшим из них относятся: экономические, социально-политические и идеологические».[86] На наш взгляд, данная классификация не полна, поскольку не рассматривает психологические (мотивационные), культурные и религиозные причины, способствующие возникновению и развитию экстремистской деятельности.

По нашему мнению, факторы, порождающие экстремизм, необходимо рассматривать на основе комплексного подхода. Так, согласно Толковому словарю: «фактор – момент, существенное обстоятельство в каком-нибудь процессе, явлении».[87] Отсюда можно выделить шесть основных групп факторов, которые только вместе создают социальную ситуацию, обеспечивающую возможность и способность определенных социальных групп или их представителей осуществлять экстремистскую деятельность. К данным факторам относятся: социально-экономические, политические, психологические, культурные, религиозные и идеологические.

Причем следует отметить, что к общественной культуре в широком смысле относятся и религия, и идеология, тем не менее, на наш взгляд, следует культурные, религиозные и идеологические факторы политического экстремизма рассматривать по отдельности, учитывая приоритетный характер идеологии в обосновании экстремистской деятельности. Кроме того, мы считаем, что все перечисленные факторы можно разделить на две группы: специфические, т.е. непосредственно генерирующие проявления политического экстремизма и неспецифические или дополнительные. К специфическим факторам, непосредственно порождающим политический

---

[86] Фридинский С.Н. Борьба с экстремизмом: уголовно-правовой и криминологический аспекты. Ростов н/Д., 2004. С. 111.
[87] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 836.

экстремизм можно отнести: социально-экономические, политические и идеологические. К дополнительным – психологические, культурные и религиозные.

По нашему мнению, специфические факторы, проявляясь в виде длительного периода социально-экономической нестабильности, ослабления государственной власти и дискредитации ее институтов, возможности бесконтрольного использования нелегитимных технологий управления и идеологической манипуляции поведением различных социальных групп, характеризуют устойчивую кризисную ситуацию в обществе, порождающую рост проявлений экстремистской деятельности. Тогда как дополнительные факторы, проявляясь на фоне специфических, подчеркивают общий характер чрезвычайной ситуации, сложившейся в данный период и определяют различные стороны политического экстремизма.

Одними из основных, в группе специфических факторов, являются социально-экономические факторы, складывающиеся в результате перехода определенной социальной системы, или цивилизации в состояние социально-экономического кризиса. Экономические и социальные кризисы общественных систем являются социально-экономической почвой для проявлений экстремизма. Например, в Германии в 1920-е гг. затяжной социально-экономический кризис, вызванный, главным образом, поражением в мировой войне привел к росту экстремистских настроений во многих слоях общества, что дало толчок к появлению боевых политических организаций (Штурмовые и охранные отряды НСДАП, Черный фронт, Стальной шлем, Союз имперского флага и т.д.), строивших свою деятельность на основе экстремистских идеологий, и использовавших различные противоправные насильственные способы борьбы (главным образом, террор против политических противников).

В современной России социально-экономические условия для роста экстремизма были связаны со сменой социально-экономической формации и как следствие этого – глубоким формационным кризисом, затронувшим все

стороны жизни российского общества. В силу чего, социально-экономические условия тесно переплетены с политическими и являются одними из важных причин распространения экстремизма в России.

Прежняя советская система социально-экономических отношений, основанная на общественной собственности на средства производства, где государство контролировало распределение материальных и духовных ценностей, не могла породить экстремизм в социально-опасном виде. Ситуация в стране кардинально изменилась в 1990-е гг., когда Россия путем реформирования стала на путь строительства капиталистического общества по западному образцу, что привело к серьезному системному кризису, охватившему все сферы российского общества.

Наиболее серьезные последствия для страны кризис имел в сфере экономики. Реформы, начавшиеся с распадом СССР и приходом к власти Б.Н. Ельцина, были временем беспрецедентного в мирное время спада производства. По мнению М. Делягина: «Промышленное производство и валовой внутренний продукт сократились более чем наполовину. Это существенно превзошло потери, понесенные экономикой России в результате потрясений Первой мировой войны и революции и даже ущерба, нанесенного Второй мировой войной».[88]

На фоне разрушения промышленности и падения жизненного уровня населения происходило перераспределение собственности и радикальное изменение экономической структуры. Внутренний рынок, подорванный обнищанием народа и нехваткой средств у предприятий, резко сократился. Еще больше выросло значение внешнего рынка, на который страна выходила главным образом как поставщик топлива и других видов сырья. Стремительно вырос внешний долг, который дополнялся массовым вывозом капитала за границу.

Как считает Б. Кагарлицкий: «Российское общество рубежа XX и XXI веков, при всех своих постсоветских особенностях, постепенно приобрело

---

[88] Делягин М. Экономика неплатежей: как и почему мы будем жить дальше. М., 1996. С. 286.

черты периферийного капитализма и жило по его логике».[89] И, действительно, зависимое положение работников, нищенская зарплата и слабый внутренний рынок оказались конкурентными преимуществами для сырьевых монополий, работающих на мировой рынок. Коррупция оказалась естественной реакцией государственного аппарата на социальное расслоение. Доход чиновников от взяточничества составлял в 2000г. 33,5 млрд. долл., что почти достигало доходов российского федерального бюджета, а к 2008г. Россия прочно заняла в мире 147 место по уровню коррупции.[90] Кроме того, на периферийный (сырьевой) характер российской экономики указывают данные «Агентства РиФ», согласно которым Россия занимает меньше 2% в мировом ВВП. Основными статьями экспорта является газ и нефть (70%), первичные металлы (15%), лес-кругляк (10%), все остальное, включая оборудование, вооружение и технологии – менее 15%.[91]

Сходство России со странами «третьего мира» усиливалось по мере проведения структурных реформ, осуществлявшихся по рецептам Международного Валютного Фонда. Экономическая программа МВФ предусматривала для всех стран один и тот же набор мер – приватизация, дерегулирование экономики, либерализация цен и свобода вывоза капитала. Эти рецепты предлагались западными экспертами любой стране – и России и Зимбабве. В итоге данная программа МВФ не принесла процветания ни жителям Латинской Америки, ни Африки, ни России, и т.д. В тоже время российская экономика теперь была полностью вписана в миросистему и вновь стала источником сырья и финансовых ресурсов для Запада.

Как следствие экономический кризис сопровождали остановка предприятий, рост безработицы, падение жизненного уровня населения, ухудшение социальных перспектив значительной части населения, доминирование в обществе пассивности, социальной и личной нереализованности и т.д. Безусловно, все эти явления, так или иначе,

---

[89] Кагарлицкий Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М., 2009. С. 520.
[90] Лившиц И.И. Кризис для бедных и богатых // Природа и человек. 2011. № 3. С. 13.
[91] Лившиц И.И. Указ. соч. С. 12.

способствовали росту экстремизма в российском обществе. Но, на наш взгляд, существуют и определенные социально-экономические факторы экстремизма, которые проявляются постоянно в период кризисов не только в России, но и в других странах мира:

1) Резкое социальное расслоение в условиях снижения жизненного уровня населения. Так, по данным Федеральной службы государственной статистики РФ в 2011г. в крайней нищете находились 13,4% населения с доходами ниже 3422 рубля в месяц; в нищете – 27,8% с доходами от 3422 до 7400 рублей; в бедности – 38,8% с доходами от 7400 до 17000; выше бедности – 10,9% с доходами от 17000 до 25000; со средним достатком – 7,3 с доходами от 25000 до 50000; состоятельные – 1,1% с доходами от 50000 до 75000; богатые – 0,7% с доходами свыше 75000 рублей в месяц».[92] Естественно, когда поляризация общества «богатые – бедные» так высока, это не способствует стабильности системы и может при определенных обстоятельствах привести к различным социальным потрясениям (революции, восстания, массовые беспорядки и т.д.).

2) Массовая безработица и маргинализация определенной части населения. Экономический спад, начиная с 1991 года, превратил миллионы людей в России в официальных или скрытых безработных. По данным Международной организации труда (МОТ) «критическую черту» в 12% экономически активного населения безработица в России превысила в 1998 году и с тех пор положение только ухудшалось. Еще большее число людей формально не считались безработными, но были ими фактически: предприятия либо простаивали, работая 1 – 2 дня в неделю или 2 – 3 месяца в год, либо наемные работники по полгода и по году не могли получить зарплату. Например, в 1996 году только 30% российских рабочих получали заработную плату полностью и вовремя. Огромное число людей, привыкшее жить не богато, но вполне удовлетворительно, вдруг стало нищим.[93]

---

[92] Лившиц И.И. Там же. С. 10.
[93] Лившиц И.И. Указ. соч. С.12.

Как правило, рост численности безработных, особенно среди зрелых и молодых мужчин, приводит к увеличению уголовной преступности, совершению разного рода преступлений, в том числе экстремистского характера. По мнению Ю.М. Антоняна, сравнительный анализ осужденных за экстремистские и террористические преступления показывает, что «большинство из них принадлежат возрастным группам 20 – 49 лет».[94]

3) Неопределенный социальный статус молодежи в обществе. Экономический кризис всегда существенно влияет на социальное положение молодежи в любой стране. В России кризис привел к росту безработицы в молодежной среде, отсутствию доступного образования, невостребованностью отдельных категорий специалистов на рынке труда, проблемам в системе школьного и семейного воспитания, усилению влияния криминальной среды и т.д.

Состояние социальной неопределенности всегда является серьезным основанием для усиления социальной напряженности и роста деструктивных настроений в молодежной среде. По мнению М.А. Исаевой: «Низкие самооценки молодежью уровня надежды, уверенности, безопасности и, напротив, высокие – уровня тревоги, страха и безразличия в отсутствие целенаправленного регулирования нередко приобретают экстремальный характер от социальной апатии до антиобщественной активности наиболее опасным – экстремистским способом. Эти проблемы и противоречия носят институциональный характер, то есть, связаны с дисфункцией основных социальных институтов как механизмов социальной регуляции. Наслаиваясь, они создают социальное пространство неопределенности, порождая возникновение и распространение экстремистских настроений и взглядов молодежи».[95]

Кроме того, необходимо отметить, что проблемы семейного воспитания, взаимоотношения родителей и детей, наличие неполных,

---

[94] Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 99.
[95] Исаева М.А. Предпосылки и источники молодежного экстремизма // Власть. 2007. № 12. С. 39 – 40.

неблагополучных семей играют огромную роль в формировании личности молодого человека. Нередко молодые люди – участники различных экстремистских организаций отличаются своеобразной душевной неустроенностью, одиночеством, неблагополучием. Среди экстремистов немало таких, которые выросли в неполных семьях, либо вообще были сиротами. Так, например, Софья Перовская ушла из дома после разрыва с отцом. Многие активисты известной немецкой террористической группы РАФ выросли в неполных семьях.[96] Одиночество и недостаток человеческого тепла приводили к ранимости, уязвимости, замкнутости. Так, отстраненным, застенчивым рос будущий команданте Че Гевара.[97] Известный член «Красных бригад» М. Моретти, организатор похищения А. Моро, во время учебы в колледже характеризовался как очень робкий, впечатлительный юноша.[98] Таким образом, неустойчивое социальное положение молодежи, особенно в условиях кризиса, является важным фактором роста экстремистской активности в обществе.

4) Усиление миграционных процессов. В современном мире миграционные процессы носят массовый характер, развиваясь в двух направлениях – легальном и нелегальном, оказывая большое воздействие на обострение социально-экономических, политических, национальных и прочих отношений в странах, выступающих принимающей стороной.

В Россию миграционные потоки идут, главным образом, из регионов Украины, Молдавии, Закавказья и Средней Азии. Незаконно трудоустраиваются в России ежегодно порядка 100 тысяч иностранцев. Начиная с 1993-94-х годов, самым крупным поставщиком рабочей силы из ближнего зарубежья является Украина. Из нее на работу привлекается 66,3% от общего числа мигрантов, затем идет Молдавия – 9,4%, Армения – 6,7%, Грузия – 5,7%, Азербайджан – 3,6% и Казахстан – 1,6%. Остальные 6,7%

---

[96] Post J. Rewarding Fire with Fire: Effects of Retaliation on Terrorist Group Dynamics // Terrorism. 1987. Vol. 10. N1. p. 26.

[97] Алексеев В.А. Скромный кондотьер: феномен Че Гевары. М., 1991. С. 16.

[98] Веселицкий А.А. Убийцы. М., 1985. С.159.

делят между собой страны Средней Азии (лидирующее место среди них занимает Таджикистан) и Белоруссия.[99]

Приток иммигрантов разрушает исторически сложившийся этнический баланс населения и часто деструктивно влияет на межэтнические отношения. В условиях социально-экономического кризиса и роста безработицы представители коренного населения нередко остаются невостребованными и, естественно, их совсем не радует появление большого числа людей, которые расцениваются как конкуренты на столь необходимые рабочие места. Так, иностранная рабочая сила находит применение в различных отраслях экономики, в частности, торговле, транспорте, промышленности, сельском хозяйстве. Но более половины всех трудовых иммигрантов работает в строительстве, где достаточно высокая оплата труда. В то же время, при сравнении зарплаты трудовых мигрантов со среднемесячной зарплатой постоянных работников в соответствующих отраслях, оказывается, что она в 1,3 – 1,5 раз ниже.[100] За счет этого российские предприниматели и частные лица имеют возможность использовать более дешевую и дисциплинированную рабочую силу, которая приносит им постоянные сверхприбыли. По мнению А.А. Коробова: «Этим объясняется заинтересованность некоторых представителей деловых российских кругов в торможении процесса совершенствования правовой базы в сфере иммиграции и ужесточения мер по надзору над мигрантами».[101]

В тоже время часть мигрантов, как правило, пополняет ряды криминальных сообществ (ОПГ), которые занимаются кражами, убийствами, грабежами, совершают изнасилования, избиения, похищения людей в отношении коренного населения и других этнических диаспор. Все это вызывает негативную реакцию населения, особенно молодежи, и зачастую становится питательной средой для возникновения экстремизма. Причем, с

---

[99] Жилинский Е.В. Наплыв мигрантов в Россию: это хорошо или плохо? // Права человека. 2011. № 3. С. 5.
[100] Гаврилова Т.М. Международная миграция рабочей силы: ее воздействие на занятость населения в условиях реформирования экономики России. Дис. … канд. эконом. наук. Волгоград, 2001. С. 39.
[101] Коробов А.А. Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации. Дис. … докт. полит. наук. Саратов. 2008. С. 169.

одной стороны, экстремистские действия в отношении иммигрантов совершают различные праворадикальные группировки (здесь проявляется националистическая основа правого экстремизма), с другой стороны, экстремистская деятельность осуществляется представителями этнических диаспор (в том числе и мигрантами) против коренного населения (например, действовавшая в Москве группировка, главным образом, представителей азербайджанской молодежи «Черные ястребы»). Таким образом, открытость территории страны для внешней этнической миграции приводит к тому, что территориальное пространство постепенно начинает превращаться в арену политической, экономической, религиозной борьбы не только между коренным населением и иммигрантами, но и между различными этническими диаспорами.

5) Наличие на той или иной территории значительных запасов природных богатств или выгодное географическое расположение, что может вызвать рост сепаратистских настроений и, как следствие, различные экстремистские проявления. В современном мире при все увеличивающемся росте потребления и ограниченности (исчерпаемости) природных ресурсов важное значение для развития экономики, достижения высокого жизненного уровня населения в целом, роста благосостояния той или иной страны имеет доступ к основным источникам природного сырья. По подсчетам П.А. Цыганкова: «Для того чтобы граждане всех государств начали использовать столько энергоресурсов, как США, необходимо увеличить годовую добычу железа в 75 раз, свинца и меди – в 100, олова – в 250 раз. В недрах Земли таких запасов просто нет. Разведанные запасы угля сожгли бы всего через 18 лет».[102] В силу чего более развитые страны Запада, особенно США, стремятся решить сырьевую проблему с помощью как экономических мер (скупка по дешевке через навязывание невыгодных контрактов странам «третьего мира»), так и военно-политическими способами (устранение неугодных

[102] Цыганков П.А. Мировой политический процесс: содержание и особенности // Социально-политический журнал. 1995. № 10. С. 42.

режимов, размещение военных баз, поддержка сепаратистов, прямая агрессия, как в Ираке и т.д.). Соответственно экстремизм здесь проявляется, с одной стороны, в виде действий государства-агрессора (например, США в Ираке), с другой – в виде деятельности сепаратистов (например, баски, ирландцы, чеченские моджахеды и т.д.) и поддержки их со стороны заинтересованных в эскалации конфликта «третьих» стран. Таким образом, скудость или богатство стран природными ресурсами как в ранние эпохи, так и в современном мире будет выступать одним из важнейших факторов роста экстремистской деятельности в политике.

Помимо выделения устойчивых социально-экономических факторов возникновения и развития экстремизма, необходимо исследовать политические факторы, имеющие большое значение для понимания данного социального феномена.

На наш взгляд, проявление тех или иных политических факторов напрямую зависит от сущности того или иного политического режима, в условиях которого политический экстремизм возникает и развивается. Например, в условиях тоталитарного режима подавление всякого инакомыслия и оппозиции носит целенаправленный массовый характер, определяется репрессивной политикой государственной власти, и свидетельствует о том, что государство само выступает активным субъектом экстремистской деятельности. Тогда как при демократическом режиме государство не является проводником массовых политических репрессий против оппозиции, выступающей, например, за соблюдение прав и свобод граждан. Вместе с тем при демократическом режиме может проявляться низкая эффективность работы государственного аппарата и правоохранительных органов, отсутствие надежных механизмов правовой защиты граждан и т.п. Это может привести к появлению политических сил, провозглашающих стремление навести порядок, укрепить государственную власть, найти и наказать «виновников» создавшегося положения и т.д. И

подтверждающих свои намерения с помощью организации экстремистской деятельности.

В тоже время авторитарный режим может манипулировать термином «экстремизм», произвольно объявляя его приверженцами различные общественные организации и группы в силу их несогласия с проводимой государством политикой, нарушением конституционных прав граждан, искусственным суживанием политического пространства. Это ведет к росту экстремистских настроений в обществе, значительной радикализации оппозиционных сил, появлению и активной деятельности разного рода террористических и экстремистских организаций. В силу чего в условиях кризиса авторитарного режима наиболее ярко проявляется и государственный экстремизм (в форме подавления оппозиции силовым путем), и оппозиционный экстремизм (в форме силового противостояния с органами государственной власти).

Таким образом, появление политических условий для возникновения и развития экстремизма во многом объясняется типом политического режима в стране. В тоже время политический режим определяет характер, содержание, степень выраженности экстремистских действий в политике.

Вместе с тем политические факторы экстремистской деятельности можно классифицировать, разделив их на две группы – внутриполитические и внешнеполитические. Внутриполитические факторы определяются процессами, происходящими внутри той или иной политической системы, а также типом политического режима:

1) Политический кризис, выражающийся в нестабильности политической системы, слабости органов государственной власти, росте коррупции в органах управления всех уровней, неспособности государства последовательно и профессионально обеспечить правопорядок в обществе, нарастании радикальных (протестных) настроений различных социальных групп. Отсюда обострение политической борьбы, являющееся естественной

реакцией общества и особенно политической оппозиции на затянувшийся политический кризис и неудавшиеся реформаторские преобразования.

2) Сужение или существенное ограничение конституционных прав и свобод граждан, проведение репрессивной политики против инакомыслящих, стремление ликвидировать политическую оппозицию или серьезно ограничить ей политическое поле для деятельности.

3) Незавершенность реформ, обман ожиданий различных социальных групп на демократизацию политического режима, политическая демагогия и популизм представителей органов государственной власти, руководителей правящей партии, официальных политических лидеров и т.п.

4) Нерешенность национально-государственных проблем, ограничение прав национальных меньшинств, наличие тлеющих очагов национального сепаратизма, высокий уровень религиозно-этнической напряженности, нарастание чувства ущемления национального достоинства, политические амбиции националистических и религиозных лидеров, стремящихся применением насилия ускорить достижение поставленных ими целей и т.д.

Тогда как внешнеполитические факторы во многом определяются не только типом политического режима, но и положением (статусность) страны на мировой арене, причем, чем выше статус (великая держава, региональная, слаборазвитая страна и т.п.), тем больше вероятность проявления внешнеполитических условий для роста экстремизма. Таким образом, к внешнеполитическим факторам можно отнести:

1) Международное положение страны, уровень ее экономического, политического, военного развития, способность к доминированию в группе стран, в регионе, в мире, возможность реализовать свои политические притязания на международной арене. Что позволяет данной стране не только проводить активную внешнеполитическую деятельность, но и подчас выступать субъектом политического экстремизма. Например, закрепление за США ведущей роли в системе международного антитеррористического сотрудничества, стремление этого государства использовать процессы

активизации борьбы с экстремизмом в собственных внешнеполитических, в том числе экспансионистских интересах (события на Балканах, на Ближнем Востоке и др.) под предлогом «экспорта» своей модели демократии. В тоже время подобное положение «развитого» государства, основанного на определенных демократических ценностях, делает его уязвимым для проявлений политического экстремизма (например, США как объект экстремистских притязаний: события 11 сентября 2001г. и т.п.).

2) Нарастание межгосударственных противоречий в борьбе за передел сфер влияния, сырьевые ресурсы, что напрямую связано с обострением международных отношений, ростом локальных военных конфликтов, возможной угрозой мировой войны. История двух мировых войн XX века свидетельствует, что обострение политических, экономических, военных отношений между государствами, происходящее в крайних формах, чревато созданием военно-политических блоков (союзов) и сопровождается нарастанием военной истерии в СМИ и обществе, политическими провокациями, мобилизацией всех ресурсов для ведения войны.

3) Изменение мирового порядка, формирование новой модели международных отношений. В мире этот процесс активно пошел сразу после распада СССР, явившегося результатом поражения в «холодной войне». Переход к однополярному мироустройству, процессы глобализации, экспансионистская политика США, активизация деятельности ТНК, мировых банков и фондов, бурно принявшихся осваивать новый сегмент мирового рынка, доставшийся от бывшего соцлагеря – все это дало толчок мощному всплеску различных видов политического экстремизма: международному, государственному, оппозиционному, государственно-транснациональному, антиглобалистскому, религиозно-политическому и т.д. Так ряд отечественных и зарубежных исследователей считают, что глобализация (новый мировой порядок) используется и управляется США и их ТНК, руководствующимися только своими интересами, реализация которых несет для других стран высокую криминогенность. Успешно используют

различные возможности глобализации организованная преступность и организованный терроризм. Транснациональный характер этих наиболее опасных видов преступной деятельности является прямым порождением глобализационных процессов.[103]

4) Политика содействия сепаратистам, экстремистам, террористам со стороны зарубежных стран и общественных объединений, направленная на реализацию своих политических интересов за счет максимального экономического и политического ослабления страны-конкурента в регионе и т.д. Например, стремление ряда государств осложнить ситуацию на Северном Кавказе с целью вывести национальные республики, в том числе Чечню, Ингушетию, Дагестан, из под юрисдикции России, и в дальнейшем контролировать стратегический регион, богатый природными ресурсами.

Кроме того, если обратиться к историческим фактам, то можно отметить, что государственную поддержку экстремисты получали еще со времен Первой мировой войны. Так, Германия поддерживала ирландских сепаратистов, Россия – армянских экстремистов из организации «Дашнакцутюн», действовавших на территории Турции, российские организации эсеров, польских социалистов, финских националистов получали денежную помощь от Японии (во время русско-японской войны) и Австро-Венгрии. Так же в последнее время стали известны архивные документы, опубликованные немецкими исследователями о больших денежных суммах, полученных большевиками от Германии в 1917 – 1918 гг.[104]

5) Усиление конфронтации в мире по цивилизационно-религиозному принципу. По мере нарастания глобализационных процессов, когда начала создаваться мировая экономика со всеохватывающими внешними и

---

[103] См. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М., 2008; Кудрявцев В.Н., Лунев В.В., Петрищев В.Е. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира // Борьба с терроризмом. М., 2004; Кузьмин А. В. Противодействие экстремизму и терроризму: социально–культурный подход // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 4. С. 156 – 160; Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003; Хомский Н. Прибыль на людях. М., 2002 и др.

[104] Трауптман Й., Шиссер Г. Русская рулетка: Немецкие деньги для русской революции. М., 2004. С. 47 – 53.

внутренними системными отношениями, национальные государства во многом уступили свои позиции отдельным цивилизациям. По мнению Ю.М. Антоняна: «Можно сказать, что цивилизации в нынешнем виде, опирающиеся на одну из мировых религий и контактирующие внутри себя без учета государственных границ – это детища глобализации. Именно поэтому можно говорить, что чаще имеют место конфликты между цивилизациями, реже – между государствами».[105]

Следовательно, наряду с государствами, международными организациями, ТНК, цивилизации на религиозной основе стали активными участниками международных отношений. Причем, данные цивилизации не имеют общепринятых государственных границ, их границы определяются той или иной религией, т.е. ареалом ее распространения. Соответственно эти цивилизации стремятся к распространению своих религиозных систем с помощью не только мирного прозелитизма, но и используя достаточно радикальные методы борьбы. Любая религиозная система характеризуется наличием определенного числа религиозных фанатиков, фундаменталистов, экстремистов, которые и представляют основную угрозу в современном мире.

Ряд исследователей основным конфликтом цивилизаций в современном мире считают противостояние исламской цивилизации и цивилизации Запада.[106] По мнению Р.Я. Эммануилова и А.Э. Яшлавского: «В определенной степени рост активности сторонников радикального ислама связан с продвигаемой Западом глобализацией, точнее с негативными ее последствиями, выражающимися не только в применении силы для насильственной трансформации исламского мира, но и энергичной экспансии западной массовой культуры, воспринимаемой в исламском мире как посягательство на его традиционные цивилизационные устои. Глобализация

---

[105] Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 271.

[106] Варфоломеев А. А. Терроризм как продукт антиэтатизма // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 23 – 32; Возжеников А. В. Современные проблемы противодействия терроризму // Социология власти. 2011. № 2. С. 168 – 174; Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. М., 2008; Ефимов И.М. Грядущий Аттила: Прошлое, настоящее и будущее международного терроризма. СПб., 2008.

с ее подчас агрессивным секуляризмом воспринимается как угроза традиционно более высокой религиозности мусульманского мира».[107]

На наш взгляд, конфронтации в мире по цивилизационно-религиозному принципу происходили в истории человеческого общества постоянно (варвары и Рим, Крестовые походы на восток, экспансия немецких рыцарей против поморов, славян, походы русских князей-язычников против Византии, борьба турок-османов и Византийской империи, распространение ислама на Аравийском полуострове и т.д.). Поэтому абсолютизировать противостояние отдельных исламских террористических организаций, даже таких «страшных», как «Аль-Каида», и цивилизации индустриально развитого Запада не имеет смысла. Безусловно, ислам – молодая мировая религия по сравнению, например, с христианством и переживает период бурного развития, тот, что западные христианские страны прошли в Средние века, в том числе знаменитые Крестовые походы и т.п. Но многие страны традиционного ислама, такие как Египет, Саудовская Аравия, Пакистан, Индонезия, ряд африканских стран, так или иначе, встроились в новую мировую систему и во многом зависят от стран Запада, прежде всего, от политики США. Так, например, Саудовская Аравия, имея в своем арсенале самую передовую военную технику, танки и бронемашины закупает в США и Франции, транспортные самолеты – в Испании, зенитные комплексы – в Швеции и Швейцарии, торпедные катера – в ФРГ, истребители – в Англии и США.[108] Да и исламские фундаменталисты, используют террор не только против стран западного мира, но и в борьбе со своими мусульманскими правительствами, считая их продавшимися Западу отступниками от традиционного ислама (например, известные фетвы Усамы Бен Ладена против королевской династии Саудидов).

Вместе с тем, имеет смысл говорить об обострении противоречий (экономических, политических, национальных, религиозных и т.д.) между

---

[107] Эммануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения. М., 2010. С. 7.
[108] Saudi Arabia. Washington: Federal Research Division, 1992. P. 298.

периферией и центром капиталистической системы в условиях нарастающей глобализации. И вот здесь одним из субъектов периферии капиталистического мира и выступают представители радикального ислама, уступая, однако, пальму первенства более традиционным левым и правым экстремистам. Так из 79 наиболее известных к 1990 г. в мире экстремистских организаций и террористических групп 37 принадлежали к леворадикальному направлению (марксисты, троцкисты, маоисты, анархисты), 9 – к исламскому фундаментализму, 7 – к левому национализму (преимущественно отдельные палестинские группировки, сочетающие марксизм, национализм и ислам), 26 – к праворадикальным объединениям (фашисты, скинхеды, националисты).[109]

В тоже время усиление конфронтации в мире по цивилизационно-религиозному принципу выступает одним из важных условий для возникновения экстремизма. Поскольку обострение различного рода противоречий нередко приводило и приводит к применению ничем не ограниченного насилия между участниками данного конфликта.

Одним из основных компонентов политического экстремизма является экстремистская идеология, поскольку она направляет (обосновывает цель) экстремистскую деятельность и выступает духовной основой для сплачивания любой экстремистской организации. В силу чего экстремизм, главным образом, идейно или идеологически мотивированная деятельность. Поэтому наряду с социально-экономическими и политическими, идеологические факторы приобретают наиважнейшее значение для возникновения и развития современного экстремизма. К идеологическим факторам можно отнести:

1) Наличие у любой идеологии способности приобретать радикальные черты в зависимости от исторически меняющейся ситуации. Идеология представляет собой систему оценок по типу «хорошо – плохо», а применительно к обществу – предлагает некую идеальную модель того,

[109] Глобализация и девиантность. СПб., 2006. С. 102 – 103.

каким это общество должно быть, а каким не должно. Применение этой системы оценок в политике к людям, социальным группам, народам приводит к появлению категории «врага», т.е. отдельного индивида, группы людей, которые отстаивают свои идеалы и, таким образом, представляют угрозу для других идеалов и их последователей. Поэтому в процессе радикализации любая идеология выступает не только за необходимое переустройство окружающей действительности, но и содержит прямой или косвенный призыв к насильственному подавлению «врагов», выступающих препятствием к достижению этой цели. Тогда как крайняя степень радикализации приводит к формированию экстремистской идеологии, включающей в себя совокупность определенного рода идей, взглядов, теорий, нередко заимствованных из разных идеологических систем и применяемых для обоснования использования различных видов политического насилия против отдельных граждан, социальных групп, народов и т.д.

2) Отсутствие в государстве общепризнанной идеологической концепции, разделяемой подавляющим большинством населения. Это является не только препятствием на пути к сплачиванию общества, объяснению цели, предполагаемого результата общественного развития, но и оставляет широкое поле для деятельности экстремистских организаций, стремящихся мобилизовать различные социальные группы для подрыва, свержения государственного строя на основе использования экстремистских идей, призывов и лозунгов.

3) Серьезные противоречия между приверженцами различных идеологических течений и доктрин, предлагающих различные формы и способы разрешения всех социальных проблем. Указанные основные противоречия существуют в обществе объективно, независимо от воли и желаний людей, и в общественной жизни они проявляются в виде межличностных и межгрупповых конфликтов.

В ходе этих конфликтов и их осмысления противоборствующие стороны

вырабатывают те или иные программы, направленные на принципиальное разрешение этих конфликтов. И как раз в специфике этих принципиальных разрешений и может заключаться общественно опасный экстремизм.

Таким образом, суть экстремизма заключается в том, что стороны социального конфликта избирают такой способ его разрешения, который сводится к моральному, правовому или даже физическому подавлению и уничтожению одной из сторон конфликта. Вместо цивилизованного и социально плодотворного способа разрешения противоречий избирается способ непримиримый, антагонистический, основанный на представлениях о принципиальной неразрешимости противоречия без морального, правового или физического подавления или уничтожения одной из сторон.

В тоже время, хотя идеологические факторы являются одними из важнейших для возникновения и деятельности любой экстремистской организации, собственно экстремизм проявляется вовсе не в идеологии самой по себе, а в тех практических средствах, которые избирают для ее воплощения в жизнь практики, вставшие под знамена данной идеологии. Поэтому, учитывая важность изучения вопросов идеологии, в следующей главе будет исследовано современное состояние различных экстремистских идеологий, которые используются для обоснования деятельности экстремистских организаций в России.

Не менее важным для понимания природы современного экстремизма является исследование дополнительных факторов, способствующих порождению данного феномена.

В современном мире существенное значение для развития политического экстремизма приобретают религиозные факторы, поскольку, чем больше религия укоренена в социальной проблематике, тем больше она может быть политизирована. Однако прежде чем рассмотреть религиозные факторы, порождающие экстремизм, необходимо отметить следующее:

1) Связь религии с политикой во все времена была очень тесной, неслучайно в различные периоды истории того или иного государства религия

(церковная организация) играла или старалась играть роль разработчика официальной доктрины государственного развития. Причем данная доктрина разрабатывалась исходя из канонов господствующей в обществе религиозной системы взглядов (католицизм, православие, ислам и т.д.), что уже фактически предполагало создание приоритета для своей конфессиональной деятельности и, в тоже время, стремление ограничить, поставить в определенные рамки представителей других конфессий.

2) В священных текстах, например в Коране, можно найти призывы как к необходимости применения насилия против неверных, так и столь же легко обнаружить осуждение насилия, проповеди любви, всепрощения и милосердия. Здесь все зависит от толкования конкретных текстов и от позиции того, кто и с какой политической целью их толкует. Поэтому нередко экстремистская деятельность обосновывается наличием в священных текстах призывов к насилию, тогда как проповеди любви, сострадания и милосердия намеренно замалчиваются и вообще не упоминаются.

3) Любая конфессиональная организация (церковь) стремится сделать сугубо религиозные символы национальным достоянием всего народа, фундаментом его культуры, объявляя их неприкосновенными и особо чтимыми. Поэтому действительное или мнимое покушение на них рассматривается в качестве величайшей опасности, избежать которую необходимо любой ценой. Таким образом, религиозный радикализм потенциально присущ любой конфессиональной организации, поскольку религия является довольно чувствительной ко всем посягательствам на то, что она считает своей святыней или ценностью. В силу чего религия готова охранять и защищать свои святыни даже путем агрессии, как своих верующих, так и своей церковной организации, использующей агрессию в публичном пространстве.

В целом необходимо отметить, что любая религия, конечно, не является основой для экстремизма, но в определенных ситуациях различные представители той или иной конфессии – духовенство, религиозные

организации, отдельные верующие могут обосновывать или прямо участвовать в экстремистской деятельности, ставя те или иные политические цели. Следовательно, факт «политизации» религии может привести к возникновению экстремизма. Безусловно, и то, что отдельные субъекты экстремизма могут использовать религиозные священные тексты для камуфлирования своих политических целей. Таким образом, на наш взгляд, религиозный радикализм переходит в религиозно-политический экстремизм в том случае, когда его субъекты проявляют экстремизм за пределами религиозной деятельности, вступая в политические отношения и используя противоправные насильственные средства и методы политической борьбы (например, терроризм).

Вместе с тем, на наш взгляд, можно выделить следующие основные религиозные факторы, содействующие проявлениям экстремизма в современном обществе:

1) Возрожденческие процессы в религиях (всплеск общей религиозности на постсоветском пространстве) на территории России, что нередко сопровождается их политизацией и радикализацией. Низкий уровень религиозного образования населения России и стран СНГ, при росте интереса к той или иной религии, часто приводит к манипулированию религиозными чувствами верующих для достижения определенных политических целей со стороны различных экстремистских организаций.

2) Отсутствие четко выверенной и сбалансированной политики государства по отношению к представителям разных религиозных конфессий. Нередки случаи нарушения прав религиозных и этнических меньшинств со стороны должностных лиц российского государства, особенно в области миграционной политики. Коррумпированность этой сферы приводит к тому, что на территории России оседают лица, которые преследовались у себя на родине за участие в различных религиозно-политических экстремистских организациях (например, Хизб-ут Тахрир, Исламское движение Узбекистана и др.) и нередко продолжают эту деятельность уже на территории РФ.

3) Деятельность зарубежных религиозных миссионеров, нацеленная на разжигание межконфессиональных противоречий с целью достижения определенных политических целей (сепаратизм, отделение от России Северного Кавказа, создание исламского государства на отделившихся от России территориях и т.д.). Здесь следует отметить миссионерскую деятельность некоторых исламистских организаций (например, «Мусульманская помощь», «Дом двух святых», «Аль-Азхар» и др.), действующих на Северном Кавказе и в Поволжье, а также деятельность определенной части выпускников зарубежных исламских вузов, главным образом, обучавшихся на территории Саудовской Аравии и являющимися проводниками идей такого радикального учения, как ваххабизм.

4) Пассивность традиционных религиозных институтов, и как следствие, снижение к ним доверия со стороны отдельных социальных групп, например, молодежи. Неспособность официальных религиозных структур повлиять на политику государства в области решения социально-экономических проблем (снижение безработицы, молодежная политика, повышение уровня культуры, нравственности в обществе и т.д.) приводит к поиску нетрадиционных, нелегитимных и зачастую противоправных путей преодоления назревших проблем через участие в экстремистских организациях и группах.

5) Деятельность радикальных религиозных организаций, групп, сект, использующих те или иные идеи религиозного фундаментализма и создающих благоприятный социальный и информационный фон для появления религиозно-политических экстремистских организаций. Здесь следует обратить внимание на термин «религиозный фундаментализм», нередко используемый как синоним понятия «религиозный экстремизм».[110]На наш взгляд, «религиозный фундаментализм» – религиозная идеологическая система, обосновывающая необходимость сохранения в неизменном виде традиционных основ той или иной религии. Суть идеологии фундаментализма состоит в том, чтобы не допустить

[110] Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм. Махачкала, 2008. С. 43.

коренных изменений, как в религиозной доктрине, так и в конфессиональной организации. Сам по себе религиозный фундаментализм политическим феноменом не является, но может использоваться в политических целях. То есть стремление сделать религиозные нормы непосредственно политическим законодательством и приводит к возникновению религиозно-политического экстремизма. Следовательно, религиозный фундаментализм и религиозно-политический экстремизм взаимосвязаны. Поскольку использование идей религиозного фундаментализма в политике порождает религиозно-политический экстремизм, который проявляется как идеологически обоснованная деятельность, состоящая в применении нелегитимного политического насилия для достижения поставленных целей. Таким образом, религиозно-политический экстремизм — это как раз приверженность к крайним взглядам и мерам в стремлении переустройства мира в соответствии с религиозными фундаменталистскими взглядами.

В целом, манипулирование религиозными текстами и ссылками на богословские авторитеты в сочетании с деятельностью радикальных религиозных организаций, зарубежных миссионерских центров, а также слабость и непоследовательность национальной, миграционной, антиэкстремистской политики государственных структур, приводят к возникновению устойчивых религиозных факторов, порождающих экстремизм в современном российском обществе.

Немаловажное значение имеет исследование культурных факторов, оказывающих влияние на становление и развитие политического экстремизма. Вообще, проблема осмысления культурных факторов экстремизма имеет огромное значение для изучения данного явления, поскольку экстремизм предстает как форма отчуждения личности от общечеловеческих, общекультурных ценностей.

На наш взгляд, зарождению и развитию экстремизма способствуют следующие культурные факторы:

1) Диалектика целостного развития предполагает как созидание культуры, так

и ее разрушение. Поэтому целостный процесс культуротворчества включает в себя как моменты отрицания и разрушения, так и моменты созидания, обновления. Причем творчество может быть связано с проявлениями некой крайности, экстремальности, отрицания сложившихся стереотипов в культуре. Однако данные экстремальные формы еще не свидетельствуют об экстремизме. В тоже время, если насилие и разрушение становятся конечной, определяющей целью активности и творчества, то вполне можно говорить о проявлении экстремистской деятельности. Так, например, агитплакаты или листовки, публично призывающие к осуществлению актов насилия против представителей органов власти или политических оппонентов, несмотря на художественную привлекательность, креативность, эстетику форм, могут быть расценены как экстремистские и, соответственно, автор данных «шедевров» должен нести ответственность за изготовление экстремистских материалов. Следовательно, экстремальность процесса культуротворчества может стать фактором возникновения экстремизма, если подчинить творчество политической цели, предполагающей разрушение и насилие.

2) Социокультурные процессы, связанные с резкой ломкой традиционных устоев, ориентиров, привычного образа жизни. Системный кризис, поражающий все общество, оказывает особое влияние на традиционные устои и нравственные ориентиры. Причем, чем больше общество авторитарно, патриархально, тем сильнее разрушаются духовно-нравственные ориентиры его граждан. Например, революционные потрясения февраля 1917 г. не просто изменили облик дореволюционного российского общества, но и серьезно подорвали традиции, духовные основы, привычный уклад жизни русского и других народов России. Что в условиях продолжавшейся мировой войны, революционной пропаганды, нерешенности насущных социально-экономических вопросов привело к росту экстремистских настроений в обществе, стремлению к насильственному решению вставших перед страной проблем. В результате, сложившуюся критическую ситуацию политические силы того времени

(Временное правительство, большевики, анархисты и т.д.) обострили до предела, что привело к ее разрешению, но уже противоправными насильственными действиями, вылившимися в события Октябрьской революции, Гражданской войны, акты обоюдного террора красных и белых и т.д. Таким образом, разрушение традиционных устоев (в дореволюционной России – монархическая форма правления, православная церковь и т.п.) и отказ от сложившихся духовно-нравственных ориентиров привели к всплеску политического экстремизма в российском обществе.

3) Рост в обществе негативного, пренебрежительного отношения к общепринятым нормам, ценностям, правилам, стилям поведения. Данный процесс характерен для любого типа общества и отличается долговременностью развития. Как правило, пренебрежение (негатив) общепринятыми нормами и ценностями накапливается постепенно вследствие неспособности власти эффективно решать насущные проблемы общества (например, «запаздывание» с проведением реформ), а также порочности самой власти (коррупция, произвол, бюрократизм и т.д.). Такое устойчивое отрицание и пренебрежение общепринятыми нормами в России характеризовалось термином «нигилизм».

Безусловно, представители нигилизма встречаются у всех народов и во всех странах, но для российского общества это явление особенно специфично. Так, толковый словарь русского языка под термином «нигилист» понимает «сторонника демократического движения в России в 60-е гг. XIX в., отрицающего устои и традиции дворянского общества, крепостничество».[111] Данное движение, возникнув на основе неприятия норм и ценностей того общества, с течением времени породило различные экстремистские организации в России, например такие, как «Народная воля», «Черный передел», что в итоге привело к формированию террористической Боевой организации партии эсеров, анархистским боевым дружинам и т.п.

Вместе с тем, следует отметить, что появление нигилизма в России было

[111] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 408.

связано и с формированием такого общественного слоя как интеллигенция (большинство нигилистов – представители так называемых «разночинцев»). Именно наличие образованности, учености, более широкого кругозора привело представителей нигилизма к критическим оценкам органов власти, сложившихся устоев, традиций и общепринятых норм. А отсутствие в Российской империи реальных возможностей повлиять на деятельность органов государственной власти (цензура, борьба с инакомыслием, неразвитость социальных лифтов, отсутствие реальных прав и свобод граждан и т.д.) привело вначале к распространению крайних взглядов (пропаганда, «хождение в народ»), а затем и к решительным экстремистским действиям (терроризм).

В современной России, с одной стороны, процесс формирования «новых» общественных норм и ценностей еще не завершен при почти полном отказе правящего режима от ценностей советского периода, тогда как с другой стороны – в обществе появились устойчивые тенденции, связанные как с неприятием деятельности органов власти (власть неэффективна, коррумпирована, выборы нечестные и т.д.), так и с резкой критикой оппозицией, некоторыми СМИ, молодежными группировками поддерживаемых властью норм и ценностей (культ денег, поп-культура и т.п.). Таким образом, в российском обществе имеется питательная среда для перехода от крайне негативного отношения к органам власти, официальным нормам и ценностям до открытых экстремистских действий против правящего режима.

4) Развитие современного мира характеризуется усилением иммиграционных процессов. Особую важность проблема иммиграции приобрела и для российского государства и общества. Причем рост и легальной, и нелегальной иммиграции зачастую приводит к межкультурным противоречиям и конфликтам. Так, многие мигранты, прибывающие в Российскую Федерацию в поисках трудоустройства, имеют очень смутные представления о культурных традициях коренных народов России. Незнание русского языка, традиций, нравственных норм и ценностей нередко приводит к созданию замкнутых

этнокультурных сообществ (диаспор), сочетающих легальную трудовую деятельность с организацией этнических преступных группировок (наркоторговля, вымогательство, похищение людей и т.д.). Все это ведет к росту антииммигрантских настроений, особенно в молодежной среде, и последующему стремлению решить «проблему» с помощью экстремистских действий (уличное насилие, организация терактов на рынках, в кафе, торговых палатках и т.д.). Таким образом, следует отметить, что процессы глобализации, вызвавшие, в том числе и рост иммиграционных потоков, в итоге приводят к столкновению культурных традиций, норм, ценностей. На практике данные столкновения проявляются, во-первых, в распространении радикальных настроений в обществе и, как следствие, возникновении экстремистских организаций и групп. А, во-вторых, эти нередко обычные бытовые конфликты используются экстремистами для достижения своих политических целей.

5) Характерные черты сложившейся политической культуры, в конечном итоге, определяют облик экстремизма в той или иной стране. В связи с чем, экстремизм обладает национальной спецификой, которая обуславливается особенностями истории и культуры данного этноса, его национальным характером и ментальностью.

Специфика российского политического экстремизма проявляется в отсутствии западного демократизма, толерантности, консенсусности, в склонности к спонтанным, крайним решениям, расчете на силу в противоборстве интересов. Причем отсутствие традиций понимания демократии «как на Западе» является превалирующей чертой ментальности, как широких масс, так и правящей элиты. Отсюда, с одной стороны, стремление властных структур опереться на силу государства, чиновничий произвол, административный ресурс, провести «зачистку» политического пространства, тогда, как с другой, постепенный переход политической оппозиции от радикальной риторики и пропаганды к организации экстремистских группировок с целью завоевания власти с помощью насильственных действий. В силу чего, такое свойство российского

менталитета, как приверженность к крайним решениям (избитое выражение – «Россия – страна крайностей») и силовым, волюнтаристским методам, в политической практике проявляется как один из факторов, способствующих экстремистской деятельности.

Таким образом, исследованные нами культурные факторы позволяют сделать вывод о том, что экстремизм, выступая как форма отчуждения от традиций, устоев, общепринятых норм, нравственных ценностей, вместе с тем имеет четко выраженную национальную специфику, определяемую историей, политической культурой, менталитетом того или иного народа.

Определенную роль в развитии политического экстремизма играют психологические факторы. Особенно важным, на наш взгляд, для понимания психологии экстремизма является исследование мотивов, как «побудительных причин, поводов к какому-либо действию».[112] Причем данные мотивы всегда «морально» оправданы субъектами экстремистской деятельности. Отсюда сознательный волюнтаризм, т.е. возведение в абсолют воли субъекта и сведение к нулю необходимости, зависимости деятельности субъекта, ее результатов от объективных закономерностей общественного развития. В истории революционного движения волюнтаристами были народники, эсеры, сегодня таковыми являются различного рода ультралевые, анархистские движения на Западе и в России.

В качестве примера можно обратиться к рассуждениям С.Г. Нечаева в его «Катехизисе революционера»: «Революционер живет в обществе лишь для того, чтобы его вернее разрушить. Он не революционер, если ему чего-нибудь жаль в этом мире, если он может остановиться перед истреблением положения, отношения или какого-либо человека, принадлежащего к этому миру, – всё и все должны быть ему равно ненавистны. Наше дело – страшное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение».[113] Именно субъективная оценка происходящих событий, стремление подменить объективные

---

[112] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 359.
[113] Цит. по: Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. С. 121.

закономерности развития культом революционной политической воли характеризует деятельность «правых» и «левых» экстремистов в современном мире.

Таким образом, большое значение в исследовании психологических особенностей экстремистской деятельности имеет выяснение мотивационно-ценностной основы экстремизма. Некоторые исследователи выделяют два основных типа мотивов экстремистской деятельности – личностные и политико-идеологические.[114]

Личностные мотивы могут быть эмоциональные (эмоциональная неустойчивость, мечты о славе, лидерстве, внимании СМИ и т.п.), невротическо-психопатологические (различные невротические комплексы, садизм, некрофилия) и корыстные (деньги, материальные ценности и др.). Для многих людей эмоционально неустойчивых, стремящихся к известности, мечтающих о славе, экстремистская деятельность может стать привлекательной благодаря возможности самоутвердиться, ощутить собственную значимость, преодолеть отчуждение и фрустрацию. По мнению К. Оотса: «Террористические организации могут дать молодым людям возможность стать героем. Молодые террористы получают также удовлетворение от веры, что способствуют важному делу. В некоторых случаях даже возможность умереть и стать мучеником может быть мощным психологическим стимулом».[115]

Вообще, феномен «героизма» характеризует любую экстремистскую организацию, занимается она террором или нет. Ведь для политического экстремизма характерно противопоставление «героя и толпы», «спасителя и стада», «крутого парня и простых обывателей» и т.д. В основе такого «героизма» лежит максимализм – требование наиболее радикальных перемен

---

[114] См. Виноградов М.В. Терроризм: психологический портрет // Терроризм. Правовые аспекты борьбы / Отв. ред. И.Л. Трунов. М., 2005. С. 235 – 244; Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов-на-Дону, 1996; Иванеев С. В. Экстремизм, фундаментализм и терроризм под флагом ислама // Военно-юридический журнал. 2010. № 12. С. 18 – 22; Кубякин Е. О. Формирование установок толерантности в молодежной среде как элемент системы противодействия экстремизму // Общество и право. 2010. № 3. С. 288 – 291; Кузина С.И. Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: Автореф. дис. … докт. полит. наук. Ростов-на-Дону, 2010 и др.

[115] The Annual on Terrorism. Dordrecht eats. 1986. p. 11.

здесь и сейчас, полного переустройства окружающего мира. Причем максимализм оказывается не идеологическим, а сугубо психологическим инструментом, средством реализации экстремизма. Опираясь на психологию максимализма, экстремистский «героизм» выражается в мировоззренческой установке, что каждый герой имеет (или должен иметь) свой способ спасения человечества, т.е. свою программу. Обычно для этого экстремистской группой заимствуется или принимается одна из программ политических партий (достаточно радикальных), которая затем дорабатывается на основе большей радикализации основных идей, установок, лозунгов и, конечно, используемых методов политической борьбы. Так создается некое политическое кредо, идейная (монолитная) основа, наивернейший путь спасения человечества, который можно только принять, и, во имя которого, принести «героические» жертвы жизнью, здоровьем, свободой своей и других людей. В итоге, «героизм» теряет подлинную моральную основу (смысл) и становится пустым фетишем, предметом культового преклонения, и неким оправданием экстремистской деятельности.

Естественно, что экстремистский «героизм» сопряжен со страданиями и гонениями героя, противостоящего карательной машине государства. Однако преследования со стороны государства канонизируют героя в его собственных глазах, а также глазах товарищей по борьбе. Особенно сильно это проявляется в среде молодежных нонконформистских неформальных группировок.

Экстремизму свойственны особые правила рассуждений, подчеркивающих принципиальность «героизма» и оценки героических деяний. Экстремистский «героизм» – это стремление что-то переустроить, радикально изменить, совершить что-либо свыше человеческих сил, отдав при этом свою жизнь и свободу. Ведь стать героем и спасителем человечества можно лишь героическим деянием, далеко выходящим за пределы понимания простых обывателей. Эта иллюзия, в итоге, служит основой в суждениях, критерием для жизненных оценок, восприятий

поступков других людей. Поэтому у «героизма» экстремистов – особая нравственность, основанная на идее о том, что герою – «все дозволено» и нет никаких абсолютных норм и незыблемых начал личного и социального поведения. Отсюда возникает своеволие, авантюризм, беспринципность, а также презрение не только к своей жизни, но и жизни других людей.

Личностные мотивы экстремистской деятельности на практике, как правило, переплетаются с политико-идеологическими. Перевес тех или других зависит от конкретного случая, но вместе они составляют мотивационную основу экстремистского сознания. Политико-идеологические мотивы могут быть религиозными, националистическими, а также социально-политическими. По мнению А.А. Козлова: «Многие исследователи указывают на то, что экстремистскому сознанию присущи компоненты неразвитого сознания: импульсивность, внутренняя напряженность, конфликтность, деструктивность. Важную роль в процессе формирования экстремистского сознания играют нетерпение и нетерпимость. Эмоциональная черствость, тупая ограниченность нравственно-эстетических представлений характеризуют и инфантильное сознание, и экстремистский менталитет. Этим объясняется и основная мировоззренческая установка экстремизма на поиск упрощенных, наиболее облегченных, точнее сказать, примитивных путей к достижению собственных целей, на постоянное форсирование процессов и событий».[116]

Тем не менее, в политико-идеологических мотивах экстремизма можно выявить некую основу, которая и позволяет говорить об экстремистском сознании как о своего рода идеальной модели. Такой мотивационной основой является вера в обладание единственной истиной, уникальной программой «спасения» своей нации, расы, любой другой социальной группы или всего человечества.

Вместе с тем, указанной мотивационной основы недостаточно для обращения к экстремистской деятельности, поскольку людей убежденных,

---

[116] Козлов А.А. Молодежный экстремизм. Спб., 1996. С. 18.

что они достигли высшей и единственной истины немало в самых разных сферах и лишь немногие из них обращаются к экстремизму. В силу чего, на наш взгляд, необходимо выделить комплекс психологических факторов, способствующих порождению экстремизма в обществе:

1) Эмоционально-психологические переживания у представителей различных социальных групп, вызванные ситуацией социально-экономического кризиса. Те социальные группы, которые в результате этого кризиса оказываются перед угрозой социального исчезновения, испытывают постоянное и все усиливающееся состояние психологической фрустрации, вызванное ущемлением их жизненных потребностей. В результате этого возникают сложные чувства, соединяющие в себе, с одной стороны, бессилие, безысходность, страх, чувство подавленности, а, с другой стороны, ненависть и агрессию. Это способствует формированию экстремистских поведенческих установок, выражающихся в направленности на насильственные, противоправные действия по отношению к «врагам», которые рассматриваются как основная причина всех несчастий. Экстремистские установки характеризуются убеждением, что только насильственными мерами и действиями возможно радикальное исправление нестерпимой ситуации, критического положения, в котором оказалась данная социальная группа.

2) Социальная дезадаптированность потенциальных участников экстремистских группировок. В большинстве своем, это люди, которых преследуют неудачи в получении образования, трудоустройстве, карьере, сложности в коллективе, в отношениях с противоположным полом и т.п. Поэтому, во многом, именно участие в экстремистских или террористических организациях позволяет им компенсировать эти неудачи, т.е. удовлетворить чувство идентичности и принадлежности к определенной группе.

Внутренняя организация и законы функционирования экстремистских (террористических) групп в максимальной степени способствуют адаптации

в них вчерашних аутсайдеров. Крайний авторитаризм, беспрекословное подчинение руководителю, полный контроль всех аспектов жизни членов группы сочетается с подчеркнутой гуманностью в отношениях друг к другу, с готовностью помочь, с полным и безусловным принятием каждого. Стратегия действия обсуждается всегда коллективно, каждый имеет возможность ощущать себя соавтором великих планов. Как правило, в террористических группах существует культ погибших товарищей. Каждый террорист знает, что, если он погибнет, к его памяти, к его имени будут относиться так же бережно. Конечно, все эти моменты были бы недостаточными для того, чтобы привлечь сбалансированного и достаточно успешного человека, а уж тем более – заставить его отказаться от усвоенных с детства норм уважения человеческой жизни. Для человека же глубоко одинокого и неадаптированного террористическая группа может оказаться подходящим местом.

3) Психологические особенности лиц, склонных к экстремистской деятельности. Участники террористических и экстремистских групп, как замечает Ю.М. Антонян, испытывают «болезненные переживания, связанные с нарциссическими влечениями, неудовлетворение которых ведет к недостаточному чувству самоуважения и неадекватной интеграции личности».[117] Эту черту можно наблюдать у многих представителей экстремистских организаций, как у лидеров, так и у рядовых членов, которые, как правило, убеждены в своих выдающихся способностях, совершенстве, личных качествах, превосходстве над другими, поскольку являются членами единственно «правильной» организации, отстаивающей единственно «правильные» взгляды и ценности.

Большую опасность для общества представляет групповой нарциссизм, о чем писали многие исследователи, в частности Э. Фромм. Поскольку в этом случае, человек преисполняется гордостью лишь по той причине, что принадлежит к «избранной» расе, нации, религиозной или политической

[117] Антонян Ю.М. Природа этнорелигиозного терроризма. М., 2008. С. 73.

организации и т.д. Соответственно, ценности и установки данной общности, группы или организации становятся основой его социального бытия. Таким образом, при нарциссических установках люди воспринимают окружающий мир в черно-белых тонах, а все причины своих неудач и промахов видят только в искусственно созданных образах многочисленных врагов.

Кроме того, одной из психологических особенностей лиц, склонных к экстремизму, можно назвать садистские наклонности. Как считает М.В. Виноградов: «Подавляющее большинство террористов – это прирожденные садисты, но есть и такие, которым садистские тенденции воспитали психотехнологи терроризма. Собственно садизм – есть основная черта, присущая террористам».[118] В любом экстремистском сообществе можно выделить разные категории участников, с точки зрения психопатологии, имеющие выраженные садистские наклонности:

Первая группа – так называемые «идеологи» или «лидеры». Сами они редко проливают свою кровь, для них чужая боль, страдания, смерть – лишь абстракция, позволяющая держать мир в повиновении и достичь своих целей. Действительно, «идеологов» экстремизма (терроризма) никто специально не выращивает, они просто стали такими и сами воспринимают себя такими, какие они есть без всяких угрызений совести и уж, конечно, не считают себя садистами.

Вторая группа – «администраторы» или «управленцы», «вожди» более мелкого калибра. Как правило, это неплохие организаторы, разработчики направлений деятельности экстремистского сообщества, региональные руководители, специалисты в области вербовки, психологической обработки, специальной подготовки. Уровень образования и характер предыдущей деятельности у этой категории экстремистов, и пути, приведшие их в политический экстремизм, весьма различны. Кто-то убежденный сторонник тех или иных радикальных взглядов, религиозный фанатик, действующий

---

[118] Виноградов М.В. Терроризм: психологический портрет // Терроризм. Правовые аспекты борьбы / Отв. ред. И.Л. Трунов. М., 2005. С. 238.

ради «великой и светлой цели» создания лучшего общества, нового мира и поэтому работающий за идею без всякого материального вознаграждения. А кто-то наоборот, идет просто ради материальной выгоды, порой выраженной в очень больших деньгах. Ну а кто-то, не признаваясь даже себе, реализует, таким образом, свои садистские наклонности, получая удовольствие от стремления причинять боль и страдания окружающим.

Третья группа – самая многочисленная и представлена рядовыми участниками, исполнителями террористических актов, подготовленными боевиками или просто – «пехотой». В этой группе можно встретить людей с садистскими наклонностями, которые проявлялись у них с раннего детства в виде издевательств над животными, стремлении причинить страдания другим людям. Как правило, подобные садисты представлены, практически, во всех экстремистских и террористических группировках. Кроме того, садистские наклонности могут проявлять лица при стечении каких-либо психотравмирующих обстоятельств. Хотя это могут быть и люди случайные, пойманные на чем-то вербовщиками, попавшие в идеологические или религиозные ловушки.

Психолого-психиатрические особенности личности экстремиста во многом определяются тем, как он соприкасается со смертью (участие или неучастие в террористических актах, убийствах, геноциде, партизанской войне и т.д.), которая, несомненно, влияет на его психику и поступки, притом, что его личностная специфика состоит в его стремлении к смерти. По всем психологическим особенностям, личностным характеристикам – это экстремист-некрофил, который незащищен от смерти задачей выживания, чаще всего он и не ставит такой задачи перед собой. Наркотическая атмосфера близости к смерти может толкать на совершение самоубийственных террористических актов, но также и других убийств, например, при участии в военных конфликтах.

Причем нередко о близости смерти может напоминать соответствующая атрибутика экстремистских организаций, носящая

подчеркнуто некрофильский характер. Например, известный лозунг-приветствие национал-большевиков Э. Лимонова «Да, смерть!» или стилизованная черная униформа боевиков РНЕ, как напоминание о «презрении к смерти», различные варианты «адамовой головы» (череп и скрещенные кости) как атрибуты всевозможных скинхедгрупп, объединений НС-язычников и т.п.

Экстремисты, которые видят в смерти единственный путь решения различных проблем, как правило, не испытывают страха перед своей возможной гибелью. Многие из них не боятся смерти или не осознают ее для себя, а перспектива длительного тюремного заключения обычно не рассматривается ими, они не задумываются о ней. Только после вынесения приговора, экстремисты начинают осознавать, что значительную часть или всю жизнь им предстоит провести в местах лишения свободы. Поэтому осознание содеянного, личные страдания, связанные с отбытием предстоящего наказания, начинаются для многих именно с этого момента.

Кроме того, к особенностям личности экстремистов можно отнести чрезмерно развитую эмоциональность (импульсивность, страстность натуры), своеобразную душевную неустроенность (одиночество), своеобразное понимание социальной отзывчивости (реагирование на социальные проблемы), мировоззренческая ограниченность (мифологичность сознания), стремление к абсолютному, идеальному, совершенному, но в тоже время простому решению всех проблем и т.д.

4) Крайняя нетерпимость к инакомыслию. Поиск вовне источников личных проблем. А потому такие источники оказываются объектом агрессии. По мнению Ю.М. Антоняна: «Экстернализация присуща практически всем категориям террористов: политическим, сепаратистским, этнорелигиозным и др. Такая особенность является психологической и идеологической основой для сплачивания террористов и, несомненно, принадлежит к числу ведущих».[119] Несомненно, что и для членов экстремистских организаций,

[119] Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 74.

экстернализация активно подпитывает ненависть к представителям иных социальных, национальных, религиозных групп, позволяет объяснять свои неудачи происками многочисленных врагов.

Большинству экстремистов присуща предельная нетерпимость к тем, кто думает иначе, а так же фанатизм, порожденный максималистскими идеями «спасения» своей нации, расы, религиозной группы и полного уничтожения всех ненавистных врагов. Им свойственна крепкая вера в обладание абсолютной и окончательной истиной. Отсюда – убежденность в своей миссии по спасению Родины, расы, нации, религии и т.п. Эта убежденность может основываться на определенных идеологических постулатах, религиозных установках, вере в незыблемость традиций, а может быть чисто эмоциональной или корыстной. Это кстати и отличает истинных экстремистов от случайных, неосведомленных людей, а также наемников, участвующих в экстремистских сообществах из материальных, корыстных побуждений.

В целом, психологические факторы политического экстремизма являются, с одной стороны, производным результатом исследованных нами социально-экономических и политических факторов. Тогда как, с другой стороны, они способствуют усилению действия этих специфических факторов, и непосредственно создают благоприятную почву для восприятия массовым сознанием экстремистской идеологии.

Таким образом, рассмотрев теоретико-методологические основы исследования политического экстремизма, мы пришли к следующим выводам:

1. На сегодняшний день значительный вклад в дело изучения феномена политического экстремизма внесли исследования представителей политико-правового подхода, рассматривающего экстремизм, преимущественно, как политико-правовую категорию. В тоже время сложности с определением сущности (природы) данного явления не позволили многим исследователям

сконцентрироваться на изучении содержания экстремизма вместо произвольного увеличения и обоснования его разновидностей.

2. Деятельность субъектов экстремизма осуществляется в политической сфере и связана с достижением конкретных политических целей, что, на наш взгляд, позволяет говорить об экстремизме как о сугубо политическом явлении. О политическом характере экстремизма свидетельствует не только применение нелегитимного политического насилия (терроризм, партизанская война, репрессии против инакомыслящих и т.д.), но и экстремистская идеология, обосновывающая достижение определенных политических целей (свержение конституционного строя, ликвидация политических противников и т.д.). Но, вместе с тем, экстремизм включает и религиозные догмы, культурные стереотипы, формы массового искусства и т.п.

3. Исследование природы экстремизма позволяет предположить, что его происхождение связано с критическими, чрезвычайными, экстремальными ситуациями, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Поэтому политический экстремизм является в принципе естественной и самопроизвольной реакцией социальных субъектов на чрезвычайные ситуации, хотя эта реакция, по своей сути, носит агрессивный характер, в силу чего, политический экстремизм не разрешает экстремальной ситуации, а, скорее, усугубляет ее. В каждом конкретном случае проявлений политического экстремизма нужно выяснить специфические особенности чрезвычайной ситуации, реакцией на которую и становится данный экстремизм. Таким образом, политический экстремизм – это радикальный, идеологически (идейно и ценностно) обоснованный вид политической деятельности определенных социальных субъектов, поставленных в критические, чрезвычайные условия существования и использующих нелегитимные противоправные формы политического насилия для коренного изменения сложившейся ситуации.

4. Понимание сущности политического экстремизма как развивающегося явления позволяет систематизировать специфические (социально-

экономические, политические, идеологические) и дополнительные (религиозные, культурные, психологические) факторы, порождающие экстремистскую деятельность в политической сфере в различные исторические эпохи.

Глава 2. Идеология политического экстремизма

2. 1 Особенности экстремистской идеологии

Для политической жизни современного общества характерно многообразие идей, взглядов, убеждений, верований. Они имеют большое значение, но не сами по себе, а в связи с теми действиями людей, которые направлены на достижение определенных политических целей. Речь идет о формировании политического сознания, важным элементом которого выступает политическая идеология.

В тоже время следует отметить, что в процессе взаимодействия идеологии с политикой теоретические концепции способствуют обоснованию принимаемых политических решений и действий, а практические оценки политических событий и явлений влияют на идеологические постулаты. Таким образом, идеология обосновывает целесообразность политических решений и действий, а политика выдвигает перед идеологией практические задачи, требующие идеологического осмысления.

Будучи системой верований, убеждений, взглядов, идеология отражает общественно-политическую реальность через призму интересов больших социальных групп, прежде всего классов. А это предполагает познание и осознание этих интересов, разработку программных целей и средств их достижения. Следовательно, идеология представляет собой систему идей, теорий, концепций, отражающих общественное бытие через призму интересов и целей определенной социальной общности; совокупность по преимуществу систематизированных представлений той или иной группы

граждан, выражающую и призванную защищать их интересы и цели с помощью политической власти или воздействия на нее.

Вместе с тем идеология – ценностная система, выражающая отношение к существующим общественным порядкам, обосновывающая политические идеалы, принципы, цели, образцы поведения. Оценка социальной реальности, что означает ее соотнесение с политическими потребностями и интересами, идеалами и принципами, – важнейшая функция идеологии. Оценивая реалии, деятельность политических субъектов, ее результаты и последствия, идеология обретает регулятивно-ориентирующую силу. Она направляет практические действия в рамки целей, приемлемых в первую очередь для господствующих в обществе социальных групп и, по крайней мере, не отвергаемых большинством других слоев. Ее предназначение состоит еще и в том, что идеология внедряет в массовое сознание соответствующие критерии оценки настоящего и будущего развития общества.

Идеология, представляя собой интеллектуальную, духовную основу политической деятельности, соединяет в себе набор концептуальных воззрений на политическую жизнь общества, с помощью которого человек или группа оценивает действительные властные отношения. Кроме того, политическая идеология являет собой обоснование необходимости достижения власти, способов и средств использования власти в необходимом для группы направлении. Поэтому идеология выступает инструментом, при помощи которого социальная группа представляет свои властные интересы и мировоззренческие положения на политической арене, а также привлекает широкие слои населения к действиям в соответствии со своими целями.

В то же время идеология должна осуществлять двухстороннюю связь между властью и массами, особенно в тех обществах, где присутствуют институты представительной демократии, т.е. сформирована сфера публичной политики. Причем политическим деятелям необходимо формулировать свои предложения на рациональном языке той или иной

идеологической доктрины, которая, в свою очередь, давала массе своих приверженцев рациональную картину общества, истории, а также мира в целом. Хотя картина эта и получалась достаточно огрубленной и тенденциозной, но, главное, она рациональна и обязательна для политиков в качестве руководящего критерия в их деятельности.

Поэтому с помощью идеологии те или иные политические силы обосновывают свои цели и подбирают средства для их реализации. Идеология питает мотивационную базу коллективных политических действий и поведения. Она, по мнению А. Грамши, служит тому, чтобы «пробудить в народе и организовать коллективную волю».[120]

Эффективность политической идеологии во многом зависит от степени соответствия ее положений политическим представлениям образного характера, присущим большинству населения страны. Это значит, что влияние (приятие массами) той или иной политической идеологии тем выше, чем больше ее установки и образы близки массовому сознанию. То есть, в идеале, образы, предложенные политической идеологией, должны совпадать с образами, издавна существующими в толще народных масс. Если это условие выполняется, тогда идеология приобретает по-настоящему общенародный характер.

Вместе с тем, необходимо отметить, что претендуя на общенародный характер, идеология, в тоже время, нередко маскирует и мистифицирует подлинные интересы и цели господствующих групп, элит. На эту функцию идеологии в свое время обратил внимание немецкий социолог К. Мангейм. О том, что идеология – это одностороннее, социально-заинтересованное отражение действительности писали К. Маркс и Ф. Энгельс, называя политическую идеологию «иллюзорным», «ложным сознанием». Поскольку в социально-классовой направленности мышления заложена тенденция к одностороннему, частичному отражению действительности и стремлении выдать эту часть, сторону образа действительности за целое, за наиболее

---

[120] Грамши А. Избранные произведения. М., 1957. В 3 т. Т. 3. С. 112.

полную ее картину. Однако, это, конечно, не означает, что абсолютно все выдвигаемые идеологией цели иллюзорны или лицемерны, просто такова специфика выполнения идеологией своих главных задач и функций.

Выражая интересы определенных социальных групп, политические идеологии нацелены на объединение общества в целом. Однако поскольку в социально-структурированном обществе существуют различные социальные группы и классы, интересы которых не совпадают, постольку в нем постоянно происходит идеологическая борьба. А одна из важнейших задач идеологической борьбы состоит в том, чтобы особым интересам господствующих групп и классов придать форму всеобщего интереса и тем самым внедрить в сознание людей идею общности интересов всех классов и социальных групп данного общества.

Следовательно, всякий господствующий класс объявляет неизменными те учреждения, идеи и ценности, которые, по его мнению, наиболее значимы для данного строя и стремится навязать эти представления всему обществу. Поэтому идеология предполагает борьбу за единство мировоззрения и ценностных установок, а также экспансию – навязывание этого мировоззрения (ценностных установок) с помощью социальных институтов.

Кроме того, любая идеология как собственно и политика, выстраивается на основе противопоставления устойчивых архетипов «свой», «чужой», во все времена присущих массовому сознанию.

Архетип «чужой» – это прообраз, который сопровождает человечество с первобытных времен. У примитивных сообществ он наделялся таинственными сверхъестественными силами, его следовало опасаться, поскольку «чужой» выступал в качестве некоего представителя враждебных сил, окружающих человека. С тех пор он неотвязно преследует людей в разных жизненных ситуациях, олицетворяя угрозу, разрушение и смерть. «Чужой» – это представитель другой страны, нации, расы, класса, религии, убеждений, традиций и т.д. То есть, «чужой» – это человек другой социальной общности.

«Чужой» существует потому, что есть «свои». Принадлежность к «своим», определяется через «свою» культуру, ее традиции, ценности, идеалы. В массовом сознании «чужому» приписываются мистические, враждебные, губительные для окружающих свойства, а также стремление достичь желаемого любыми средствами и любой ценой.

Поэтому корни ксенофобии, агрессии, применения насилия на почве расовой, религиозной, национальной вражды и ненависти носят архетипический характер. Здесь срабатывает установка на то, что «чужой» – человек, пришедший из другого мира, культуры, сообщества и способный разрушить «наш» мир, культуру, государство и т.д. Но, в тоже время, как физическое тело он вполне реален, а вот олицетворяемая им угроза – только виртуальна. Виртуальный «чужой» угрожает нашей свободе, одухотворенности, спокойствию нашей души. И этим может вызывать, в зависимости от ситуации, сильные эмоции и внутреннее напряжение. Все действия «чужого», как и возможные его намерения, помыслы, носят архетипический характер.

Использование архетипа «чужой» позволяет сформировать образ «врага», который олицетворяет угрозу не только для конкретного индивида, но и для группы, с которой человек себя идентифицирует, а также для органов власти, выступающих в защиту индивида. То есть здесь главной психологической угрозой, которую олицетворяет образ «врага», выступает его способность разрушить привычную среду для индивида, уничтожить ее ценности, т.е. лишить индивида возможности идентифицировать себя с ней. Такая «потенциальная угроза» вызывает взрыв негативных эмоций и стремление к использованию насильственных действий для снятия этой «угрозы».

В силу чего при абсолютизации противостояния «наши» – «враги» и стремлении все общественные катаклизмы объяснить враждебными происками представителей других рас, наций, религий, классов, а также в кризисных ситуациях различные идеологии приобретают радикальные черты.

Причем радикальность такой идеологии проявляется в обосновании решительных действий по разрешению сложившейся ситуации. Радикальность здесь выступает как стремление к решительным, но не крайним (не связанным с насилием) действиям.

Тогда как экстремистским действие становится, когда оно идейно и ценностно обосновано, и связано с осуществлением насильственных (крайних) действий. Поэтому любая идейная радикальность в чрезвычайных условиях может трансформироваться в экстремистскую идеологию, порожденную приверженностью к актам политического насилия.

Мы не используем термин «радикальная идеология», поскольку считаем, что в отличие от понятий, характеризующих те или иные части идеологического спектра, как, например, «консерватизм», «либерализм», «социализм», понятие «радикализм» — ситуационно-контекстуальное. Оно фиксирует не определенность политической основы, а определенность позиции — «левый» или «правый» предел в рамках существующего политического спектра. Поскольку этот предел изменчив, то, с одной стороны, в разных исторических условиях в одной и той же позиции могут оказаться различные по своему содержанию идейные структуры, с другой стороны, одна и та же структура может иметь в рамках различных позиций неодинаковые значения, в том числе и радикальные. В итоге радикальность конкретной идейной структуры может быть определена только с помощью соотнесения ее с другими компонентами идеологического спектра.

Вместе с тем, в определенных исторических обстоятельствах, радикальность убеждений в совокупности с использованием политического насилия способствуют появлению политического экстремизма как идеологически обоснованной деятельности определенных социальных субъектов. Поэтому экстремистская деятельность, в отличие от проявлений радикальности, всегда связана с применением нелегитимного насилия для достижения политических целей. Таким образом, политический экстремизм, как правило, мотивирован идеологически, иначе он был бы обычной формой

деструктивной агрессии. Следовательно, необходимо выявить специфические черты экстремистской идеологии.

Как уже говорилось, политический экстремизм является реакцией определенных социальных субъектов на ухудшение их положения в результате обострения сложившейся исторической ситуации. В этих условиях экстремистская группа (организация, партия и т.п.) ищет выход из критической ситуации в попытке ее преобразования на основе осуществления нелегитимного насилия с целью существенного улучшения статуса определенной социальной общности (интересы которой эта экстремистская организация отстаивает или претендует на это). В связи с чем, базовым элементом деятельности подобной группы (организации, партии) выступает экстремистская идеология, выполняющая функцию обоснования применения нелегитимного насилия.

В современной науке еще не сложился четкий взгляд на проблему определения сущности экстремистской идеологии. Некоторые исследователи политического экстремизма, например В.С. Мартьянов, или вообще отрицают наличие экстремистской идеологии, утверждая, что «не может быть отдельно существующего экстремистского политического мышления или экстремистской идеологии».[121] Или, пытаясь определить сущность экстремистской идеологии, просто указывают на некоторые определенные идеи, которые можно представить в качестве общих критериев экстремизма. В качестве таких критериев обычно предлагаются идеи социального, расового, национального неравенства, идеи терроризма, фашизма, фундаментализма, геноцида и т.д.[122]

Нередко не раскрывая понятия «экстремистская идеология», отдельные авторы сводят данную идеологию к различным проявлениям деятельности: «экстремисты пытаются апеллировать к каким-либо известным идеологическим или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное»

---

[121] Мартьянов В.С. Умножение зла добром // Свободная мысль. 2008. № 5. С. 84.
[122] Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2000. № 2. С. 111.

или «углубленное» толкование того или иного учения (религиозного, политического и т.д.), пытаются обосновать свою деятельность на основе эмоциональных способов воздействия в процессе пропаганды экстремистских идей, обращения к чувствам и предрассудкам людей, а не к их разуму».[123]

Поверхностным нам кажется подход, который описывает лишь внешние, формальные признаки экстремистской идеологии. Так, например, В.А.Бурковская дает следующее определение экстремистской идеологии: «Идеология становится экстремизмом, если ее характеризуют следующие признаки: 1) «однозначное» объяснение проблем существующего мира и предложение таких же «простых и обязательно помогающих» способов решения проблем; 2) разделение бытия на «абсолютное добро» и «абсолютное зло», причем злом признается фактически все, что не вписывается в данную систему; 3) гиперболизация одной проблемы, придание ей доминирующего положения, несоответствующего принятой в обществе иерархии ценностей; 4) игнорирование, нивелирование других ценностей и норм».[124]

На наш взгляд, для выяснения сущности экстремистской идеологии необходимо, прежде всего, остановиться на проблеме ее становления. Условиями для появления экстремистской идеологии, по нашему мнению, служат непримиримые противоречия между различными социальными группами, а также когда существование отдельных таких групп резко ухудшается или оказывается вообще под угрозой уничтожения. Поэтому экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических условиях может принять любая идеология (любой социальной группы), правая или левая, буржуазная, мелкобуржуазная или пролетарская и т.д. Однако возникновение экстремистской идеологии всегда связано с отсутствием стремления к поиску компромисса между конфликтующими сторонами.

---

[123] Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе. Махачкала, 1999. С. 35; Грачев А.С. Политический экстремизм. М., 1986. С. 105.

[124] Бурковская В.А. Криминальный религиозный экстремизм в современной России. М., 2005. С. 15.

Иными словами, экстремистская идеология обосновывает необходимость применения нелегитимного насилия как единственно оставшегося средства исправления сложившейся ситуации. Тогда как возможность заключения компромисса между враждующими сторонами отрицается полностью. Таким образом, экстремистская идеология является бескомпромиссной и не имеет умеренных форм.

Становление экстремистской идеологии, по нашему мнению, может происходить двумя путями: во-первых, путем трансформации радикальных идей (приобретение экстремистских черт) и, во-вторых, путем создания «новой» экстремистской идеологии на основе идеологической эклектики с привлечением различного рода идей, теорий, учений.

В первом случае для того, чтобы представить формирование экстремистской идеологии, нам необходимо обратиться к структуре идеологии. В идеологии, как правило, выделяют три уровня: «Теоретико-концептуальный. На этом уровне формируются основные положения политической теории, обосновываются определенные ценности и идеалы, которые лежат в основе предлагаемого типа общественного устройства. Программно-директивный. На этом уровне социально-философские принципы и идеалы переводятся в конкретные политические программы, лозунги и требования политических элит, политических партий, формируя, таким образом, стратегию и тактику политической борьбы по отношению к солидарным или враждебным классам и социальным группам. Поведенческий. Внедрение в общественное сознание определенных идеологических установок в виде программ, лозунгов и требований приводит к определенному типу политического поведения».[125]

По нашему мнению, любая идеология, в первую очередь, выступающая с позиций радикализма, при определенных исторических условиях, особенно если эти условия связаны с чрезвычайной критической ситуацией для какой-

---

[125] Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие / Под ред. Дибирова А.З. Махачкала. 2009. С. 353.

либо социальной группы (например, вопрос о ее дальнейшем существовании) приобретает экстремистские черты (призывы к осуществлению насилия). Соответственно, процесс проявления данных экстремистских черт связан, в основном, с поведенческим уровнем идеологии. Именно в условиях общественной нестабильности, системного кризиса, чрезвычайных ситуаций происходит трансформация радикальных идеологических установок, которые теперь связываются исключительно с применением насилия; «вбрасывание» их в массовое сознание в виде лозунгов, призывов, требований, что в итоге приводит к формированию определенного типа поведения, которое проявляется через экстремистскую деятельность.

Например, партия большевиков совершила Октябрьскую революцию под леворадикальными лозунгами (такие же лозунги имели левые эсеры и анархисты). Но в условиях контрреволюционных заговоров, роста преступности, формирования очагов Гражданской войны, наметившейся интервенции идеологические установки большевиков еще более радикализуются и в виде лозунгов и призывов к осуществлению насилия против контрреволюции (против всех, кто не с нами) вносятся в массовое сознание, проявляясь, таким образом, как обоснование экстремистской деятельности. Это нашло свое отражение в полномочиях ВЧК на внесудебное вынесение приговоров, деятельности всевозможных ревтрибуналов, политике расказачивания и комбедов, практике «красного террора» и т.д.

В современной России трансформацию от идейной радикальности до экстремистской идеологии прошла такая националистическая организация, как движение «Русское национальное единство» (РНЕ). Вначале 1990-х гг. РНЕ строилось на радикальных основаниях (теория Национальной революции, территориально-пропорциональное представительство русского народа во всех органах власти, унитарное государство, кардинальные реформы в армии, промышленности, культуре и т.д.) без призывов к насилию и без его применения против политических противников, органов власти, представителей других социальных групп.

Однако конституционный кризис 1993 г. (участие в боевых столкновениях приняли отдельные соратники РНЕ), «шоковая терапия» либеральных реформ, обнищание значительной части населения, рост безработицы и депрессивности в обществе привели не только к радикализации массового сознания, но и к проявлениям в деятельности региональных организаций РНЕ экстремистских форм. Данный процесс выразился в попытке внедрения в массовое сознание функционерами РНЕ экстремистских идеологических установок (призывы к разжиганию национальной, расовой и религиозной розни, угрозы в отношении конкретных представителей органов власти и т.д.).

Причем процесс трансформации идеологии РНЕ в середине 1990-х гг. активно проводился региональными структурами РНЕ при довольно сдержанной, порой невнятной позиции центрального руководства и лично А.П. Баркашова. Проявления экстремизма в деятельности РНЕ будут рассмотрены в следующей главе нашего исследования. Здесь же необходимо отметить, что практически к 1998 – 1999 гг. идеология РНЕ приобрела экстремистский характер, поскольку реализация базовых установок движения связывалась теперь исключительно с применением политического насилия (особенно это ярко проявилось в деятельности региональных организаций РНЕ).

Вместе с тем формирование экстремистской идеологии не является прерогативой только радикально настроенной политической оппозиции. Поскольку экстремистские черты может приобрести любая идеология, даже в определенный момент официальная, государственная, присущая правящей партии или режиму. Это связано с определенными историческими условиями, а именно со сложившейся критической ситуацией для определенной правящей группы. В условиях, когда удержание власти данной группой ставится под вопрос, противостояние в обществе нарастает, оппозиция переходит к вооруженному провоцированию конфликта, правящий режим может прибегнуть к применению нелегитимного насилия

(террор проправительственных структур, необоснованные репрессии и т.д.) для подавления политической оппозиции. Причем применение насилия, в этом виде, может обосновываться идеологическими установками, приобретающими явные экстремистские черты.

Например, в СССР в 1930-е гг. борьба против политической оппозиции (левый и правый уклон) приобрела экстремистский характер (приговоры «троек», ускоренное судопроизводство, разнарядки по числу лиц, подлежащих репрессии по 1-й и 2-й категории, произвол следователей НКВД и т.п.). Что характерно, и официальная идеология (марксизм-ленинизм), занимавшая, естественно, консервативные позиции по отношению к правящему строю в СССР, в этих условиях приобрела ярко выраженные экстремистские черты. Достаточно взять тезис И.В. Сталина о нарастании классовой борьбы по мере движения к социализму или те идеологические установки (лозунги и призывы), что внедрялись в массовое сознание: «Смерть троцкистско-бухаринским пособникам фашизма!», «Смерть врагам народа!» и т.д. Естественно, что для отдельных представителей правящей группы, сплотившихся вокруг И. Сталина и видевших реальную угрозу своему положению и вообще дальнейшему существованию в случае проигрыша в противостоянии с оппозицией, экстремизм явился действенным средством разрешения назревшего политического конфликта.

Таким образом, в целом, можно предположить, что в период обострения борьбы за власть, общественной нестабильности, чрезвычайной ситуации любая идеология может приобрести экстремистские черты (декларируемые цели, лозунги, призывы). Причем базовые уровни идеологии (теоретико-концептуальный и программно-директивный) могут остаться без особых изменений, но на поведенческом уровне будут доминировать внедряемые в массовое сознание идеологические установки, обосновывающие применение нелегитимного политического насилия и способствующие, таким образом, появлению и развитию экстремистской деятельности. Следовательно, дальнейшая трансформация идеологических

установок приводит последователей той или иной идеологии к убеждению, что достижение поставленной политической цели (завоевание или удержание власти, борьба за дальнейшее существование и т.д.) возможно лишь и только благодаря применению нелегитимного насилия (апологетика насилия).

Второй путь связан с созданием экстремистской идеологии, что называется «с чистого листа», когда идеологи, пытаясь привлечь разнообразные теории, учения, идеи, формируют некую идеологическую конструкцию, призванную обосновать применение ничем не ограниченного насилия для достижения поставленной политической цели.

На наш взгляд, процесс формирования экстремистской идеологии связан со своеобразной идеологической эклектикой. Согласно Толковому словарю русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: «Эклектизм» (эклектика) – неорганическое, чисто внешнее соединение внутренне несоединимых взглядов, точек зрения, методов».[126] Для вновь создаваемой экстремистской идеологии, как правило, нехарактерна системность изложения теоретических идей и взглядов. Здесь важна «действенность» идеологии, возможность использования различных идей, теорий, учений для обоснования применяемых средств и методов достижения цели.

Например, подобной эклектикой отличалась идеология такой известной западногерманской экстремистской организации, как РАФ (Фракция Красной Армии). Так, на формирование идеологии РАФ оказали значительное влияние как марксистская теория, развитая в трудах В.И. Ленина, так и теоретические конструкции «новых левых», а также программы революционной борьбы движений «третьего мира».

Первоначально идеологи РАФ пытались следовать классическому ленинскому положению о сочетании легальной и нелегальной борьбы. Однако, как считает исследователь западноевропейских леворадикальных течений И.Л. Морозов: «В ФРГ сочетание легальной и нелегальной работы

---

[126] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 8000 слов и фразеологических выражений. М., 1995. С. 894.

оказалось невозможным, так как все оппозиционные политические и социальные организации находились под жестким контролем полиции, и поэтому любая попытка контакта с такими организациями вела к раскрытию и провалу».[127] Вместе с тем, из марксистско-ленинского наследия были заимствованы идеи о сущности капиталистической системы, классовой борьбе, социалистической революции, пролетариате, как движущей силе революционных преобразований.

Отказавшись от легальных форм борьбы, той же агитации и пропаганды среди немецкого пролетариата, теоретики РАФ (У. Майнхоф, Х. Малер) обратились к идеям К. Маригеллы (концепция городской герильи), Р. Дебре, Э. Че Гевары, Мао Цзэдуна и др. Именно они привнесли установку на примат вооруженной борьбы, недооценку объективных условий революционной ситуации, убежденность в непреодолимо глубоком кризисе капиталистической системы. Так, идея о необходимости революционного насилия была заимствована идеологами РАФ у Р. Дебре, который считал, что в современных условиях революционное насилие будет играть роль образования и пропаганды, а вооруженные революционеры – роль авангардной пролетарской партии. Так же Р. Дебре была разработана теория «революционного очага» как партизанской базы, в которой революционеры могли бы закрепиться и которую затем могли бы использовать для расширения своего влияния в регионе.[128] Подобного рода идеи можно обнаружить в работах Мао Цзэдуна и Э. Че Гевары. Таким образом, идея революционного насилия прочно вошла в идеологический арсенал западногерманской РАФ.

Вместе с тем У. Майнхоф указывала на допустимость и целесообразность включения в идеологическую платформу РАФ отдельных компонентов из наследия не только радикально-революционных учений стран «третьего мира», но и таких экстремистских организаций, как «Черные

---

[127] Морозов И.Л. Политический экстремизм – леворадикальные течения. Волжский, 2002. С. 31.
[128] Debrey R. La critique des armies. P., 1974. P. 21.

пантеры» (США), призывавших к систематическому уничтожению (терроризм) сотрудников полиции, спецслужб, органов государственной власти.[129]

Помимо этого, для создания идеологии РАФ, заимствования осуществлялись из различных теоретических разработок «новых левых». Так, например, большинство объединений «новых левых» в организации своей деятельности исходит из принципа «репрессивной толерантности» (понятие введено Г. Маркузе). Суть принципа в том, что современное буржуазное государство терпит и поощряет любую оппозицию, если она прямо не угрожает основам капиталистической системы, но та оппозиция, которая представляет опасность, будет жестко подавляться репрессивными методами. Отсюда стремление представителей РАФ выйти за рамки «правил игры», попробовать испытать систему на прочность, и если система отвечает репрессиями, значит, организация идет по правильному пути разрушения буржуазного общества.

Кроме того, определенное влияние анархистских идей (взгляды М.А. Бакунина) в идеологии РАФ отмечает И.Л. Морозов, утверждая, что «так называемая Фракция Красной Армии (РАФ) позаимствовала негативные стороны бакунизма (криминал как форма «классовой» борьбы) и соединила эту «теорию» с другими мелкобуржуазными концепциями».[130] По мнению данного исследователя: «Их деятельность является обратной стороной всех форм усиливающейся преступности в империалистических странах. Они принадлежат к формированиям, не имеющим отношения к рабочему движению и настоящей борьбе за социальный прогресс».[131] Действительно, деятельность группы Баадера – Майнхоф началась вполне криминально с поджога двух универмагов в апреле 1969 г. во Франкфурте-на-Майне и лишь немного позже А. Баадер, Х. Малер, У. Майнхоф и другие объединились в экстремистскую организацию «Фракция Красной Армии» (РАФ).

---

[129] Мяло К. На путях бунта // Иностранная литература. 1984. № 3. С. 203.
[130] Морозов И.Л. Указ. соч. С. 15.
[131] Там же.

Таким образом, можно отметить, что формирование идеологической платформы западногерманской левоэкстремистской организации РАФ пошло по второму пути, связанному с созданием уже изначально экстремистской теоретической конструкции, призванной на основе своеобразной идеологической эклектики обосновать невозможность ведения легальной политической борьбы и поэтому необходимость применения нелегитимного насилия.

Несмотря на различные пути формирования, любой экстремистской идеологии присущи характерные особенности (черты), позволяющие ее идентифицировать именно как экстремистскую идеологию:

1) Наличие идей социального, национального, расового и религиозного неравенства, выраженных в форме четких установок, провозглашающих и закрепляющих в соответствующих программных документах убеждение, что только представители данной социальной группы (класс, раса, нация, конфессия и т.п.) имеют право на достойное существование, управление государством, определение пути развития общества, тогда как другие социальные группы подлежат ограничению в правах и свободах, безграничной эксплуатации, насильственному подавлению или геноциду. Причем данные идеи социального, национального, расового и религиозного неравенства должны провозглашаться публично с использованием нетолько собственных агитационных материалов, но и других средств массовой информации.

2) Провозглашение и навязывание всему обществу такой формы общественного устройства, в которой за счет и в ущерб интересам всех других социальных групп, наиболее полно реализованы интересы данной социальной группы. Причем нередко этот общественный идеал подвергается определенной мифологизации. Безусловно, любая идеология, так или иначе, мифологизирует социальную действительность, предлагая свой вариант строительства идеального общества. Но у экстремистских организаций мифология играет особую роль в создании определенного общественного

идеала. Так, для многих экстремистских группировок характерно стремление повернуть общество к некоему «идеальному состоянию», той или иной иллюзорной реальности (например, восстановить дореволюционную Россию, возродить прежний СССР, построить «новый» Третий Рейх, воссоздать Халифат периода праведных халифов и т.п.). В результате социальная реальность приобретает искаженные, утопические очертания. Вместе с тем, необходимо учитывать, что провозглашение того или иного, пусть даже особо утопического общественного идеала еще не свидетельствует о формировании экстремистской идеологии. Но если основным средством навязывания такого идеала выступает осуществляемое той или иной группировкой политическое насилие, то вполне можно говорить о наличии экстремистской идеологии.

3) Преобладание деструктивных задач по разрушению враждебного мира над конструктивными задачами в программе преобразовательных действий. Особенностью любой экстремистской идеологии является доминирование критической части над позитивной. Причем критическая часть, связанная с оценкой существующей социальной реальности, нетолько определяет ее как чрезвычайную для данной социальной группы, но и напрямую увязывает ее разрешение с единственно действенным средством – применением правоотрицающего политического воздействия. Неслучайно экстремистская идеология всегда реализуется через определенное действие (насилие) и без него, по всей видимости, существовать не может.

4) Присутствие в идеологических построениях своеобразной теоретической эклектики. Нередко та или иная экстремистская идеология базируется на интеллектуальных положениях, заимствованных из теоретических построений разных мыслителей, но редуцированных до примитивного уровня. Использование этих положений всегда выборочно, эклектично и упрощено до примитивного значения. Это предполагает и достаточно упрощенную форму изложения, в которой отсутствуют строгая логика, последовательные доказательства, развернутое теоретическое изложение и

обоснование. Следовательно, для экстремистской идеологии большое значение играет не строгая теоретическая конструкция, а набор разного рода идей, положений, догм, которые в довольно упрощенной форме обосновывают ту или иную политическую цель и необходимость использования незаконного давления и принуждения для достижения данной цели.

5) На поведенческом уровне устойчивая ориентация на применение насилия в различных его формах: прямое физическое воздействие, уничтожение или повреждение материальных объектов в политических целях, морально-психологическое давление и принуждение. Отсюда оправдание ничем неограниченного насилия и призывы к его использованию.

Так, любая экстремистская организация, определив «врага», призывает к его ликвидации, уничтожению. Уничтожение врага, во-первых, выступает средством объединения и сплочения группы, во-вторых, позволяет индивиду-неудачнику, уничтожая других, иллюзорно устранить собственные недостатки, потому что именно страх собственного несовершенства заставляет человека так страстно ненавидеть его в других. Именно поэтому для экстремистов, террористов, религиозных фанатиков нет, и не может быть невиновных, жертвы виновны уже потому, что они не соответствуют неким высшим идеалам. Следовательно, допустить возможность существования обозначенных жертв, значит подвергнуть сомнению собственную идеальность и ценности группы, с которой экстремист себя идентифицирует. Поэтому призывы к насилию над врагами, политическими оппонентами, недовольными, представителями других конфессий являются визитной карточкой любой экстремистской организации.

Кроме того, деятельность любой экстремистской организации выходит за рамки правового поля и поэтому сопряжена с использованием насильственных способов борьбы. Экстремисты уже на стадии подготовки своих действий осознают, что умышленно посягают на конституционные

права и свободы граждан, оправдывая свои акции некими «высшими идеалами», над которыми никакие человеческие законы невластны.

В тоже время, некоторые исследователи, выделяя особенности экстремистской идеологии, полагают, что «на уровне оценки существующей социальной реальности преобладает примитивная биполярная система оценки, деление на своих и чужих, на добро и зло …».[132] На наш взгляд, подобное деление на своих и чужих свойственно в той или иной степени политической деятельности вообще, как и противопоставление «добро – зло» характерно для абсолютно любой идеологии, тем более, если она стоит на радикальных позициях, представляя собой некую систему оценок по типу «хорошо – плохо».

Таким образом, экстремистская идеология – это своеобразная теоретическая конструкция, обосновывающая способы (различные формы насилия) преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее оппонентов в ходе критически сложившейся исторической ситуации. В силу чего, экстремизм выступает как агрессивная форма разрешения исторически сложившегося нестерпимого положения определенной социальной группы.

Вместе с тем, по нашему мнению, экстремистская идеология обосновывает закономерную, исторически обусловленную, но деструктивную реакцию представителей той или иной социальной группы на сложившееся критическое положение, связанное с дальнейшим ее существованием, выживанием или самосохранением. Деструктивность этой реакции проявляется в том, что, во-первых, эта реакция протекает в агрессивных, непримиримых формах и, во-вторых, в том, что представители данной социальной группы пытаются отстоять свои интересы только с помощью использования правоотрицающего политического воздействия.

---

[132] Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие / Под рук. Дибирова А.З. Махачкала. 2009. С. 358.

Следует отметить, что экстремистская идеология, выступая духовной основой политического экстремизма, проявляется в правых и левых разновидностях.

2. 2 Идеология правого экстремизма

Начиная с 1960-х гг. во многих европейских странах активно действуют общественные организации и группы сторонников правоэкстремистских взглядов. В политическом плане правый экстремизм отрицает существующие легитимные структуры и институты, стремится к разрушению стабильности в обществе, пропагандирует авторитарную политическую систему, представляющую собой единый сплав государства этнически, расово и конфессионально гомогенного народа. Идеологи экстремистских организаций отрицают демократию с ее системой свободных выборов, существованием политической оппозиции. Господство тотальной идеологии, отражающей систему взглядов правых экстремистов, искоренение всякого инакомыслия и свободы слова представляются им идеальным порядком в обществе. Правые экстремисты отстаивают, в основном, интересы привилегированных слоев общества и, в отличие от левых, выступают за сохранение частной собственности. На Европейском континенте правые экстремисты особенно активны в ФРГ, Италии, Франции, Австрии, Нидерландах, Норвегии, Украине, Прибалтике, а также в России.

Вместе с тем, на наш взгляд, существуют две основные проблемы, связанные с исследованием идеологии правоэкстремистских организаций. Во-первых, определенную сложность на практике представляет проблема разграничения праворадикальных и правоэкстремистских организаций именно в идеологическом аспекте. В данном случае и те и другие организации занимают радикальные позиции по отношению к современной либерально-демократической системе, но риторика праворадикальной

организации напрямую не связана с необходимостью применения насилия для достижения поставленной цели.

Тогда как правоэкстремистские организации в своих программных документах нередко напрямую связывают свои мировоззренческие установки с необходимостью использования политического насилия. Например, в одном из программных документов общественной организации «Национал-социалистическое общество» (НСО) прямо провозглашаются идеи социального расизма по отношению к определенным социальным группам: «Национал-социализм – это ставка на сильного и предоставление максимальной свободы сильному. Все эти – старики должны быть немедленно перемещены в специально оборудованные поселки для компактного проживания. Такое положение вещей, безусловно, сложно назвать счастливой старостью…».[133] Естественно, идеологи НСО понимали, что вряд ли найдутся желающие добровольно переехать в своеобразные гетто или резервации и поэтому сделали ставку на необходимость использования насильственных действий.

Во-вторых, проблема самоидентификации правоэкстремистских организаций. Дело в том, что название «правоэкстремистская организация» или «правоэкстремистская идеология» носит искусственный характер и необходимо для конкретизации исследуемого объекта, тогда как сами экстремистские организации не используют его в качестве самоназвания. Поэтому идеологи или лидеры правоэкстремистских организаций не соглашаются с теми интерпретациями их идейных установок, которые предлагают исследователи и предпочитают утверждать, что их организации придерживаются подлинно консервативного, национально-патриотического или даже социалистического мировоззрения. Отсюда у исследователей отсутствует возможность сослаться на партию с гипотетическим названием «Правоэкстремистская партия» или «Партия правого экстремизма» и на

[133] Румянцев Д. Национал-социалистическое государство // Корпус. 2006. 24 февраля. С. 17.

основе анализа ее программных документов предложить типообразующее определение идеологии правого экстремизма.

Кроме того, несмотря на то, что в современном мире правые экстремисты выступают преимущественно с радикальных позиций, направляя свои действия против демократических режимов, это не отменяет того положения, что в определенные исторические периоды правый экстремизм приобретает консервативно-охранительный характер. Например, такой характер имел правый экстремизм в России вначале XX в., проявившийся в деятельности различных черносотенных организаций, таких как «Союз русского народа», «Русское собрание», «Русский народный союз имени Михаила Архангела» и т.д.

Консервативно-охранительный экстремизм на уровне программы социальной деятельности предлагает не коренное преобразование общества, а такое, которое бы так модифицировало существующее общество, чтобы в нем сохранялась та или иная социальная группа, как правило, господствующая (обладающая властью и привилегиями) и наиболее полно реализовались ее интересы. То есть выход из чрезвычайной исторической ситуации подобный экстремизм ищет в попытке консервативного ее преобразования к прежнему докризисному положению, но с явным улучшением статуса данной социальной группы.

Вместе с тем, по нашему мнению, диалектика развития правого экстремизма проявляется в том, что выступая с радикальных позиций против сложившейся либерально-демократической системы, преобразовывать ее представители данного экстремизма предлагают на основе консервативных идеалов и ценностей. Так, в современной России сторонники правого экстремизма нередко используют самоназвание «национал-патриоты», как бы манифестируя этим, что возрождение страны подразумевается исключительно силами русской нации, за счет мобилизации собственных ресурсов и утверждения консервативных ценностей.

Неслучайно в риторике российских правых экстремистов присутствует термин «консервативная революция», под которым, как правило, понимается осуществление русской национальной революции с целью возрождения России на основе консервативных ценностей и идеалов (установление монархии или русской республики, придание государственного статуса православию и т.д.). Однако, по мнению А. Умланда: «Конструкция «консервативная революция» выглядит пустой, поскольку оба ее элемента по определению имеют относительное, ситуационное, несущностное значение. Консерватор по определению – антиреволюционер, а революционер – антиконсерватор».[134] По нашему мнению, термин «консервативная революция» как раз и подчеркивает в идеологическом аспекте своеобразие развития правого экстремизма, выразившееся в стремлении экстремистов к революционному преобразованию общества, но на основе традиционных ценностей.

Концепция «консервативной революции» чрезвычайно важна для понимания идеологии правого экстремизма, поскольку многие идеи представителей данного течения были заимствованы идеологами различных правоэкстремистских организаций (например, немецкими национал-социалистами). Одним из идеологов «консервативной революции» был Меллер ван дер Брук, пытавшийся обосновать революцию философией иррационализма и утверждающий: «Консервативное мышление видит во всех человеческих отношениях вечное возвращение.… То, что прошло, скоро наступит, скоро вернется, прорвется снова и снова, ибо оно дано от природы, заложено в человеке. Поэтому в отличие от реакционера «революционный консерватор» живет сознанием вечности…. Он видит мир не таким, каков он есть, а таким, каким он будет вечно. Он знает, что исторический мир – это мир размеренный, вечно возвращающийся. Будучи революционером, он

---

[134] Умланд А. «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? // Русский национализм в политическом пространстве / Сост. М. Ларюэль. М., 2007. С. 73.

ищет новых начал; будучи консерватором, он настаивает на возвращении к традиции».[135]

Идеалом «консервативной революции» у Меллера ван дер Брука выступало прямое воскрешение прошлого, возврат к могучему германскому первому рейху, минуя опозорившийся второй. В его теории время движется по кругу, и поэтому нет ни прогресса, ни реакции, а «консервативная революция» – единственно оправданная революция. Кроме того, «консервативная революция» проявляется у Меллера ван дер Брука как выражение культурных и политических антипатий – к гуманизму, либерализму, социализму, науке и т.д.

С аналогичных позиций выступали Э. Юнгер, Э. Никиш, Л. Клагес, К. Шмитт, Э. Форстхоф и другие представители плеяды немецких интеллектуалов, ставшей связующим звеном между Ф. Ницше и А. Гитлером и подготовившей призывами к тотальной власти биологически сильной элиты усвоение идей нацизма. В тоже время идеи «консервативной революции» не принадлежат только Германии. К ним обращались фашистские идеологи разных стран. Так, участник румынского фашистского движения «Железная гвардия» Мирча Элиаде утверждал, что «легионерское движение – это движение религиозной революции».[136]

В современной Франции идеи «консервативной революции» разрабатываются правыми идеологами Группы исследований европейской цивилизации (наиболее известны работы Алена де Бенуа). В работах представителей данной организации пропагандируются идеи, утверждающие, что избыток равенства в современном мире является первопричиной всех бед, тогда как истинным благом для всего общества было бы достижение вечного социального неравенства; движущей силой истории определяется воля «сверхчеловека», а основой будущего антиэгалитарного мира

---

[135] Одуев С.Ф. Тропами Заратустры. М., 1971. С. 172 – 173.

[136] Лихачев В. Революция духа, Христианский фашизм Мирчи Элиаде // Независимая газета. 2004. 3 марта. С.3.

провозглашается арийская биокультурная общность, лишенная классовых различий.[137]

В России идеи «консервативной революции» в виде установок о «радикальной революции против современного мира», «абсолютной революции по ту сторону истории», «новой революции, национальной и социалистической одновременно» пропагандируются с начала 1990-х гг. известным российским философом, теоретиком неоевразийского течения А.Г. Дугиным.[138] Проблемами формирования российской консервативно-революционной идеологии занимались представители правоэкстремистской организации «Русский национальный союз» К. Касимовский, А. Елисеев, А. Калашников, В. Ванюшкина. Этой организацией издавался собственный журнал «Нация», который был целиком посвящен идеям «консервативной революции» в мире и в России. В журнале печатались работы Ю. Эволы, М. Элиаде, Алена де Бенуа и т.д.

Представители редакции журнала «Нация» в своей программной статье «Рождение новой вертикали» провозглашали необходимость «очищения консервативно-революционной идеологии от всего наносного» и заявляли о «рождении новой, самобытной идеологической вертикали, устремленной к высшей солнечно-героической Русскости, находящейся по ту сторону Северного ветра на границе с Потустороннем».[139] В статье пропагандировались основные «новые» консервативно-революционные идеи: «нордическое Православие»; «беспощадная борьба против всех проявлений капитализма»; «революционный, социальный радикализм»; «национальный социализм, воскрешающий Русскую общинность и выводящий ее на новый уровень, адекватный реалиям XXI века».[140]

---

[137] Фадеева Т.М. «Новая правая» философия и идеология неоконсерватизма // Французская философия сегодня. М., 1989. С. 181.

[138] Дугин А.Г. Потому что мы любим тебя, революция // День. 1993. № 19. С. 2; Он же. Консервативная революция. М., 1994. С. 32; Он же. Владимир Путин и консервативная революция // Российская газета. 2003. № 94. С. 3.

[139] Рождение новой вертикали // Нация. 1995. № 1. С. 3.

[140] Там же.

Таким образом, на наш взгляд, корень данных консервативно-революционных проектов в стремлении исправить современное общество на основе определенных традиций и ценностей, сменить правящую элиту, но сохранить социальное неравенство. Поэтому подобные идеи постоянно порождаются самой капиталистической действительностью и служат, в конечном счете, стабилизации, сложившихся общественно-экономических отношений.

Вместе с тем, по нашему мнению, в идеологическом плане в развитии правого экстремизма в современной России можно выделить два этапа. Выделение этих этапов связано с тем обстоятельством, что формирование самобытной правоэкстремистской идеологии представляет собой сложный, постоянно развивающийся процесс, который в настоящее время еще далек от своего завершения.

Первый этап охватывает 1990-е гг. и связан, преимущественно с трансформацией праворадикальных идей в экстремистскую идеологию. Этот процесс был вызван углубляющимся социально-экономическим кризисом, ростом безработицы, преступности, обнищания значительной части населения и т.д. Все это привело к формированию устойчивого образа «врага», под которым правые экстремисты стали понимать евреев, масонов, сионистов, коммунистов, демократов-реформаторов, выходцев с Кавказа и из стран Средней Азии и т.п.

Процесс трансформации начал проявляться, когда в отличие от радикальной, но умеренной (в рамках существующего законодательства) риторики вождей типа В. Жириновского, А. Баркашова, А. Стерлигова, А. Иванова-Сухаревского и других, рядовые активисты правых организаций (РНЕ, НРПР, ННП, Русский собор и т.д.), особенно в регионах, стали увязывать радикальные идеи с необходимостью применения насилия к потенциальным «врагам» русской нации. Таким образом, процесс трансформации радикальных идей пошел с низов (региональный фактор), что

обусловило к концу 1990-х гг. существенное изменение облика праворадикальных организаций.

Кроме того, трансформация праворадикальных установок влечет за собой изменения и в самой организации, которая теперь приобретает экстремистский характер. Можно выделить вероятные проявления этих изменений:

1) Отношения внутри организации теперь строятся на принципах вождизма, авторитаризма, иерархии и субординации, а также применения насилия к провинившимся членам организации (вплоть до смертной казни за отступничество, предательство и т.д.), что одобряется всеми участниками данного сообщества.

2) Организация начинает приобретать военизированный характер, что выражается в создании боевых групп, вооруженных отрядов и формирований, нацеленных на завоевание власти с помощью различных противоправных насильственных действий.

3) Лидеры организации начинают активный и постоянный поиск финансовых источников, в том числе зарубежных и криминальных, выходов на торговцев оружием и боеприпасами, сочувствующих в среде силовых структур и представителей различных органов государственной власти.

Второй этап (начало 2000-х гг.) характеризуется не только продолжившейся трансформацией праворадикальных установок в экстремистские, но и началом создания уже собственно экстремистских организаций на основе складывающейся правоэкстремистской идеологии. Так, вначале 2000-х гг. появляются такие экстремистские организации как движение «Славянский Союз», «Национал-социалистическое общество», «Движение против нелегальной иммиграции», скинхедгруппы «Объединенная бригада 88», «Бешеная толпа», «Боевая террористическая организация Боровикова» и др. Данные организации активно используют уличный террор против иммигрантов, политических противников, а также через свои средства массовой информации (газеты, листовки, интернет-

сайты) публично призывают к осуществлению насильственных действий, распространению материалов, возбуждающих расовую, национальную рознь и т.д.

Причем, совершение насильственных действий объясняется и оправдывается на основе определенного набора мировоззренческих установок (как правило, праворадикального толка), а также путем попыток создания собственной оригинальной экстремистской идеологии. Однако в идеологических конструкциях правоэкстремистских организаций присутствует определенная эклектика, выраженная в использовании разного рода правых идей, теорий, учений. Таким образом, на наш взгляд, процесс создания самобытной правоэкстремистской идеологии в современной России еще далек от своего завершения, но, тем не менее, уже сложились основные идеи и ценности правого экстремизма.

Немаловажное значение в исследовании феномена правого экстремизма принадлежит проблеме, связанной с выяснением его разновидностей. На наш взгляд, правый экстремизм должен рассматриваться как достаточно сложное политическое явление, проявляющееся в двух основных видах, таких как светский и религиозно-политический экстремизм.

Светский правый экстремизм позиционирует себя в связи с той или иной национальной идеей, выраженной в достаточно крайних формах неприятия «чужих» культурных, национальных, духовных и прочих норм и ценностей. Такой вид экстремизма, по мнению некоторых исследователей, основан на националистических, расистских и неонацистских (неофашистских) взглядах.[141] Безусловно, эти идейные установки присутствуют в правом экстремизме, но можно ли в таком случае идеологию правого экстремизма прямо отождествлять с идеологией национализма?

Большинство российских правоэкстремистских организаций и групп заявляют о себе как о приверженцах идеологии национализма, выражают

---

[141] Аршба О.И. Современный правый экстремизм в Европе // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2002. № 4. С. 3.

стремление отстаивать интересы русской нации и видят Россию как национальное государство русского и других коренных народов. Однако национализм как политическая идеология не является цельным (монолитным) феноменом. Среди современных теорий национализма можно выделить примордиализм, функционализм, социальный конструктивизм. Так же принято различать гражданский и этнический, умеренный и крайний виды национализма. Нет и единого международного определения понятия «национализм», поскольку, например, в англо-американской литературе «национализм» носит в основном нормативно-нейтральный, а во французских, русских и большинстве восточноевропейских источников – пейоративный (негативный) характер.[142]

Вместе с тем, среди отечественных определений понятия «национализм» нам близка формулировка В.С. Малахова: «Национализм – это политическая идеология, в которой «нация», понимаемая в качестве культурно-гомогенного сообщества, выступает источником суверенитета, преимущественным объектом лояльности и предельным основанием легитимности власти».[143] Данная формулировка делает акцент на том, что нация является источником легитимного насилия, поскольку в современных национальных государствах именно к ней апеллируют, стремясь легитимировать власть. Применительно к нашему исследованию, следует отметить, что абсолютное большинство правоэкстремистских организаций опираются на идеи крайнего национализма в силу того, что апелляция к нации как к источнику суверенитета позволяет им оправдывать применение противоправного неограниченного насилия против всех «врагов» нации для достижения поставленных политических целей (например, создание русского национального государства).

В тоже время экстремисты используют крайнюю разновидность национализма, основанную на концепции примордиализма, т.е. самого

---

[142] Малахов В.С. Национализм как политическая идеология. М., 2005. С. 14.
[143] Там же. С. 39.

консервативного понимания нации как общности людей, изначально связанной единством происхождения и традиций. Для примордиализма (крупнейшие представители Петер ван ден Берг, Э. Смит, С. Арутюнов) нации есть продукт развития этносов, а этносы представляют собой естественные целостности, которые могут быть поняты по аналогии с биологическими популяциями. Иными словами нации как бы «рождаются» подобно формообразованиям естественно-природного мира, являясь продуктом развития древних наций (независимо от того, называются ли древние нации этим словом или для их обозначения используют другой термин, например, «этнос»).

Именно примордиализм позволяет правоэкстремистским теоретикам формировать основу своей идеологической конструкции, утверждая при этом, что только нация является вечной высшей ценностью, народной общностью, связанной единством происхождения, проживания, культурных традиций и поэтому возрождение страны (державы) возможно лишь на пути объединения всей нации в ходе осуществления национальной революции. На основах примордиализма строились такие экстремистские идеологии как итальянский фашизм и германский национал-социализм, оправдывающие применение ничем неограниченного противоправного насилия интересами нации как высшей ценности.

В тоже время германский национал-социализм был «двуосновным», поскольку здесь сочетались крайний национализм и расизм. Идеологи национал-социализма, используя сочинения Ж. Гобино, Х. Чемберлена, Г. Гюнтера и других пытались подвести биологическую базу (расизм) под идеи примордиализма, утверждающие изначальность и неизменность определенного набора особенностей у любой нации. Поэтому одной из основ национал-социализма стала расовая доктрина, чего не было в итальянском фашизме.

Таким образом, правый экстремизм прямо не тождественен понятию «национализм», как его нередко трактуют средства массовой информации,

сотрудники правоохранительных органов, публицисты и общественные деятели. Но в основе таких правоэкстремистских идеологий как итальянский фашизм и германский национал-социализм действительно лежат идеи крайнего национализма (примордиалистские теории о «вечных» нациях, древних ариях, общности «крови и почвы» и т.п.). В России при создании правоэкстремистских организаций также использовались и используются идеи примордиализма, но идеологии собственно «русского» или «российского» фашизма (национал-социализма) на сегодняшний день нет, хотя встречаются неуклюжие попытки подражания этим явлениям (например, РНЕ, НСО, СС и т.п.).

Другой разновидностью правого экстремизма является религиозно-политический экстремизм, который, базируется на сочетании религиозной доктрины с правоэкстремистскими идеологическими установками. Религиозно-политический экстремизм занимает радикальную позицию по отношению к светскому государству, но стремится к преобразованию общества на основе консервативных ценностей (религиозно-политическая доктрина).

В идеологическом аспекте религиозно-политический экстремизм развился на основе правоэкстремистских идей и поэтому не может рассматриваться как отдельный вид экстремистской идеологии. Что не мешает рассматривать его как разновидность правого экстремизма, проявляющуюся в соединении религиозной нетерпимости с политической деятельностью, в отличие от светского правого экстремизма, имеющего другую мотивацию.

Таким образом, на наш взгляд, религиозно-политический экстремизм – это разновидность правого экстремизма, проявляющаяся в возбуждении религиозной вражды и ненависти, стремлении к насильственному изменению государственного строя, нарушении территориальной целостности страны.

Религиозно-политический экстремизм и светский правый экстремизм часто переплетаются друг с другом. Этому способствует ряд обстоятельств:

1. Тесная историческая связь религии и этноса, которая приводит к тому, что многие народы воспринимают то или иное вероисповедание как свою национальную религию. Их образ жизни, традиции, обычаи, менталитет сформировались под влиянием соответствующих религиозных учений, обрядов, предписаний. В результате, в этническом самосознании эти народы представляются как этноконфессиональные общности. Это обстоятельство создает возможность лидерам этнонационалистических экстремистских формирований апеллировать к «национальной религии», использовать ее постулаты для привлечения соплеменников в свои ряды, а лидерам религиозно-политических экстремистских группировок обращаться к этнонациональным чувствам и ценностям для увеличения числа сторонников своего движения.

2. Одинаковая направленность на достижение во многом совпадающих политических целей. Смыкаясь и переплетаясь, религиозно-политический и светский правый экстремизм взаимно питают друг друга, что способствует укреплению их позиций, содействует расширению их социальной базы. Яркий пример такого «взаимного питания» дают нам события в Чечне, Дагестане и т.д.

В тоже время необходимо выделить характерные черты, отличающие религиозно-политический экстремизм от светского правого экстремизма:

1. Основной целью религиозно-политического экстремизма является насильственное изменение государственного строя, путем замены светского правления теократией. Тогда как представители светского экстремизма, имея свою личную приверженность той или иной религиозной системе взглядов, вопрос о замене светского правления теократией не ставят.

2. Несмотря на переплетение национального и религиозного начала в религиозно-политическом экстремизме – религиозное превалирует, поскольку именно здесь принадлежность к той или иной религии служит первейшей основой для сплочения людей. В свою очередь светские

правоэкстремистские организации более учитывают национальную (расовую) принадлежность своих членов.

3. Религиозно-политический экстремизм отличает стремление субъектов экстремистской деятельности апеллировать к традиционным конфессиям (православие, ислам и т.д.) с целью вероятного получения помощи и поддержки в борьбе с «неверными», представителями других «враждебных» конфессий.

4. Участники религиозно-политических экстремистских организаций опираются в своей деятельности не только на идеологию своей (конкретной) организации, но и во многом на религиозные установки и ценности той религии – «подлинность, верность, правильность», которую они защищают. Это на практике приводит к религиозному фанатизму, «священной» ненависти к врагам, выступающим в облике сатанинских сил и посягающих не только на жизнь единоверцев, но и на сакральные символы и ценности. Поэтому здесь ненависть функционирует не только на повседневно-бытовом (в отношении евреев, кавказцев, афроамериканцев и т.п.), но и на духовном, виртуальном, исключительно значимом уровне. В силу чего религиозно-политический экстремизм необратим, и представляет особую опасность для целостности государства, прав и свобод граждан.

5. В любой религии (например, в священных текстах) всегда можно найти призывы к насилию над неверными или обоснование справедливости для его применения. Отсюда становится очень легко разделить всех на тех, кто – «свой» (истинно верующий, правоверный и т.д.) и тех – кто «чужой» (заблудший, неверный, безбожник). Поэтому религиозно-политическим экстремистам в отличие от правых (да и левых) не нужно скрупулезно выискивать того или иного «врага» и обосновывать причиняемый им «вред», достаточно просто обратиться к священному тексту или трудам какого-либо религиозного толкователя. Так, по мнению Р. Докинза: «Подавляющее большинство современных мусульман живет, не прибегая к насилию, потому что в Коране есть выбор на все случаи жизни. Если ты хочешь мира, то

найдешь стихи, призывающие к миру. Если стремишься к войне – отыщешь агрессивные».[144]

Все вышеизложенное позволяет нам перейти к системному анализу идеологических установок российских светских и религиозно-политических правоэкстремистских организаций.

На сегодняшний день в российском светском правом экстремизме можно выделить два направления, связанных с различными исторически обусловленными формами экстремизма, которые можно условно обозначить как «нацистское» и «консервативно-революционное». Нацистское направление связано с подражанием идеологии и политической практике Третьего Рейха, национал-социалистического государства, имевшего четко выраженную расовую доктрину, направленную на утверждение превосходства «высшей» арийской расы. Тогда как консервативно-революционное направление исходит из стремления представить Россию как уникальную самобытную цивилизацию, духовного лидера всего человечества (миссия России), возрождение которой возможно лишь на путях русской консервативной революции и восстановления традиционных, преимущественно, русских культурных норм и ценностей. Однако следует отметить, что границы между данными направлениями весьма условны, поскольку и то и другое направление использует определенный набор праворадикальных взглядов, идей, установок.

Формирование этих двух направлений в правоэкстремистской идеологии началось в 1990-е гг. и было связано с трансформацией праворадикальных установок, используемых для обоснования деятельности таких организаций, как Национально-патриотический фронт «Память», движение «Русское национальное единство», «Русский национальный союз», «Русский национальный собор», «Черная сотня», Национально-республиканская партия России и т.д. В большинстве своем в этот период правоэкстремистские организации придерживались консервативно-

---

[144] Докинз Ричард. Бог как иллюзия. М., 2008. С. 430.

революционного направления с активным неприятием формирующейся либерально-демократической политической системы и стремлением к ее радикальному преобразованию на основе русских консервативных ценностей (реставрация русских православных и имперских традиций).

Тогда как, ко второму «нацистскому» направлению можно было отнести лишь некоторые немногочисленные группы правоэкстремистского толка, такие как «Легион вервольф», «Национал-социалистский союз», появляющиеся в разных городах скинхедгруппировки (например, «Русская цель», «Кровь и Честь» и др.). Их объединяло не только участие в акциях «прямого действия» (уличные нападения на иммигрантов, приобретение оружия и его использование в криминальных разборках, подрывы взрывных устройств возле зданий синагог и мечетей и т.п.), но и отсутствие серьезного интереса к разработке собственной национал-социалистической идеологии вместо неуклюжего подражания германскому образцу.

Таким образом, в 1990-е гг. в России начался процесс формирования правоэкстремистской идеологии путем, во-первых, заимствования праворадикальных установок и, во-вторых, на основе попыток использования идей германского национал-социализма, итальянского фашизма и стремления применить их на российской почве. Можно выделить ряд таких идейных положений, которые начали использоваться в это время идеологами правоэкстремистских организаций.

Одним из существенных аспектов идеологических установок правых экстремистов, по нашему мнению, является вопрос о национальной идентичности, поскольку любая правоэкстремистская организация основывается, в первую очередь, на своих представлениях о нации и ее роли в историческом процессе. Для абсолютного большинства правых экстремистов понятие «нация» связано с природно-биологическим началом, нация как этническая целостность. Так, по мнению А.П. Баркашова: «На сегодняшнем этапе мы должны формировать национальное движение не на политической, социальной или религиозной основах, а на основе общности

происхождения – кровном родстве и общности по национальному характеру – родстве по духу».[145] Причем русскую нацию еще надо только создать на основе выполнения русским народом определенной исторической миссии: необходимости создания могучего и справедливого Российского государства и «чем быстрее русский народ станет русской нацией, тем быстрее наступит справедливый порядок во всем мире».[146]

Следовательно, Российское государство мыслилось как некая Империя русской нации, тогда как понятие «русская нация» понималось как общность людей, изначально связанная единством происхождения и традиций, т.е. вполне в духе примордиалистских теорий. Здесь следует сразу уточнить, что такое понимание нации в духе примордиализма будет характерно для правых экстремистов, тогда как праворадикальные организации станут опираться не только на примордиализм, но и на социальный конструктивизм (гражданский национализм), рассматривающий русскую нацию «как семью народов, полиэтническую общность, объединяющую всех, считающих себя русскими на основе культуры, истории, экономических интересов…».[147]

Определившись с пониманием «русской нации», правый экстремизм постулирует идею о ее исключительности и превосходстве, что предполагает, с одной стороны, превознесение ее величия и могущества, а с другой – своеобразное покровительственное, «отеческое» отношение к другим нациям и народностям. Такая идейная традиция в российском правом экстремизме возникла еще вначале XX в. в идеологических установках различных черносотенных союзов и объединений.[148]

Этот подход был воспринят в 1990-е гг. сначала правыми радикалами, а затем экстремистами. И те и другие считают единым народом русских, украинцев и белорусов, не признают их самостоятельности, а разницу в языках определяют как несущественное различие на основе использования

---

[145] Баркашов А.П. Принципы русского национального единства // Азбука русского националиста. М., 1994. С. 27.
[146] Там же.
[147] Русская национальная партия. Тезисы программы. Саратов. 1998. С. 3 – 4.
[148] Основоположения Союза русского народа // Программы политических партий России. Конец XIX – XX вв.: Сборник. М., 1995. С. 442.

простонародных жаргонов. Например, по мнению лидера ННП (Народная национальная партия) А. К. Иванова: «Мы, русские, призваны Богом сыграть особую, исцеляющую роль для человечества. Мы возглавим шествие народов в Царство Божие. Потому что русский народ самый широкий народ в душевном смысле, самый идеалистический народ, которому органически не свойственна жажда наживы. Русский народ явит миру самое впечатляющее зрелище доброты, трудолюбия и идеальности в устремлениях».[149]

Таким образом, такой вот патетизм и мистифицированность положений подобных программных документов должны были захватить простого человека величием национального очищения и возрождения. Идея величия нации выступает здесь в качестве системообразующей установки, универсальной цели, с которой экстремист идентифицирует себя. При этом он как бы становится частью большого и могущественного целого, обретая чувство уверенности и целостности, не замечая ее иллюзорного характера. Все дело в том, что экстремистское сознание не стремится к адекватному пониманию действительности, поскольку это ослабило бы веру в «великую идею», поколебало бы незыблемость принципов и установок.

Добиться поставленной цели (возродить Российскую империю, Великую Россию, русское национальное государство и т.п.) правоэкстремистские организации предполагали с помощью осуществления национальной (консервативной) революции. Под идеей «национальной революции» понималось революционное преобразование нации (государства) на основе обращения к консервативным традициям и мифам прошлого. Национальная революция мыслилась не просто как «идеология одной из политических групп, а как единственный путь выживания и процветания русской нации».[150] Причем в риторике правых экстремистов национальная революция противопоставлялась антинациональным, нигилистическим, социалистическим (левым) революциям, «совершенным с

---

[149] Иванов А.К. К пониманию русизма // Я – русский в Самаре. 2001. № 1. С. 2.
[150] Интервью с руководителем «Русского национального единства» А.П. Баркашовым //Русский порядок. 1998. № 2(5). С. 4.

целью усугубления вселенской деградации. А подлинная революция еще впереди и она победит как молодость мира, отвергающая современные «ценности», основанные на гуманизме, торгашестве и безбожии».[151] В тоже время, провозгласив курс на осуществление национальной революции, программные документы праворадикальных организаций не содержат конкретных предложений по ее осуществлению и ограничиваются пустыми декларациями: «И уже очевидно, что русская нация построит свою иерархию, осуществит свою национально-социальную революцию».[152] Чего не скажешь о правоэкстремистских группах, которые прямо связывали идею «национальной революции» с осуществлением акций прямого действия в виде уличного террора против политических противников, иммигрантов, иностранцев с целью запугивания общества, давления на органы власти, дестабилизации ситуации в стране. Так, например, состоявшийся в мае 2003 г. в Рязани сбор представителей автономных организаций и групп РНЕ принял «положение о проведении актов устрашения» для создания революционной ситуации в стране.[153]

Осуществление национальной революции должно привести к формированию русского национального государства. Однако единства взглядов на природу этого государства в среде правых никогда не было, и нет до сих пор. Для большинства идеологов правоэкстремистских организаций идеалом являлось национальное государство (допускались различные варианты названия: национально-трудовое государство, аристократический социализм, русское государство и т.п.), которое представлялось как унитарное государство, основанное на принципе единства нации и одухотворенное единой национальной идеологией (тоталитарное государство). Причем государство должно было строиться на основе

---

[151] Елисеев А. Национал-революционный стиль // Нация. Журнал русских новых правых. 1995. № 1. С. 10.
[152] Баркашов А.П. Национализм или патриотизм? О неизбежности национальной революции // Русский порядок. 1993. № 1. С.2.
[153] Режим готовит провокацию. О съезде движения «Русское национальное единство» // Листовка. Б.г., б. м. Личный архив автора.

корпоративности и социально-территориального представительства с обязательной ликвидацией любых национальных автономий.

Тогда как ряд представителей правого радикализма выступили за необходимость восстановления Российской империи, поскольку «Россия – вобрала в себя и объединила великороссов, малороссов, белороссов, малые этносы неславянских коренных народов России, которые считают себя русскими по духу. Россия для них – общий дом, единое Отечество, единая страна. Россия может быть только великой державой – Империей».[154] Подобные взгляды выражали такие организации, как «Черная сотня», Национально-республиканская партия России Н. Лысенко, Российский общенациональный союз и другие.

Идея построения тоталитарного государства предусматривает негативное отношение к демократической системе и ее институтам. Однако в этом вопросе правые радикалы и экстремисты так же демонстрируют разные точки зрения. Так, экстремисты прямо отрицают наличие демократических институтов: парламента, многопартийности, плюрализма идей в обществе. Например, согласно программе ННП: «Упразднение парламента и учреждение системы личной ответственности лидеров, выбранных народом».[155] Также признается необходимым подавление оппозиции с помощью проведения широких репрессий в госаппарате, силовых структурах и во всем обществе.

Тогда как, программные документы праворадикальных организаций (например, Российский общенародный союз) содержат тезисы о выборности власти, разделении властей, правовом государстве. Это вполне объяснимо тем, что праворадикальные организации предполагают возможность завоевания депутатских мандатов в различных законодательных органах власти РФ. И поэтому им приходилось убеждать избирателей в том, что они разделяют основополагающие принципы устройства существующей

---

[154] Национализм и региональная политика. Русская национальная партия. Саратов. 1998. С. 2.
[155] Программные основы ННП // Я – русский в Самаре. 2001. № 1. С. 3.

политической системы и будут действовать строго в рамках избирательного процесса. Вместе с тем, если праворадикалы планировали участвовать в избирательном процессе, то экстремисты негативно оценивая ценности парламентской демократии, участие в выборах полностью отвергали.

В тоже время правые экстремисты выступают за сильную государственную власть, способную мобилизовать все человеческие и материальные ресурсы на служение «великой идее» и противостоять внешним и внутренним врагам. В связи с чем, в основу построения «нового русского государства» должен быть положен принцип антиэгалитаризма, с которым тесно связано усиление тоталитарного начала в обществе и государстве. Для мировоззрения правых равенства не существует, поскольку они четко делят мир на сильных и слабых. При таких взглядах только сильная государственная власть заслуживает доверия и уважения, и только она способна обеспечить порядок и достойное положение русскому и другим коренным народам страны. Так, по мнению лидера ННП А.К. Иванова: «Народное национальное государство будет построено по принципу аристократического сословного социализма. Власть лучших в сословном обществе…. А так же, обеспечение каждому юному дарованию достижения общественных и политических высот. Этот отбор будет длиться века, пока не появится Сверхчеловек».[156]

Таким образом, построение «нового государства» – это, прежде всего, отбор национальной элиты во главе с вождем на основе ее организации по иерархическому принципу. И здесь как раз проявилось такое свойство правоэкстремистской идеологии, как консервативность, тяготение к архаизму и традиционности в общественных и государственных устоях.

В современной России теория «нового русского государства» в идеологических конструкциях правых экстремистов стала включать в себя три основных базовых компонента: концепция полновластного лидера (вождя, национального диктатора и т.п.), обладающего харизмой и

---

[156] Иванов А.К. Наша идея // Я – русский в Самаре. 2001. № 1. С. 1.

возглавляющего иерархию национальной элиты («фюрер-принцип»); православный фундаментализм; идея сильного государства (Великая Россия), способного устанавливать свои правила игры на мировой арене (так называемый «русский порядок»).

Одной из первых правых организаций в России, взявшей за основу принцип «вождизма» или как его еще называют «фюрер-принцип» было движение «Русское национальное единство» (РНЕ): «Мы выступаем за единое государство, основывающиеся на принципе единства нации, одухотворенной единой национальной идеологией и руководимой одним вождем, на котором лежит вся ответственность перед нацией и историей за принимаемые решения».[157] В последующем, такой принцип руководства организацией стал основополагающим для многих правоэкстремистских объединений в России в 1990-е гг. И лишь усиление борьбы с экстремизмом вначале 2000-х гг. постепенно привело к замене «фюрер-принципа» сетевой организацией.

Таким образом, идея построения государства на основе принципа иерархии с отбором национальной элиты закрепляла, во-первых, убеждение экстремистов в том, что идеальное общество – только сословное, кастовое, аристократическое с обязательным и неотъемлемым правом «меньшинства» (национальная элита) господствовать над пассивным, управляемым «большинством»; во-вторых, представления о взаимоотношениях человека и «нового государства». Так, отрицательно оценивая либеральную политику «вседозволенности», при которой индивида занимают исключительно личные удобства, стремление к более полной свободе от государственных структур (творчество, субкультуры и т.п.), материальные удовольствия, идеологи правых видели цель жизни конкретного человека в служении нации и государству. В человеке нужно воспитывать желание служить нации, а не пользоваться безвозмездно разными демократическими правами и свободами. И поэтому каждый человек должен знать свое место и свои

[157] Русский порядок. 1993. № 2. С. 1.

обязанности в социальной иерархии, а гражданские права ему предоставит государство и только те, которые сочтет нужными.

Одним из составных компонентов теории «нового русского государства» был своеобразно понимаемый православный фундаментализм. Несмотря на подчеркиваемый светский характер своих организаций, многие лидеры и идеологи правых экстремистов пытались как-то определиться в отношении своих религиозных предпочтений. В 1990-е гг. такие предпочтения в большинстве случаев отдавались православному христианству и лишь к концу 1990 – началу 2000 гг. свои позиции в идеологии правых экстремистов стало занимать славянское (русское) неоязычество.

Необходимо отметить, что для консервативно-революционного направления такие религиозные институты, как православие, вера, церковь – традиционные и неотъемлемые составляющие русской жизни и быта. Поэтому с особым рвением за идею восстановления и всемерной культивации этих институтов ухватились в постсоветское время правые радикалы и экстремисты, всячески понося в свойственной им манере эпоху советской власти и ее деятелей, когда рушилась вера и разрушались храмы. Однако отношение к православию, а тем более к Русской православной церкви (РПЦ) у правых радикалов и экстремистов было в 1990-е гг. подчеркнуто разным: от восторженного восприятия до полного игнорирования. Так, если праворадикальные организации целиком поддерживали политику Московской Патриархии РПЦ и выступали «за возврат имущества и церковных ценностей Русской Православной Церкви», признавая ее «исповедующей Истину в последней инстанции».[158]

Тогда как правоэкстремистские объединения именовали православие не иначе как «нордическое Православие», считая, что «церковное руководство (Московская патриархия РПЦ) не могло оказаться вне процесса разложения и поэтому православие нуждается в «реформации справа»,

[158] Наше видение грядущей России // Черная сотня. 2003. № 3 (100). С. 62.

призванной изменить не каноны и обряды, а стиль самого религиозного действия».[159] Так, по мнению К. Касимовского: «Истинное православие – это героическая, воинская вера, являющаяся основой для возрождения русского народа и радикально отличающаяся от современного бабьего, старушечьего эрзац-православия, призывающего смиренно подставлять щеки своих ближних под кулаки врагов нации».[160]

Вместе с тем, несмотря на такое разное понимание и отношение к современному православию в России, следует отметить, что в рамках консервативно-революционного направления ценности православного фундаментализма поддерживались большинством представителей и праворадикальных, и правоэкстремистских организаций.

Однако идея возрождения и защиты православия, традиционных религиозных ценностей у большинства правых экстремистов приобрела довольно поверхностный и неискренний характер, поскольку на самом деле отвергала основные принципы христианства: задачу служения Церкви в миру, ее космичность и интернациональность, культурное строительство, свободу личности, богословие и т.д. Вместо этого освящался и пропагандировался жесткий национализм, шовинизм, тоталитаризм.

Еще один компонент в теории «нового русского государства» – идея о строительстве Великой России, как мировой державы, определяющей развитие всех мировых процессов. Решить данную задачу предполагалось за счет расширения территориального пространства России и установления так называемого «русского порядка» во всем мире. Так, один из соратников РНЕ, С. Владимиров писал: «И мы победим. В мире будет духовный Русский Порядок».[161]

Следует отметить, что теория противоборства «двух порядков»: Русского и Нового Мирового Порядка, устанавливаемого США, являлась и до сих пор является краеугольным камнем в построении идеологии

---

[159] Касимовский К. Основы нашей идеи // Штурмовик. 1996. № 19 (31). С. 1.
[160] Там же.
[161] Владимиров С. Русский порядок // Русский порядок. 1995. № 3 – 4. С. 6.

российских правоэкстремистских организаций. Практически все идеологи правых экстремистов убеждены, что будущее мира – это столкновение (борьба) за господство двух разных цивилизаций: духовной, олицетворяемой Святой Русью и материалистической, представленной силами мирового Зла – Западом. Принципиальные отличия между ними заключаются в том, что Российская Империя была сакральным духовным государством, в то время как западные государства создавались на эгоистических экономических основах. Борьба между ними должна закончиться гибелью одного и торжеством другого, который и будет господствующим во всем мире. Так, по мнению лидера ННП А.К. Иванова: «Мы, русисты, должны, можем и обязаны исполнить миссию, данную нам Богом: установить мир на планете, провести Страшный Суд и утвердить Царство Божие на Земле».[162]

Таким образом, основой внешнеполитической программы правых экстремистов постулировался неизбежный конфликт с бездуховным материалистическим Западом. Причем «Запад» для правоэкстремистских организаций был не столько географическим, геополитическим или историко-культурным понятием, сколько абсолютным, тотальным «Другим» – олицетворением всего враждебного и имманентно чуждого России. В этом смысле они воспроизвели устойчивый и влиятельный социокультурный и психологический стереотип части отечественной интеллигенции. По мнению Д. Хоскинга: «Реальные и разнообразные страны Западной Европы подверглись русской интеллигенцией искажению до неузнаваемости, превратившись в удобный однородный символ, заслуживающий либо поклонения, либо отвержения».[163]

Жесткое противопоставление на метафизическом уровне духовных сил Добра в образе Святой Руси сатанинским «западным» силам абсолютного Зла послужило основой для формирования образа врага. Этот образ имеет внутреннюю и внешнюю стороны.

---

[162] Иванов А.К. Наша идея // Я – русский в Самаре. 2001. № 1. С. 1.
[163] Хоскинг Джеффри. Россия: народ и империя (1552 – 1917). Смоленск, 2000. С. 284.

Внешняя сторона выражается в отрицании полезности для России ценностей западной цивилизации. Так, еще черносотенцы вначале XX в. утверждали, что все зло приходит с Запада, – источника бездуховности, разобщенности, крайнего индивидуализма и бюрократии в государственном управлении. Аналогичную неприязнь по отношению к Западу можно наблюдать у консервативно-революционных сил и в эпоху постсоветских реформ. Так, возрождение страны подразумевалось исключительно за счет мобилизации собственных сил и ресурсов: «Мы убеждены, что духовное оздоровление нашего Народа может последовать только изнутри на основе принципа: общее благо выше личной выгоды».[164] Тогда как при упоминании о развитых западных странах слово «развитые» неизменно берется в кавычки, поскольку эти страны олицетворяют собой образ внешнего врага и считаются заинтересованными в превращении России в сырьевой придаток, экономическом ее порабощении.

В тоже время внешний враг в идеологии экстремистских организаций всегда предполагает наличие врага внутреннего, который уже более конкретно определяется в программных документах правых. Причем формирование образа «внутреннего врага» прошло некоторую эволюцию. В 1990-е гг. к основным врагам русской нации правые экстремисты относили, главным образом, евреев, масонов, представителей демократического движения и творческой интеллигенции, приезжих с Кавказа и Средней Азии, а также коммунистов и социалистов (возможны варианты – марксисты, троцкисты, большевики, жидки-комиссары и т.д.).

Тогда одним из основных врагов русского народа экстремисты считали международное еврейство, связывая его, во-первых, с «руководством коммунистической партии, ответственным за уничтожение высших сословий русской нации» и, во-вторых, с «финансовой олигархией».[165] Еврейство понималось как некая метафизическая сущность, единое целое, поголовно

---

[164] Манифест национально-патриотического фронта «Память» // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985 – 1991: Сборник. М., 1991. С. 294.
[165] Что такое РНЕ? М., 1996. С. 10.

исповедующее иудаизм и контролирующее мировые финансовые потоки и, соответственно, представляющее мировые силы Зла, прямо противостоящие силам Добра (Святой Руси). Необходимо отметить, что в установках экстремистов образ «еврейства» является неким связующим звеном между другими врагами русского народа.

Непосредственно с еврейством связано масонство, которое, естественно, олицетворяет некие «темные силы» – мировое правительство и замышляет «заговор» против России и русского народа (теория «сионо-масонского заговора»). Поэтому программные документы экстремистов содержат не просто описание преступных замыслов мирового масонства, но и предлагают те или иные способы борьбы с ним. Например, согласно программе движения «Черная сотня»: «необходимо введение уголовного наказания за членство в масонских ложах…».[166]

Связано мировое еврейство, по мысли правых экстремистов, и с деятельностью демократического движения. Причем под демократическим движением (термин тоже собирательный) правые понимают представителей демократических партий и движений (их, как правило, именуют кратко – «либералы»), деятелей творческой интеллигенции, государственных служащих и т.д. По мнению А.П. Баркашова: «Демократическое движение является узкоклассовым, в значительной степени узконациональным, полукриминальным, антинациональным и антигосударственным из-за своей проамериканской ориентации».[167]

Врагами русской нации в идеологии правых экстремистов выступали и представители различных коммунистических партий и движений России. Например, из письма А.К. Иванова: «Мне одинаково ненавистны и капитализм, и коммунизм, это две стороны одной медали, имя которой – марксизм. Это антинаучное мировоззрение представляет человека как ничтожное животное. Мы, русисты – должны уничтожить режим марксистов.

---

[166] Штильмарк А.Р. Наше видение грядущей России // Черная сотня. 2003. № 3 (100). С. 63.
[167] Баркашов А.П. Характеристика сил, враждебных русскому народу // Азбука русского националиста. М., 1994. С. 33.

Все, кто симпатизируют КПРФ и Сталину, никогда не примут нашу националистическую позицию».[168]

Помимо «представителей мирового еврейства» – масонов, либералов, коммунистов и прочих врагами русского народа выступали выходцы с Кавказа и Средней Азии. В 1990-е гг. еще до начала массовых миграционных процессов, появления многочисленных мигрантов из стран ближнего и дальнего зарубежья ненависть правых экстремистов вызывали торговцы на плодоовощных базах и вещевых рынках, студенты «нерусской национальности», беженцы из кавказских и среднеазиатских республик. Их, как правило, считали участниками неких мафиозных структур, совершающих жестокие преступления (убийства, грабежи, изнасилования и т.п.) и стремящихся поработить русский народ.

Однако уже вначале 2000-х гг. положение в «иерархии» врагов русского народа начинает меняться. В связи с нарастанием миграции, как легальной, так и нелегальной на «первое место» среди недругов смещаются многочисленные иммигранты из стран ближнего и дальнего зарубежья. Тем более, что в обстановке сохраняющейся и увеличивающейся безработицы, на фоне массы городских проблем и негативных изменений социальной структуры чувство неудовлетворенности и разочарования коренных жителей российских городов нетрудно направить в сторону переселенцев – объекта легко определяемого и почти ничем не защищенного.

Причем различные группы иммигрантов нередко в риторике правых экстремистов объединяются достаточно произвольными понятиями: «нелегалы», «мигранты», «черные», «чурки», «исламисты» и т.п. Так, по мнению А.К. Иванова: «Сейчас наши враги в первую очередь – это исламисты. Для них нет границ. Они все единая семья. И потому они настоящие современные «жиды».[169]

---

[168] Иванов А.К. Письмо соратнику // Я – русский. 2002. № 6. С. 4.
[169] Там же.

В тоже время изменяются и взгляды правых экстремистов на методы борьбы с врагами, главным образом, многочисленными иммигрантами. Если в 1990-х гг. действия правых радикалов и отдельных групп экстремистов ограничивались только описанием сущности и видов всевозможных врагов русского народа, а также отдельными проявлениями морально-психологического насилия (призывы к возбуждению национальной розни, шантаж, запугивание, побои и т.д.). То вначале 2000-х гг. идеологические установки экстремистов стали подкрепляться совершением актов физического насилия: спланированные нападения и убийства, погромы на рынках, подрывы самодельных взрывных устройств, использование огнестрельного оружия и т.д. Все это характеризовало завершение процесса трансформации праворадикальных установок в экстремистские положения, прямо оправдывающие применение ничем не ограниченного насилия против различных противников и оппонентов. Подобную «эволюцию» прошли такие организации, как РНЕ, НРПР – Партия Свободы, РНС и др.

Наряду с трансформацией праворадикальных установок в экстремистские в рамках консервативно-революционного направления, среди отдельных групп правых экстремистов развернулся процесс создания самобытной русской национал-социалистической идеологии. В 1990-е гг. национал-социализм в российском варианте носил, преимущественно, подражательный характер, что проявилось в копировании, главным образом, внешней стороны германского нацизма, прежде всего, характерного нацистского стиля: свастика, приветствие, форма, соответствующая риторика. В то время стали переводится и бойко распространяться сочинения А. Гитлера, А. Розенберга и др. Возникли организации, прямо заявлявшие о себе, как о сторонниках германского нацизма (например, «Национально-социальный союз», «Народно-социальная партия», «Легион Вервольф» и т.д.). Причем данные организации создавались уже непосредственно как экстремистские группы, взявшие за основу своей деятельности совершение тех или иных насильственных действий.

Одним из первых таких экстремистских сообществ был «Национально-социальный союз» (НСС), действовавший в 1990 – 1992 гг. на территории Москвы и Московской области. Возглавлял организацию бывший член НПФ «Память», выпускник МГУ, предприниматель В.М. Якушев, который собственно и был главным идеологом НСС. Идеология НСС строилась на основе заимствования идей А. Гитлера («Моя борьба») и А. Розенберга («Миф XX века»), а также собственных представлений В. Якушева о будущем облике русского национального государства: расовая идея, кастовость и рабовладение.

Согласно В. Якушеву: «Внутренним источником развития страны может стать лишь национальная энергия, как историческое проявление индоевропейской или арийской расы. То есть расовое сознание – это источник энергии, которая развивает общество, а социальная программа – это то, что обеспечивает стабильность, устойчивость и предотвращает возникновение как анархии, так и тоталитаризма».[170] Руководитель НСС рассматривал русскую нацию как часть арийской расы, которая, создав самобытное национальное государство, «должна обрести динамическое равновесие с Западом», не став ни западной державой, ни примкнув к развивающимся.[171]

Вместе с тем национальное государство должно строиться на основе строгой кастовой системы подобно древнеиндийскому обществу. Причем высшая каста – это немногочисленные представители национальной элиты – руководители всех структур государства, подчиняющиеся «вождю» нации, имеющему безграничные полномочия по управлению всеми сферами жизни общества. Представители низшей касты (оппоненты, интеллигенты, нищие, бомжи и т.д.), по мнению В. Якушева – «быдляк», который «долго уничтожать придется, на протяжении нескольких поколений, поскольку это не люди, а так что-то человекообразное».[172]

---

[170] Прибыловский В. Ликург, Чингисхан и Гитлер // Новое время. 1991. № 4. С. 7.
[171] Там же.
[172] Дейч М. Коричневые. М., 2003. С. 20.

Помимо высшей и низшей каст, в «новом» русском государстве планировалось ввести работорговлю, которая предусматривала обращение в рабство и последующую продажу всех не белых, не русских, не арийцев. Сам В. Якушев объяснял это так: «Мы выступаем за рабовладение. Можно в Узбекистане покупать детей и продавать их в леспромхоз куда-нибудь в Сибирь. Если мы будем продавать цветных, мы очень внутренне усилимся…».[173]

Однако подобные идеи В. Якушева оказались абсурдными не только для обычного человека, но и для людей с теми или иными националистическими убеждениями, которые предпочитали вступать в ряды других праворадикальных и экстремистских организаций. Поэтому численность НСС никогда не превышала трех десятков человек. В тоже время, исходя из своих идей, боевики НСС стали активно участвовать в силовых акциях против представителей не русских национальностей, совмещая это с обычной криминальной деятельностью (грабежи, разбой, рэкет). К началу 1993 г. многие члены НСС, включая В. Якушева, оказались осуждены на различные сроки лишения свободы, а организация распалась.

Подобные идеи отстаивал и так называемый «Легион Вервольф», действовавший на территории Московской области в 1993 – 1994 гг. «Легион» насчитывал около 20 человек, объединенных жесткой дисциплиной и личной преданностью своему «фюреру» – лидеру организации, бывшему одесскому предпринимателю И.Н. Пирожку.

Стержнем идеологии «Легиона Вервольф» определялось окончательное решение еврейского вопроса, поскольку евреи рассматривались как главные враги русской нации, подлежащие не депортации, как декларировали представители праворадикальных организаций, а тотальной физической ликвидации. Помимо антисемитизма провозглашался отказ от ущербного гуманизма; освобождение от химер морали, совести и тому подобного по отношению к недочеловекам; отказ от догм общечеловеческих ценностей;

---

[173] Там же.

расизм; антикоммунизм и антилиберализм.[174] В тоже время недолгий срок существования этой правоэкстремистской организации не позволил идеологам «Легиона» создать собственную национал-социалистическую (экстремистскую) идеологию, а не ограничиваться эклектикой из заимствованных идеологических установок германского нацизма, теоретических положений отечественных праворадикалов (многие члены «Легиона» ранее состояли в НПФ «Память» и т.п.).

Таким образом, в 1990-е гг. идеологам правых экстремистов не удалось создать цельную, приемлемую, самобытную, русскую национал-социалистическую идеологию, которая могла бы на равных конкурировать с идеями консервативно-революционного направления. Примечательно в связи с этим мнение руководителя РНС К. Касимовского: «Идеологии русского национал-социализма еще только предстоит быть сформированной. Мы не должны переписывать «Mein Kampf» на русский лад, заменяя слово «немецкий» на «русский», как, к сожалению, любят делать очень многие националисты».[175] Поэтому вначале 2000-х гг. некоторые идеологи правоэкстремистских организаций попытались «вывести» русский вариант национал-социализма.

В связи с этим можно отметить интересную тенденцию. Вначале 2000-х гг. именно правоэкстремистские группы и организации заявляют о себе, как о сторонниках русского национал-социализма, тогда как большинство праворадикальных организаций, в принципе, отвергая использование нелегитимного насилия, остаются на консервативно-революционных позициях (например, НДПР, Союз русского народа и т.д.). Это отнюдь не означает, что все правоэкстремистские организации являются сторонниками национал-социализма. Напротив, многие из тех, чья идеология приобрела экстремистские черты, трансформируясь на основе праворадикальных установок, нередко прямо отвергают «подражательский» национал-

---

[174] Челноков А. Суд над неонацистами из «Легиона Вервольф» // Известия. 2004. 27 января. С. 2.
[175] Касимовский К. Основы нашей идеи // Штурмовик. 1996. № 19. С. 1.

социализм, оставаясь на консервативно-революционных позициях. Здесь необходимо отметить такие экстремистские сообщества: организация под названием «Партия Свободы» (лидер Ю. Беляев) приобрела экстремистский характер на основе трансформации идеологии НРПР; «вторая» ННП, бывший «Молодежный отдел» (лидер С. Токмаков) образовалась после раскола ННП А.К. Иванова; организация «Русское действие» возникла после распада региональных структур РНС; организация «Русский общенациональный союз» (лидер И. Артемьев) – деятельность ее на территории РФ запрещена по решению Верховного Суда за проявления политического экстремизма и т.д.

Тогда как на основе идеологии национал-социализма себя позиционировали: Национал-социалистическое движение «Славянский Союз» (лидер Д. Демушкин); Национал-социалистическое общество (лидер Д. Румянцев); ДПНИ (А. Поткин); ОПД РНЕ (автономные организации РНЕ в регионах); различные региональные скинхедгруппировки (ОБ 88, «Кровь и Честь», Русская цель, Боевая террористическая организация Боровикова и т.д.).

Однако более менее заслуживающая внимание попытка создания именно русской национал-социалистической идеологии была предпринята Д. Румянцевым, одним из руководителей правоэкстремистской организации под названием «Межгосударственная русская организация «Национал-социалистическое общество» (НСО).

Национал-социалистическое общество возникло по инициативе бывших соратников РНЕ и СС, создавших оргкомитет и утвердивших 17 января 2004 г. Устав НСО, в котором одной из задач организации провозглашалась «необходимость обновления идеологии национал-социализма в соответствии с новыми мировыми реалиями; вычленение и усиление в ней всего наиболее ценного, что требуется современной России и одновременно отказ от тех форм и методов, которые скомпрометировали себя в прошлом и показали свою нежизненность».[176] Данная задача стала

[176] Интервью Д. Румянцева журналу «Русская воля» // Русская воля. 2004. № 8. С. 26.

одной из приоритетных для идеологов «новой» национал-социалистической организации и поэтому НСО, в отличие от других правоэкстремистских групп, проявило себя не только в применении прямого насилия против политических оппонентов и прочих «врагов», но и стремлением оправдать экстремистскую деятельность собственной идеологией.

Проект идеологии «русского национал-социализма» был представлен в программной статье Д. Румянцева «Национал-социалистическое государство» и опубликован в феврале 2006 г. В своей статье Д. Румянцев подверг критике праворадикальные организации за отсутствие четкой идеологической системы, отвечающей реалиям XXI в., обратив внимание на то, что «многие организации произвольно выхватывали из национал-социалистической идеологии, наиболее понравившиеся фрагменты, полностью игнорируя другие, и в итоге, идеология превращалась в набор ни к чему не обязывающих общих мест и штампов…».[177] Поэтому крайне необходима модернизация идеологии национал-социализма в соответствии с новыми реалиями развития России и мира.

Модернизированный национал-социализм должен был включать в себя два компонента. Во-первых, это «большая часть книги А. Гитлера «Моя борьба», поскольку, как считал Д. Румянцев: «Наши недоброжелатели или «доброхоты» могут лопнуть от злости, но мы никогда не откажемся от гитлеровского наследия».[178] Но в тоже время необходимо отказаться от архаических пангерманистских представлений А. Гитлера, оставив теорию построения национал-социалистического государства без изменений.

Во-вторых, это работа П.И. Пестеля «Русская Правда», которая «не просто конституция, а фактически проект принципиально нового государства», послужившая стимулом к развитию идеи национал-социалистического государства будущего».[179]

---

[177] Румянцев Д. Национал-социалистическое государство // Корпус. 2006. 24 февраля. С. 3.
[178] Там же.
[179] Там же.

Таким образом, исходя из двух данных установок, Д. Румянцев попытался объединить большинство правоэкстремистских сообществ. Но, несмотря на предпринятые усилия, попытка Д. Румянцева не увенчалась успехом, поскольку идейные установки «русского национал-социализма» фактически повторяли те или иные идеологические положения консервативно-революционного направления и переработанные под российские реалии взгляды А. Гитлера.

Вместе с тем следует отметить, что, во-первых, НСО обладало вполне разработанной (хотя и эклектичной) экстремистской идеологией. Во-вторых, в настоящее время в правоэкстремистской среде проявилась устойчивая тенденция к созданию (разработке) новых идеологических конструкций, отвечающих реалиям XXI в. и способных решить проблему консолидации праворадикальных и экстремистских сил на путях борьбы за завоевание государственной власти.

Помимо светского правого экстремизма, определенное место в политической жизни современной России занимает религиозно-политический правый экстремизм. Особенностью любого религиозно-политического экстремизма в современном мире является приоритет той или иной религии, религиозных взглядов, выраженных через определенный вид политической деятельности в крайних противоправных формах и нуждающихся в силовой защите от «неверных», т.е. сторонников других религиозных учений или атеистов. Поэтому любая правоэкстремистская религиозно-политическая организация в своих мировоззренческих установках ставит на первое место, какое-либо религиозное учение (ислам, христианство, неоязычество и т.д.), а затем уже дополняет его национализмом или расизмом, ксенофобией, неприятием светского типа государственного устройства и т.п. Причем деятельность таких организаций и групп связана с применением политического насилия (терроризм) и направлена на свержение конституционного строя. Именно готовность и способность осуществлять ничем не ограниченное насилие против своих

«врагов» отличает экстремистские религиозно-политические организации от религиозно-фундаменталистских.

В идеологии правоэкстремистских религиозно-политических организаций, как правило, религиозная доктрина соединяется с идеями консервативно-революционного направления (национализм, эгалитаризм, ксенофобия, «новый» мировой порядок и т.д.). Причем, на наш взгляд, идеология религиозно-политических экстремистских организаций складывается путем трансформации религиозно-фундаменталистских идей. Иными словами, в определенной исторической ситуации религиозно-фундаменталистские идеи, соединяясь с политическими установками, существенно радикализуются, приобретая черты экстремистской идеологии. Таким образом, на наш взгляд, религиозно-политическая экстремистская идеология развивается на основе соединения религиозного и политического начал и во многом имеет эклектичный характер.

В современной России религиозно-политическая экстремистская идеология полностью сложилась только у исламистских группировок, тогда как другие религиозно-политические организации (православные и неоязыческие) демонстрируют лишь устойчивую тенденцию к развитию собственных экстремистских идеологий.

В конце XX – начале XXI вв. в России активизировалась деятельность таких исламских организаций, как Международная исламская организация «Спасение», Хизб ут-Тахрир, Братья-мусульмане (Мусульманское братство), Джамаат Ихья Ат-Турас Аль-исламия, Катар, Аль-Каида, финансируемых и направляемых Саудовской Аравией, Пакистаном, Кувейтом и др. Эти организации сыграли огромную роль в финансировании экстремистских группировок Северного Кавказа, выступавших под знаменем ислама. Для этих группировок была характерна практически «открытая пропаганда панисламистских идей объединения всех мусульман региона для вытеснения

России с Северного Кавказа, создания в северокавказском регионе исламского государства».[180]

В тоже время было бы неправильно вслед за российскими СМИ, государственными и общественными деятелями все проявления исламского экстремизма обозначать одним термином «ваххабизм». Проблема заключается в том, что в политической науке не существует однозначного понимания того, что конкретно понимается под термином «ваххабизм». Дело в том, что ваххабизм может пониматься в двух значениях: во-первых, как учение Мухаммада ибн Абд аль-Ваххаба и его последователей (ваххабизм в Саудовской Аравии) и, во-вторых, как термин собирательного характера, характеризующий деятельность всевозможных экстремистских (террористических) группировок в различных регионах мира. Однако сами приверженцы ваххабизма этот термин для самоназвания не используют, предпочитая называть себя салафитами, т.е. последователями салафизма (от араб. «салаф» – древний, предшественник, предок) – истинного ислама. Поэтому мы считаем вполне обоснованным мнение одного из исследователей современного исламизма В.В. Наумкина, утверждающего, что «салафизм» должен употребляться как «общий термин для обозначения всех фундаменталистских течений в исламе. Естественно, что в рамках салафизма могут существовать другие, дробные деления, выделяться те или иные оппозиции (джихадистский – неджихадистский, консервативный – обновленческий и т.п.)».[181]

Таким образом, в своем исследовании мы рассмотрим только крайние проявления в современном салафизме (ваххабизме), а именно идеологию религиозно-политических экстремистских организаций, осуществляющих свою деятельность на территории России, таких как Братья-мусульмане, Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана и т.п.

---

[180] Мамараев Р. Угроза «талибанизации» Северного Кавказа / Азия и Африка сегодня. 2008. № 11. С. 22.
[181] Наумкин В.В. Исламский радикализм в зеркале новых концепций и подходов // Ислам и мусульмане: культура и политика. Статьи, очерки, доклады разных лет. М., 2008. С. 455.

Идеология любой исламской экстремистской организации представляет собой сочетание религиозной доктрины (ислам), интерпретируемой представителями (шейхи, алимы, имамы и т.д.) крайнего салафизма и политическими идеями консервативного толка, используемыми в борьбе за власть. Причем религиозная доктрина трактуется в фундаменталистском виде на основе строгого следования таухиду (единобожие). Единобожие предполагает единственность Аллаха во всех проявлениях, намерениях и действиях. Поэтому поклонение Аллаху должно содержать признание его единства во всех действиях: поклоны земные и поясные, обет, благочестие и набожность, жертвоприношение, мольба, законодательство, государственное устройство и т.д.

Салафиты считают, что «приказы Аллаха распространяются на действия вселенной и также являются юридическими законами в этом мире».[182] Это позволяет им считать светские законы и другие нормативно-правовые акты безбожными проявлениями неверия (куфр) и призывать мусульман к отказу от их исполнения. Отсюда выводится идея о проявлениях неверия в жизни разных людей. Так, мусульманин, придерживающийся основ веры, но совершающий греховные поступки (прелюбодеяние, кража, распитие спиртных напитков) не считается неверующим – кафиром. Тогда как любой человек, принявший другую религию, кроме ислама – кафир. Причем «тот, до кого довели ислам, но он не принял его – он упорно отрицающий кафир или отвернувшийся кафир, а тот же, до кого не дошел ислам – незнающий кафир».[183] С точки зрения салафитских идеологов, все кафиры – враги ислама, против которых долг каждого мусульманина – вести непрекращающуюся войну (джихад), пока или кафиры не примут ислам (или будут платить дань – джизью), или не будут физически истреблены.

Отсюда многочисленны враги «истинного» ислама: во-первых, безбожники (атеисты, коммунисты, марксисты, анархисты и т.д.); во-вторых,

---

[182] Абу Мусаб Ас-Сури. Это наша идеология. Б. г., б. м. С. 3.
[183] Там же. С. 12.

представители Западного мира, вмешивающиеся в дела мусульман; в-третьих, верующие других религиозных конфессий (христиане, иудеи, буддисты, неоязычники и т.п.); в-четвертых, мусульмане-вероотступники (принявшие христианство, иудаизм, поклоняющиеся идолам, могилам праведников, верящие в колдовство, астрологию, амулеты от заговоров и т.д.); в-пятых, так называемые «мусульмане-лицемеры», т.е. те, кто не разделяют идеи салафизма, джихадизма, скрывают «неверие» (не молятся, не постятся и т.п.); в-шестых, представители всех без исключения идеологических течений, кроме салафизма; в-седьмых, отвергающие шариат в качестве единственно возможного источника права. Таким образом, в категорию врагов исламских экстремистов может попасть буквально каждый, без особой разницы мусульманин он или атеист.

Идеологи исламских экстремистских организаций в вопросе о государственном устройстве отвергают, вообще, любую светскую форму правления, считая, что такое государство укрепляет неверие, ослабляет религиозные нормы, пропагандирует образ жизни, подобный безбожному Западу. Для сторонников салафизма характерна идея о перманентной враждебности Запада исламскому миру. Так, современные салафиты утверждают, что исламский мир пришел в состояние упадка, поскольку отклонился от праведного пути, и чтобы вернуть славу и величие Золотого Века, «следует возвратиться к истинной вере и традициям предшественников, особенно пророка Мухаммада и его соратников».[184] Естественно, виновным в упадке исламского мира объявляется Запад, который неумолимо враждебен исламу и поэтому единственным условием борьбы с ним является джихад. Здесь мы видим использование исламистами достаточно популярной на современном Западе хантингтоновской теории «столкновения цивилизаций». Так, по мнению Усамы бин Ладена: «Это борьба – борьба идеологическая и религиозная, и это столкновение есть

[184] Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М., 2008. С. 13.

столкновение цивилизаций. США и Запад стремятся уничтожить исламскую идентичность во всем исламском мире».[185]

Естественно, безбожному светскому государству салафиты противопоставляют теократию (подобно Халифату при первых праведных имамах), основанную на религиозных законах (шариат), строгой внутренней иерархии и отсутствии любых демократических институтов. По мнению одного из идеологов «Высшего военного Маджлисуля Шуры Объединенных сил моджахедов Кавказа» Абу Мусаба Ас-Сури: «Религия Аллаха на земле и на небесах одна – это Ислам. Мы исповедуем религию Ислам и отрекаемся от такого современного кафирского новшества по имени демократия. Поэтому мы считаем кафирами тех, кто издавал законы вместо Аллаха, согласно демократической религии».[186]

Вместе с тем, практически для всех исламских экстремистских организаций характерно провозглашение основной цели – создание Халифата, «возврат» в «Золотой Век» ислама, т.е. упразднение в исламском мире национальных (светских) государств и восстановление былого величия исламского мира в едином государстве, простирающемся от Марокко до Филиппин. По мнению Р.Я. Эмануилова и А.Э. Яшлавского: «Конечная задача борьбы в этом контексте – установление обновленной всемирной исламской нации (уммы) под властью истинного халифа, полностью осуществляющего шариат».[187]

Восстановление халифата и война против «неверных» (джихад) – основа идеологии любой исламской экстремистской организации. Причем джихад у исламских экстремистов считается одним из столпов ислама, т.е. это поклонение и обязанность истинных мусульман, вплоть до Судного Дня и поэтому лидеры и идеологи исламских экстремистских организаций рассматривают джихад как бессрочную борьбу с «неверными» в этом мире. По мнению К. Ханбабаева: «Для обоснования возможности насилия над

---

[185] Quotations from Osama Bin Laden / By B.K. Berner. New Delhi. 2007. P. 34.
[186] Абу Мусаб Ас-Сури. Указ. соч. С. 16.
[187] Эммануилов Р.Я., Яшлавский А.Э. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения. М., 2010. С. 107.

всеми, кто не подчинился воле Аллаха, радикальными исламистами используется известная идея, согласно которой мусульманин обязан побуждать всех следовать тому, что предписано шариатом, и предотвращать совершение запрещаемого им».[188]

Поэтому пропаганде и обоснованию терроризма в идеологии исламских экстремистских организаций отводится особая роль. Так, один из идеологов организации «Братья-мусульмане» шейх Абдуль-Кадир ибн Абдуль-Азиз разъяснял: «Террор является частью Ислама, а кто отрицает это, тот впал в неверие».[189] Не могут остановить теракт и возможные жертвы из среды мирного населения, поскольку, как считал шейх, «существует мнение о том, что гражданские люди – мирные жители, это неверно, так как большинство мужчин и женщин из них являются военнообязанными, что касается убийства стариков и детей, то статус неверия у них такой же, и нет греха в их убийстве…».[190]

Подобные идеологические установки и постоянная готовность к их осуществлению, позволяют считать исламский религиозно-политический экстремизм одной из основных угроз общественной безопасности, как в мире в целом, так и в современной России.

В тоже время в России пока не приходится говорить о наличии четко сформулированной экстремистской идеологии у других религиозно-политических организаций, принадлежащих, например, к православию, католицизму, буддизму, родноверию (неоязычеству) и т.д. Но следует отметить, что существуют условия для возможной трансформации радикальных религиозно-политических идей в экстремистские. И эти условия проявляются, главным образом, в существовании религиозно-политических радикальных организаций, как в среде православия, так и неоязычества.

---

[188] Ханбабаев К. Исламский радикализм на Северном Кавказе / Свободная мысль. 2007. № 3. С. 106.
[189] Абдуль-Кадир ибн Абдуль-Азиз. Терроризм является частью ислама, кто отрицает, тот впал в неверие. Б.г., б. м. С. 3.
[190] Там же.

Так, в России вначале 2000-х гг. возникла религиозно-политическая православная праворадикальная организация «Русское православное национал-социалистическое движение» (РПНСД). Нередко в СМИ используется и другое название РПНСД – Свято-Михаило-Архангельская община ИПХ (истинно-православных христиан). РПНСД было создано в 2001 г. бывшими соратниками Пермского регионального отделения РНЕ. По мнению активистов РПНСД, целью движения является «создание православно-теократического государства, политический строй которого определяется как национал-социализм».[191] В случае прихода к власти соратники РПНСД планируют установить режим апартеида (православие понимается как религиозно-расовая доктрина), «учредить единый государственный банк в условиях плановой экономики, ввести наказания за религиозно-расовые преступления, создать православную армию с всеобщей воинской обязанностью».[192]

В качестве действенных методов борьбы идеологи РПНСД называют осуществление террористической деятельности против «безбожных властей» и «расовых врагов». Так, террор рассматривается как признак «подлинной религиозности»: «Если ты христианин, ты также занимаешься политикой в любой форме. Это может быть чем угодно: листовки, террор, подкуп должностных лиц – что угодно, потому что ты находишься в перманентном конфликте с существующем обществом…».[193]Интересно, что считая ислам – страшнейшим врагом для христиан, идеологи РПНСД соглашаются с путем террора, на который встали некоторые исламисты для достижения своих политических целей и поэтому единственную возможность «спасти Россию» видят в «ортодоксально-православном Русском джихаде».[194]

Однако в отличие от террористической деятельности, осуществляемой исламскими экстремистами, лидеры и идеологи РПНСД на сегодняшний

---

[191] Основы идеологии и деятельности РПНСД // Мировоззрение. 2003. № 2. С. 2.
[192] Основные положения Программы РПНСД // Мировоззрение. 2003. № 2. С. 3.
[193] Интервью владыки Амвросия, архиепископа Готфскаго и всех северных земель // Мировоззрение. 2005. № 2. С. 3.
[194] Бычков Р. От протеста – к Сопротивлению // Мировоззрение. 2005. № 3. С. 1.

день ограничиваются лишь такой вот своеобразной «декларацией о намерениях», не осуществляя конкретных призывов, не организовывая и не планируя реальных террористических актов. По мнению А. Шеховцова, разговоры о необходимости осуществления террористической деятельности нужны руководству РПНСД «для поддержания радикалистского имиджа».[195]

Вместе с тем, по нашему мнению, обоснование и готовность к осуществлению террористической деятельности соратниками РПНСД, позволяет утверждать, что, во-первых, в настоящее время праворадикальные установки этой организации трансформируются в экстремистскую идеологию, которая уже непосредственно будет пропагандировать необходимость использования политического насилия. Во-вторых, в случае перехода соратников РПНСД к совершению экстремистских действий (терроризм) можно будет говорить о появлении в России православной религиозно-политической экстремистской организации, реально применяющей различные виды насилия для достижения своих политических и религиозных целей, подобно исламским экстремистам. В-третьих, уже на данном этапе можно предположить, что идет процесс формирования устойчивой тенденции в российской крайне правой среде, проявляющийся в трансформации праворадикальных организаций в экстремистские на основе дальнейшей экстремизации их идеологических установок. И эта тенденция одинаково характерна как для светского правого экстремизма, так и для религиозно-политического.

Схожая тенденция проявляется и в деятельности так называемых «родноверческих» (неоязыческих) организаций и групп. Первые такие организации появились в России в конце 80-х гг. XX века. Это созданное В. Безверхим в Ленинграде «Общество волхвов», Федерация Славяно-горицкой борьбы А. Белова, Нижегородская областная языческая община А. Рыбина и ряд других. Вскоре процесс создания неоязыческих общин, групп и

---

[195] Шеховцов А.В. Религиозно-националистический радикализм и политический процесс. На примере Русского национал-социалистического движения // Верхи и низы русского национализма / Сост.: А. Верховский. М., 2007. С. 221.

организаций охватил более 20 субъектов РФ. Как отмечает исследователь российского неоязычества Ф. Овсиенко: «Обращение к неоязычеству наблюдаются в результате разочарования части населения в православии и отходе от него в связи с тенденциями бюрократизации церкви, оценкой ее позиций в обществе как недостаточно самостоятельных в решении ряда социально значимых проблем. Участие в деятельности неоязыческих общин рассматривается также отдельными адептами как форма противостояния официальным властям с их тягой к западным ценностям, как противодействие бездуховности».[196]

Однако с момента своего возникновения многие неоязыческие группы стали приобретать политизированный характер, становясь религиозно-политическими праворадикальными организациями (Союз славянских общин (ССО), Русское освободительное движение (РОД), Союз венедов, Союз славян, Солнцеворот, Церковь Нави и др.). Так, например, существовавший в 1990 – 1992 гг. Союз венедов выступал за «осуществление национальной революции» и за «объединение арийских народов, занимающихся хлеборобством, в единую империю – от океана до океана, от южных гор до северных морей».[197]

Политическая радикализация неоязыческих объединений, по нашему мнению, была связана, во-первых, с отсутствием четких представлений о древнеславянских языческих обрядах, ритуалах, мировоззренческих установках. В большинстве случаев язычество понималось, да и понимается как некая «национальная религия» (этническая), присущая древним славянам-ариям, а значит и современному русскому этносу. Поэтому славянское язычество представители многих националистических организаций и групп пытались приспособить для обоснования своих представлений о «истинной» религии русского народа. Во-вторых, слабая просветительская (миссионерская) деятельность Русской православной

---

[196] Овсиенко Ф. Неоязычество // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М., 2006. С. 693.

[197] Заславский С.Е., Коргунюк Ю.Г. Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие. М., 1996. С. 153.

церкви вместе с отсутствием у россиян устойчивых знаний и представлений о православии, его обрядовой стороне, культуре привели к росту различных сект, появлению нетрадиционных религиозных учений, в том числе возникло увлечение неоязычеством, понимаемом большинством адептов как соединение религии и политики для достижения «мирских» практических целей. В-третьих, некоторые лидеры правоэкстремистских организаций понимали, что в связи с отсутствием четких представлений о язычестве, отрывочности знаний о нем, очень удобно использовать данное мировоззрение для обоснования своей деятельности, в том числе с целью привлечения в свои ряды участников различных неоязыческих группировок. Так, можно отметить, что неоязыческую риторику использовали такие правоэкстремистские организации как НСС, Легион Вервольф, НСО и др.

В тоже время говорить о существовании какой-то стройной неоязыческой идеологии пока не приходится. Хотя различные неоязыческие теоретики, такие как А. Добровольский (Доброслав), В. Казаков, П. Тулаев, В. Авдеев, А. Аратов, А. Иванов пытаются представить собственное видение неоязычества, активно занимаясь публицистической и пропагандистской деятельностью. Как правило, для обоснования своих идей ими используются труды европейских «новых правых»: Алена де Бенуа, Гийома Фея, Роберта Стойкерса, Эдоардо Лонго и др. У российских исследователей древнерусского язычества заимствуются идеи академика Б.А. Рыбакова, А.Ф. Лосева, В.Н. Топорова, труды по мифологии В.Я. Проппа, филологические очерки Н.С. Трубецкого и т.д.

Однако данные неоязыческие изыскания А. Добровольского, П. Тулаева, В. Авдеева и других больше посвящены не изучению традиций, обрядов, ритуалов древнеславянского язычества, а попыткам выработать именно политическую идеологию на основе использования языческих представлений наших далеких предков.

Причем одной из центральных проблем работ этих авторов выступает жесткая критика православного христианства и деятельности РПЦ. Нередко

эта «критика» носит подчеркнуто хулиганский, оскорбительный характер. Так, христианство неоязычники отвергают как иудейскую выдумку, призванную превратить всех гоев в рабов. Один из лидеров неоязычников А. Добровольский (Доброслав) в своей «программной» работе подчеркивал, что «христианство лишь подстилка сионизма, религия, делающая людей рабами без всякой борьбы. Срочно необходимо осознать: идет отечественная война против иудейских поработителей».[198] Нетрудно заметить, что для политизированного неоязычества главным является не собственно возрождение дохристианских религиозных верований славян, а примитивное антихристианство, порой сравнимое с обычным атеизмом, стремление, таким образом, повлиять на мировоззрение российских граждан, преимущественно молодого поколения.

Характерно для неоязыческих идеологов и апеллирование к расовым идеям, поскольку, по их мнению, именно расовая арийская идея больше соответствует процессу консолидации русского народа и служит основой для объединения белых европейских народов. Так, в разных интерпретациях арийство предстает как обозначение нордической или белой расы, что повторяет известные нацистские представления.

Помимо расовой теории многим идеологам неоязычества близки национал-социалистические идеи. Так, своеобразная попытка дополнить национал-социализм неоязычеством предпринята в работах А.А. Добровольского (Доброслав). Доброслав позиционирует себя как одного из крупнейших идеологов современного русского национал-социализма и полагает, что «русский национал-социализм есть политическое выражение русской национальной идеи. РНС (русский национал-социализм) – единственно подлинно русская, народная, созидательная и победоносная идеология: идеология сохранения русских как нации и Руси как державы».[199] Вместе с тем, помимо пропагандистской риторики, Доброслав фактически не

---

[198] Добровольский А.А. Язычество как волшебство. М., 2005. С. 251.

[199] Доброслав. Язычество как духовно-нравственная основа русского национал-социализма // Коловрат. Вестник Барнаульской организации РНЕ. 2001. № 1. С. 3.

раскрывает своего понимания содержания «русской национал-социалистической идеологии», как впрочем, и другие сторонники русского национал-социализма из среды представителей неоязыческих организаций и групп.

На наш взгляд, идея возрождения древнеславянской языческой традиции зачастую используется как своего рода ширма для маскировки правоэкстремистской деятельности различных организаций и групп (НСО, НСС, Легион Вервольф и др.). В тоже время, поскольку четких представлений о структуре государства, органов власти и управления, экономических, социальных и прочих отношений у идеологов неоязычества нет, поэтому неоязыческие религиозно-политические организации напрямую вопрос о немедленном завоевании власти не ставят, а стремятся решать общие для многих групп задачи. Такие как: расширение поля деятельности (региональный фактор), пропаганда неоязычества (мировоззренческий фактор), постоянно предпринимаемые попытки объединения неоязыческих групп в единую партию, открыто действующую на политической арене современной России (интегральный фактор).

В целом, несмотря на то, что существует множество неоязыческих групп, разбросанных по многим регионам России, группы эти в большинстве случаев малочисленны и еще пока не стали субъектами экстремистской деятельности. Однако для российского общества потенциальной угрозой является то, что существует устойчивая тенденция, проявляющаяся, во-первых, в использовании неоязыческих идей для обоснования деятельности правоэкстремистских групп; во-вторых, в стремлении разного рода теоретиков все-таки создать идеологию русского национал-социализма (на основе базовых установок современного неоязычества), которая, по всей видимости, будет носить экстремистский характер; в-третьих, различные экстремистские идеи, в том числе и в неоязыческой обертке, не ограничены только кругом непосредственных приверженцев, но и получают широкое

распространение в обществе, став устойчивым элементом молодежной субкультуры (например, российских скинхедов).

Таким образом, рассмотрев особенности идеологии правого экстремизма, можно сделать следующие выводы:

1. В идеологическом плане в развитии правого экстремизма в современной России можно выделить два этапа. Первый этап охватывает 1990-е гг. и связан с трансформацией праворадикальных идей в экстремистскую идеологию. Этот процесс был вызван углубляющимся социально-экономическим кризисом, ростом безработицы, преступности, обнищания значительной части населения и т.д. Второй этап (начало 2000-х гг.) характеризуется не только продолжившейся трансформацией праворадикальных установок в экстремистские, но и началом создания уже собственно экстремистских организаций на основе складывающейся правоэкстремистской идеологии.

2. Правый экстремизм должен рассматриваться как сложное политическое явление, проявляющееся в двух основных видах, таких как светский и религиозно-политический экстремизм. Светский правый экстремизм позиционирует себя в связи с той или иной национальной идеей, выраженной в достаточно крайних формах неприятия «чужих» культурных, национальных, духовных и прочих норм и ценностей. Такой вид экстремизма основан на националистических, расистских и неонацистских (неофашистских) взглядах. Другой разновидностью правого экстремизма является религиозно-политический экстремизм, который, базируется на сочетании религиозной доктрины с правоэкстремистскими идеологическими установками. Религиозно-политический экстремизм занимает радикальную позицию по отношению к светскому государству, но стремится к преобразованию общества на основе консервативных ценностей.

3. Совершение насильственных действий правыми экстремистами объясняется и оправдывается на основе определенного набора мировоззренческих установок, а также путем попыток создания собственной

оригинальной экстремистской идеологии. Однако в идеологических конструкциях правоэкстремистских организаций присутствует определенная эклектика, выраженная в использовании разного рода идей, теорий, учений. Таким образом, процесс создания самобытной правоэкстремистской идеологии в современной России еще далек от своего завершения, но, тем не менее, уже сложились основные идеи и ценности правого экстремизма.

2. 3 Идеология левого экстремизма

История организованного левого экстремизма в России уходит своими корнями в XIX в. и связана, прежде всего, с террористической деятельностью организации «Народная воля», действовавшей с января 1878 по март 1881 г. Программа «Народной воли» принятая в декабре 1879 г. провозглашала, что «только на социалистических началах человечество может воплотить в своей жизни свободу, равенство, братство, обеспечить общее материальное благосостояние и полное, всестороннее развитие личности, а стало быть, и прогресса».[200] Для этого народовольцы планировали «произвести политический переворот с целью передачи власти народу», а основным методом борьбы считали террор, полагая, что «террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, имеет своею целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, революционный дух народа и веру в успех дела и, наконец, формировать годные и привычные к бою силы».[201]

Реализуя свою программу народовольцы в августе 1878 г. убили генерала Мезенцева, шефа Третьего отделения, раннее Вера Засулич стреляла в генерал-губернатора Петербурга. Ну, а пиком террористической деятельности «Народной воли» можно считать подготовку к покушению на императора Александра II, который в сентябре 1879 г. был «приговорен к

---

[200] Революционное народничество 70-х годов XIX века. М., 1965. Т. 2. С. 170.

[201] Будницкий О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону, 1996. С. 113.

смерти» революционным трибуналом «Народной воли». После покушения на царя 1 марта 1881 г., организация была разгромлена и прекратила сколько-нибудь активную террористическую деятельность, переключившись на организационную и литературно-просветительскую работу в эмиграции. Таким образом, организация «Народная воля» фактически являлась родоначальницей организованного левого экстремизма в России.

Вообще, конец XIX в., как впрочем, и начало XX в. в России было отмечено вспышкой террористической деятельности, как левоэкстремистских, так и правоэкстремистских организаций и групп. Однако наибольшую известность получила «Боевая организация партии социалистов-революционеров», созданная по инициативе Г.А. Гершуни в 1901 г. Деятельность Г. Гершуни, а впоследствии Е. Азефа и Б. Савинкова привела к широкомасштабному использованию террора в политической борьбе в начале XX века. Жертвами «Боевой организации» были генерал-губернаторы, градоначальники, прокуроры, полицмейстеры, генералы и адмиралы, присяжные поверенные и прочие должностные лица Российской Империи.

Мы не случайно обратились к истории левого экстремизма конца XIX – начала XX в., поскольку экстремистская деятельность боевых организаций народовольцев, эсеров, анархистов разительно отличается от «демонстрационного терроризма» левых экстремистов конца XX – начала XXI в. И отличие здесь не только в «кровавости» или жестокости терактов, совершенных, например, «Боевой организацией партии социалистов-революционеров», но и в идеологической обоснованности использования методов политического насилия.

К современным левоэкстремистским организациям, действовавшим в России в 1990-х гг. и активно использовавшим теракты как средство политической борьбы можно отнести «Новую Революционную Альтернативу» (НРА) и «Революционный Военный Совет» (РВС). Кроме них, в подготовке терактов участвовали отдельные представители (одиночки)

РКСМ (б), АКМ ТР (Авангард красной молодежи движения «Трудовая Россия»), анархистской группы под названием «ФАК» («Федерация Анархистов Кубани»). Деятельность данных организаций, главным образом, НРА и РВС позволяет выделить два направления в современном российском левом экстремизме – анархистское и левокоммунистическое.

В тоже время обращает на себя внимание, во-первых, малочисленность (по «делу» НРА было арестовано – 7 человек, по РВС – 6) представителей левого экстремизма 1990-х гг. в сравнении с их предшественниками конца XIX начала XX в., что, безусловно, объяснимо исходя из социально-экономических, политических, духовных различий между эпохами. Во-вторых, из множества современных левых организаций, групп, сообществ выделились всего две организации (НРА и РВС), которые изначально создавались для осуществления экстремистской деятельности. Тогда как РКСМ (б), АКМ и многие анархистские группы по пути экстремизма не пошли (и даже его осудили в своих официальных документах), оставшись хоть и маргинальными, но вполне легальными участниками российской общественно-политической жизни. В-третьих, террористические акты, осуществленные левыми экстремистами 1990-х гг., носили, преимущественно, демонстрационный характер (исполнители стремились, по возможности, избежать массовых жертв) и были направлены, главным образом, на повреждение или уничтожение материальных объектов (помещения военкоматов, памятники Петру I и Николаю II, общественная приемная ФСБ, мемориальная плита и т.д.).

Подробно проявления левого экстремизма, в том числе, в деятельности НРА и РВС, мы рассмотрим в следующей главе, сейчас же проанализируем основные идеологические установки данных левоэкстремистских организаций.

В начале 1996 г. образовалась левоэкстремистская организация «Новая Революционная Инициатива» (НРА), в которую вошли представители от различных анархистских групп, главным образом, входящих в «Ассоциацию

Движений Анархистов» (АДА), а также несколько членов одного из поныне действующих «комсомолов» – РКСМ (б). До недавнего времени среди левых радикалов, публицистов, обществоведов велись споры об идеологической ориентации НРА, то есть, являлась ли она организацией «новых левых», или какой другой более «традиционной» (комсомол, анархисты и т.д.) левой структурой. Однако исследование, проведенное Д.Е. Бученковым, позволяет утверждать, что в данной группе состояли преимущественно представители различных анархистских организаций, таких как «Московский Клуб Анархистов, Ассоциация Движений Анархистов, «Хранители радуги», Федерация Анархистов Кубани, Иркутская организация Конфедерации Анархо-Синдикалистов».[202] Представителей РКСМ (б), судя по письму одного из лидеров НРА А. Бирюкова, в рядах организации было всего трое.[203] Таким образом, НРА была, по всей видимости, единственной в то время анархистской организацией, пытавшейся осуществлять регулярную экстремистскую деятельность на территории постсоветской России.

Идеология НРА в силу различных причин: относительно недолгий срок существования организации, нелегальный (закрытый) характер, предполагающий отсутствие теоретических дискуссий, отсутствие общепризнанного идеолога (или участника, ответственного за разработку идеологии) в группе, участие в деятельности организации представителей разных идеологических направлений (главным образом, анархо-коммунистов и сторонников марксизма-ленинизма) приобрела четко выраженный эклектичный характер. Тем более что НРА создавалась изначально как экстремистская организация и поэтому не прошла этап трансформации леворадикальных идей в экстремистские. Но это не означает, что организация «Новая Революционная Альтернатива» вообще не имела никакой идеологической системы. Напротив, любая экстремистская деятельность всегда идеологически обоснована, другое дело, что для этого

---

[202] Бученков Д.Е. Анархисты в России в конце XX века. М., 2009. С. 130.

[203] Бирюков А. Письмо политзаключенного Александра Бирюкова в редакцию анархистского бюллетеня «Права и воля» // Права и воля. 2001. № 7. С. 3.

обоснования экстремисты используют своеобразный набор из различных, нередко плохо сочетаемых между собой учений, доктрин, теорий и т.д.

Большинство участников НРА (А. Бирюков, Л. Романова, О. Невская и др.) были сторонниками левого (антикапиталистического) направления в современном анархизме, представленного в организации анархо-коммунизмом и развитого в трудах П.А. Кропоткина и близких ему теоретиков, таких как Э. Малатеста, М. Букчин и др.

Целью анархо-коммунизма или либертарного коммунизма является установление безвластного общества, основанного на взаимопомощи и солидарности всех людей. Анархо-коммунизм исходит из идеи о том, что свободное общество должно состоять из самоуправляющихся коммун и общин, внутри которых действует принцип прямой демократии и в которых организовано коллективное использование средств производства. Подобно марксистам анархо-коммунисты выступают за бесклассовое общество – коммунизм, в котором не будет частной собственности, государства, эксплуатации человека человеком. Однако в отличие от марксистов-ленинцев анархо-коммунисты против создания авангардной пролетарской партии и установления диктатуры пролетариата.

Следование анархо-коммунистическим идеям, отрицающим необходимость создания авангардной пролетарской партии, отразилось и на представлениях большинства участников о роли и месте НРА в революционном движении. Так, большинство членов НРА придерживалось анархистских взглядов и поэтому отвергло необходимость создания централизованной организации по типу политической партии со своим руководством, техническим аппаратом, иерархией участников, программными документами, уставом и т.д. По мнению Д.Е. Бученкова, организация НРА рассматривалась ее участниками, как, прежде всего, революционное сообщество, созданное для осуществления практической (террористической) деятельности в отличие от бесконечных разговоров о

революции в среде российских леворадикалов.[204] Поэтому задача НРА была не в том, чтобы возглавить революционное движение, а в том, чтобы своим примером показать возможность и необходимость революционной борьбы с правящим режимом в РФ. Тем более отвратительной для НРА была идея захвата власти ради власти, поэтому ее члены считали себя теми, «кому чужда борьба за власть и бездумная свара за лучшее место под солнцем».[205]

Основой идеологии НРА была идея социалистической революции как необходимого способа для общественных преобразований, уничтожения государства, классов, наций и т.д. Однако представление об этой революции у членов организации было разным. У анархистской части НРА взгляды на осуществление революции так или иначе были связаны с теоретическим наследием П.А. Кропоткина. Он считал, что «наступление нового строя произойдет путем социальной революции, т.е. посредством насильственного ниспровержения старого строя, которое хоть и совершится само собой, но подготовление к которому есть обязанность тех, которые предвидят ход развития».[206] Поэтому задачей всех тех, которые предвидят ход развития, должно быть подготовление умов к предстоящей революции. По мнению П.А. Кропоткина, это и есть задача тайных обществ и революционных организаций. Прежде всего «необходимо проповедовать цель революции и словом и делом, пока она ко дню восстания не станет вполне популярной; необходимо объявление войны современному обществу, попытки восстания, акты мести при которых один акт рождает другие…».[207] Нетрудно предположить, что под «актами мести» левые экстремисты понимали подготовку и осуществление террористических актов против институтов политической системы. Поэтому анархо-коммунисты полагали, что осуществление экстремистских действий, главным образом,

---

[204] Бученков Д.Е. Указ. соч. С. 131.
[205] Заявление № 1. Новая Революционная Альтернатива // Д.Е. Бученков. Анархисты в России в конце XX века. М., 2009. С. 131.
[206] Эльцбахер П. Анархизм. Суть анархизма. М., 2009. С. 169.
[207] Там же. С. 176 – 177.

демонстрационных терактов как раз и будет пропагандой революции, воздействием на умы, примером для подражания и т.д.

Тогда как другая часть НРА, стоящая на позициях РКСМ (б) и разделяющая базовые положения марксизма-ленинизма, исходила из убеждения, что «единственный путь победы коммунизма – коммунистическая революция, первым этапом которой будет социалистическая революция, которая приведет рабочий класс к власти – диктатуре пролетариата, как последней форме государства».[208] Поэтому сторонники марксизма-ленинизма рассматривали НРА как боевой авангард пролетариата, который хотя и не должен возглавить пролетариат, но должен попытаться развязать пролетарскую (социалистическую) революцию. Однако в отличие от большинства членов РКСМ (б) «комсомольцы» из НРА полагали, что пустыми обсуждениями, мирными митингами и шествиями пролетарскую революцию не развязать и поэтому остановились на заведомо экстремистских способах борьбы, что, по всей видимости, и привело их в ряды НРА.

В тоже время «комсомольцы» расходились во взглядах на осуществление социалистической революции с анархистским крылом НРА. Поскольку считали, что будущая революция не совершится сама собой и поэтому ее необходимо тщательно организовать, придать необходимый импульс даже путем террористических актов. Таким образом, «комсомольцы» предполагали, что смогут с помощью демонстрационных терактов искусственно создать революционную ситуацию и побудить народ к осуществлению революции. Хотя классики марксизма предупреждали в свое время об ошибочности таких взглядов на революцию.

Однако, в целом, члены НРА предполагали революционным путем изменить политическую систему и соответствующими действиями доказать, что они выступают принципиально не только против всех институтов и

---

[208] Программное заявление Революционного Комсомола – РКСМ (б) // Сборник материалов по молодежной политике. М., 2008. С. 7.

органов классового врага, против государственных инстанций и спецслужб, но и против всех официальных представителей этих учреждений и организаций, против высших чиновников, судей, директоров, олигархов, «новых русских» и т.д.

Революция должна быть направлена, прежде всего, против «государственно-милитаристской системы» и поэтому «должна иметь не авторитарный, а справедливый характер», что действительно «приведет к установлению свободного общества».[209] Вообще, проблема борьбы с государством носит основополагающий характер для любой анархистской организации. Сторонники анархо-коммунизма и анархисты других направлений (например, правого анархизма) в НРА одинаково расценивали государство как препятствие для развития человечества, как «абсолютное Зло», и поэтому революция должна с первого дня уничтожить окончательно государство и все государственные учреждения. Тогда как сторонники марксизма-ленинизма (согласно теории) предполагали необходимым установление диктатуры пролетариата как последней формы государственного устройства. Тем не менее как отмечал А. Бирюков, вопрос о судьбе государства широкого обсуждения в НРА не получил, поскольку мог привести к спорам и разногласиям, хотя позицию анархистов разделяло большинство членов организации.[210]

Объединительным началом между анархистами и «комсомольцами» в НРА было негативное отношение к так называемому «государственному милитаризму». А именно члены организации критиковали войну в Чечне, всеобщую воинскую повинность, неуставные отношения в армии и т.д. Большинство членов НРА оценивало войну в Чечне со стороны России – как империалистическую и колониальную, определяя ее «не как внутрироссийский конфликт по усмирению взбунтовавшегося субъекта Российской Федерации, а как имперское завоевание пытающейся сохранить

---

[209] Заявление № 1. Новая Революционная Альтернатива // Д.Е. Бученков. Анархисты в России в конце XX века. М., 2009. С. 131.
[210] Бирюков А. Указ. соч. С. 3.

свой авторитет империи».[211] В силу чего члены НРА пытались обратить внимание общества на необходимость прекращения войны демонстрационными терактами в помещениях московских военкоматов в отличие от большинства левых организаций, собирающих немногочисленные митинги протеста или распространяющих агитационные материалы. Интересно, что после ареста активистов НРА, уже в ходе контртеррористической операции в Чечне в 2000-х гг., анархисты использовали сугубо мирные формы протеста – пикеты, митинги, граффити.

Любая экстремистская идеология определяет образ врага, который служит непреодолимым препятствием на пути к строительству светлого будущего и поэтому нуждается в четкой конкретизации и последующей изоляции или физической ликвидации. Безусловно, основной враг для левых экстремистов не только буржуазное государство, но и вся система капиталистических отношений. Однако такая точка зрения характерна не для всех сторонников анархистских взглядов. Среди участников НРА на антикапиталистических позициях стояли анархо-коммунисты и «комсомольцы», тогда как представители «Ассоциации Движений Анархистов» (АДА) имели собственную точку зрения, которую можно охарактеризовать как правый анархизм.

Правый анархизм, в отличие от анархо-коммунизма основывается на принципе естественных прав, признании свободных рыночных отношений, существовании частной собственности, которая была приобретена благодаря труду, торговле или получена в подарок. Поэтому основой правого анархизма является такое течение анархистской мысли, как анархо-капитализм, выражающийся в отрицании любой формы государственной власти, но в поддержке конкурентоспособного рынка как основного механизма для развития свободного общества.

По мнению Д.Е. Бученкова: «Правые анархисты делают больший акцент на персоналистском начале анархистского мировоззрения, в то время

[211] Бученков Д.Е. Указ. соч. С. 61.

как левые чаще предпочитают говорить о «массах», «пролетариате», «классах» – то есть о социальных группах».[212] Действительно, персонализм правого анархизма объясняется идеями анархо-индивидуализма (Штирнер М., Таккер Б., Ротбард М., Боровой А. и др.), отстаивающего положение о том, что «индивидуальная собственность и преследование личного интереса не должны быть ограничены никаким коллективом или органом государственной власти».[213] Поэтому анархо-индивидуалисты поддерживают идею сохранения частной собственности, в то время как анархо-коммунисты считают ее одной из причин существования эксплуатации и высказываются за ее уничтожение. Таким образом, правые анархисты видят своим идеалом мелкотоварное неиндустриальное общество и выступают за равное распределение частной собственности.

В тоже время данная точка зрения анархистов из организации «АДА» не являлась мнением большинства и поэтому можно утверждать, что экстремистская идеология НРА была как антигосударственной, так и антикапиталистической.

В целом, социально-экономические представления членов НРА, изложенные в «Заявлении № 1», были ограничены простым перечислением негативных явлений российского капитализма – затяжной экономический кризис, инфляция, обнищание населения вследствие «шоковой терапии» рыночных реформ, рост безработицы и социального неравенства, усиление эксплуатации трудящихся, коррупция и бюрократизация в обществе.[214] По всей видимости, глубокий теоретический анализ экономических проблем России участниками НРА не осуществлялся, поскольку, на наш взгляд, во-первых, НРА создавалась как организация прямого действия и легально пропагандировать свои идеи в обществе не планировала. Во-вторых, особенностью практически всех экстремистских идеологий является сознательное упрощение своих мировоззренческих установок, придание им

---

[212] Там же. С. 98.
[213] К анархо-индивидуализму… // Винтовка. Ярославль. 2001. № 1. С. 2.
[214] Заявление № 1. Новая Революционная Альтернатива // Д.Е. Бученков. Анархисты в России в конце XX века. М., 2009. С. 131.

лозунговой формы в целях более яркого, доступного обоснования совершения тех или иных экстремистских действий.

В отличие от леворадикальных организаций и групп, НРА была нацелена на использование террористических действий, что, естественно, ставило вопрос о важности их обоснования, а так же необходимости приятия именно таких действий всеми участниками этой организации. Как отмечал в своем письме А. Бирюков: «Будет правильным считать НРА организацией левой направленности, оказывающей сопротивление антинародной политике правящего режима, в том числе и террористической деятельностью».[215] Террористическую деятельность, согласно письму А. Бирюкова, участники НРА пытались обосновать, исходя из заимствования идей виднейших представителей анархистской мысли – М. Штирнера и Ж. Сореля.

Согласно М. Штирнеру: «Преступление есть насилие отдельного человека, и только посредством преступления отдельный человек уничтожает насилие государства, когда он полагает, что не государство должно быть выше его, а он – выше государства. Теоретическая борьба не может дать места полной победе, и святая сила мысли подчиняется насилию эгоизма».[216] В борьбе с государством и его институтами М. Штирнер оправдывал всякое средство, ничуть не считаясь с нормами общественной морали: «Ни перед каким делом я не остановлюсь только потому, что в нем будто бы живет дух безбожия, безнравственности, несправедливости, точно так же, как святой Бонифаций не отказался из-за религиозных соображений от срубления языческого дуба».[217] Фактически об этом (об использовании всяких средств в борьбе) пишет и А. Бирюков: «Мы боремся с государством, с режимом своими средствами, а он борется своими. Мы сознательно вели и ведем войну с государством, и с точки зрения государства далеко не невинные агнцы».[218]

---

[215] Бирюков А. Указ. соч. С. 4.
[216] Эльцбахер П. Указ. соч. С. 112.
[217] Там же. С. 113.
[218] Бирюков А. Указ. соч. С. 4.

Не менее важную роль сыграли в обосновании насильственных действий взгляды французского философа, теоретика революционного синдикализма Жоржа Эжена Сореля. Сорель в политической борьбе отдавал предпочтение прямому действию: насилие, бойкот, саботаж, забастовка и т.д. Причем политическое насилие понималось как насилие во имя великой цели, не знающее при этом никаких моральных преград – это делало идеи Сореля привлекательными для всех, кто стремился к быстрым и крайним средствам борьбы.

Вершиной апологии насилия является его знаменитое произведение «Размышления о насилии», впервые опубликованное в 1906 г. и принесшее Сорелю мировую известность. В книге Ж. Сорель с большой силой выразил идеи пролетарского насилия и героической морали, теорию мифа и философию пессимизма. Сорель отверг парламентский социализм, превративший классовую борьбу в орудие торга ради достижения мелких материальных выгод. Классовая борьба и пролетарское насилие имеют более высокое назначение – тотальное обновление общества путем прямого действия пролетариата. По мнению Ж. Сореля: «Насилие пролетариата не только обеспечивает грядущую революцию, но и представляет собой, кажется, единственное средство, которым европейские нации, отупевшие от гуманизма, располагают, чтобы вновь ощутить в себе прежнюю энергию».[219]

Насилие у Ж. Сореля обладает чисто этическим и творческим измерением, свойственным и его социализму. Социализм – это моральная революция, интеллектуальный, духовный переворот. Насилие формирует и подготавливает этот переворот в душах людей. Социализм без насилия это не социализм. Только использование насилия обеспечивает позитивную революцию. Подлинное насилие должно наделить социализм благородством, возвысить его, обеспечить ему подлинность, аутентичность. Нужно выступить против всей Системы в совокупности, независимо от ее масок и

---

[219] Сорель Ж. Размышления о насилии // http://www.syndikalist.narod.ru/sorel/sorel2.htm (дата обращения 22. 01. 2013).

самоопределений. Таким образом, в своем труде Ж. Сорель с энтузиазмом воспевал высокую моральную ценность пролетарского насилия, осуществляемого через революцию и террор против эксплуататорских классов, полагая, что «только борьба за высокие неутилитарные цели (социализм) может возродить нравственность в обществе, поскольку насилию социализм обязан теми высокими моральными ценностями, благодаря которым он несет спасение современному миру».[220]

По всей видимости, члены НРА обосновывали свою террористическую деятельность, исходя из отрицания общечеловеческих норм морали, считая, что только их борьба за справедливое общество – высокоморальна и поэтому обладает правом на создание новых нравственных устоев для всего общества. Отсюда убежденность в том, что только насилие, вооруженная борьба – единственное средство преобразования окружающего мира. Как утверждала одна из активисток НРА Л. Романова: «Можно сломать много копий в спорах о политических убеждениях, верных методах политической борьбы и моральных принципах. Но невозможно, на примере нашего дела, отрицать главное: в этой стране установился режим правового беспредела и политической расправы. И нет иного пути сопротивления, кроме революционного. И нет иного выхода из сложившейся ситуации, кроме вооруженной борьбы».[221]

Таким образом, по нашему мнению, идеология организации «Новая Революционная Инициатива» носила экстремистский характер. Несмотря на то, что идеологические установки НРА отличались эклектичностью, ее основой стали, преимущественно, анархистские идеи и установки.

В 1997 г. в Москве главный редактор газеты «Молодой коммунист», член Российской коммунистической рабочей партии (РКРП) И.В. Губкин и его ближайшие сподвижники основали подпольную коммунистическую организацию под названием «Революционный Военный Совет Российской

---

[220] Там же.
[221] Романова Л. Та реальность, которая нас объединит // За волю. 2005. № 3. С. 1.

Советской Федеративной Социалистической Республики» (РВС РСФСР), провозгласившую курс на «подготовку и осуществление вооруженного восстания с целью свержения буржуазного режима и установления диктатуры пролетариата в форме Советской власти».[222]

По мнению А. Батова: «Вступив в РКРП, И. Губкин попытался взять под свой контроль членов Революционного коммунистического союза молодежи – РКСМ (б), молодежной организации, действовавшей при РКРП. А также в своих газетах «Молодой коммунист» и «Большевикъ» развязал пропагандистскую кампанию, смысл которой состоял в том, что достижения РКРП в области рабочего движения не имеют значения, а заниматься партия должна терроризмом».[223]

Кроме того, И. Губкину удалось установить тесное взаимодействие с редакцией газеты «Бумбараш», центрального печатного органа РКСМ (б). Благодаря чему, будущий лидер РВС получил возможность публиковать свои революционные призывы и обращаться напрямую к членам РКСМ (б) в регионах. Кстати, в газете «Бумбараш» будут впоследствии опубликованы все программные положения и прочие документы РВС.

Деятельность И. Губкина и его товарищей привела к формированию в РКСМ (б) двух течений – «проэрвэсовского» и «антиэрвэсовского». «Проэрвэсовское» течение выступало за немедленную подготовку и осуществление вооруженного восстания, тогда как «антиэрвэсовское» – поддерживало курс РКРП на кропотливую, повседневную работу по организации рабочего движения. После ареста в 1997 г. И. Губкина и членов РВС, состоялось заседание ЦКК РКСМ (б), которое осудило деятельность РВС, а также «проэрвэсовские» публикации в газете «Бумбараш».[224]

В тоже время, следует отметить, что организация РВС никогда не была структурой РКСМ (б) и поэтому РКСМ (б) не может на основании только деятельности группы И. Губкина быть причисленным к экстремистским

---

[222] Реввоенсовет // http://ru.wikipedia.org/wiki/Реввоенсовет_(организация) (дата обращения 17. 02. 2013).
[223] Батов А. История РКСМ (б) // http://rksmb.org/rksmb_history.php (дата обращения 20. 03. 2013).
[224] Там же.

организациям, как считают некоторые исследователи политического экстремизма.[225] Дело в том, что ЦК РКСМ (б) никогда не принимал решений, связанных с оказанием поддержки группе Губкина или с оправданием необходимости совершения терактов, тем более что деятельность РВС была осуждена и до сих пор считается «провокаторской»[226], направленной на дискредитацию российского коммунистического движения.

В связи с чем, деятельность организации РВС РСФСР является самостоятельной, основанной на определенных идеологических установках, позволяющих отнести данную организацию к политическому экстремизму. По нашему мнению, организация «Реввоенсовет» строилась подобно НРА уже изначально как экстремистская, взявшая за основу подготовку и осуществление террористических актов. Поэтому идеология РВС создавалась для обоснования применения насилия и носила вполне выраженный экстремистский характер. В отличие от НРА члены РВС были сторонниками советского марксизма-ленинизма и пытались с помощью отдельных теоретических положений «классиков» обосновать осуществление терактов для достижения определенных политических целей. Однако нельзя однозначно утверждать, что идеология РВС – советский марксизм-ленинизм, скорее И. Губкин и его соратники пытались революционизировать, а точнее подвергнуть определенной ревизии советскую версию марксизма-ленинизма, чтобы приспособить эти идейные положения для своих целей.

Так, в отличие от классического марксизма, уделявшего подготовке и осуществлению пролетарской революции довольно много внимания, разработавшего целую концепцию социалистической революции, участники РВС считали, что революция есть вооруженное восстание, втайне подготовленное группой заговорщиков без наличия каких-либо необходимых для этого условий (обострение противоречий, массовые выступления трудящихся и т.д.). Причем для осуществления вооруженного восстания

---

[225] Сазонов И.А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12, Политические науки. 2000. № 2. С. 109.

[226] Сарматов В. Коммунисты и вооруженная борьба // http://rksmb.org/get.php?4639 (дата обращения 05. 04. 2013).

предназначался «отдельно взятый регион России – Брянская область с учетом ее географического и экономического положения, а также связей и возможностей организации».[227] Победа «революции» в отдельном регионе должна была по «цепочке» распространиться на другие регионы, где отделения РВС с опорой на местные комитеты коммунистических партий возглавят вооруженное восстание для свержения правящего буржуазного режима и установят диктатуру пролетариата.

Подобная трактовка революции сближает идеолога и руководителя РВС И. Губкина не с представителями марксизма-ленинизма, а скорее с взглядами одного из идеологов революционного народничества – П.Н. Ткачева. В своей теории социальной революции П.Н. Ткачев призывал к немедленному вооруженному восстанию. Ткачев отрицал необходимость пропаганды для подготовки революции, преуменьшал значение объективных факторов, утверждая, что важнее субъективный фактор в виде влияния на народ революционного меньшинства или революционной интеллигенции. По мнению П.Н. Ткачева: «Ни в настоящем, ни в будущем народ, сам себе предоставленный, не в силах осуществить социальную революцию. Только мы, революционное меньшинство, можем это сделать…».[228]

На основе идеи о революционном меньшинстве П. Ткачев предлагал строить революционную организацию, которая должна была осуществить политический переворот при помощи тайного революционного заговора. А чтобы быть движущей силой революции тайная организация должна обладать следующими чертами: «1) централизация власти и децентрализация функций революционной деятельности, 2) иерархическая подчиненность и безусловная дисциплина членов организации, 3) сохранение в строжайшей тайне революционной деятельности каждого из членов организации».[229]

Примерно таким же образом строился «Реввоенсовет», предполагавший жесткую централизацию и иерархическую подчиненность

---

[227] Реввоенсовет // http://www.zavolu.info/538.html#comments (дата обращения 17.02. 2013).
[228] Айрапетов А.Г., Юдин А.И. Западноевропейский и русский утопический социализм нового времени. М., 1991. С. 192.
[229] Там же. С. 193.

членов организации. Так, согласно Положению о «Реввоенсовете»: «РВС РСФСР образует собственные региональные отделения. Члены региональных отделений РВС организационно подчинены РВС РСФСР».[230] Твердая дисциплина в РВС устанавливалась на основе «торжественной Присяги на верность трудовому народу», согласно которой член РВС «должен быть бдительным революционером, твердо хранить революционную тайну, выполнять беспрекословно, точно и в срок приказы и распоряжения Реввоенсовета, твердой рукой карать отступников от дела революции…».[231] Таким образом, И. Губкин вслед за П. Ткачевым считал, что только дисциплинированная, боевая, централизованная организация способна бороться с государственным аппаратом. Поэтому в отличие от марксизма-ленинизма, требовавшего кропотливой, просветительской и организационной работы с пролетариатом, РВС РСФСР сразу приобрел черты экстремистской группировки, нацеленной на подготовку и немедленное осуществление вооруженного восстания с целью свержения конституционного строя РФ.

Победа вооруженного восстания, согласно идейным установкам РВС, должна была, во-первых, привести к установлению в РСФСР диктатуры пролетариата в форме Советской власти, во-вторых, воссоздать СССР в границах августа 1991 г., в-третьих, построить мировую систему социализма.[232] Вопрос об установлении в современной России диктатуры пролетариата в форме Советской власти – один из центральных практически для любой коммунистической партии, опирающейся на доктрину марксизма-ленинизма (например, РКРП – РПК, ВКПБ и т.д.). Другое дело, что в отличие от легальных российских компартий, РВС планировал добиться установления диктатуры пролетариата путем осуществления вооруженного восстания. Тем более что попытка «воссоздания СССР в границах августа 1991 г.» неминуемо привела бы к росту вооруженных локальных конфликтов

---

[230] Положение о Революционном Военном Совете РСФСР (РВС РСФСР) // Бумбараш. Молодой коммунист. 1997. № 4. С. 3.
[231] Приказ № 3 Реввоенсовета РСФСР // Бумбараш. Молодой коммунист. 1997. № 4. С. 4.
[232] Положение о Революционном Военном Совете РСФСР (РВС РСФСР) // Бумбараш. Молодой коммунист. 1997. № 4. С. 3.

с бывшими советскими республиками, а ныне суверенными государствами. Построение же «мировой системы социализма» выглядело в сложнейших социально-экономических и политических условиях, сложившихся в России к середине 1990-х гг., по меньшей мере, обыкновенной демагогией и шарлатанством. Неслучайно данные идеи в программных документах РВС и в последующих статьях и публикациях И. Губкина никак не комментировались и не конкретизировались. Поэтому не представляется возможным увидеть, какой смысл вкладывал именно руководитель РВС И. Губкин в эти довольно абстрактные конструкции. Можно предположить, что эти положения в экстремистской идеологии РВС служили лишь для воздействия на чувства участников, сторонников организации, должны были вызвать боль от утраты некогда великой державы – СССР и, естественно, побудить к борьбе за восстановление порушенных идеалов и ценностей.

Одной из особенностей идеологии РВС было отрицание общеустановленных правовых норм, которые считались «буржуазными» и поэтому члены организации должны были действовать, «исходя из собственного коммунистического правосознания, и нести ответственность … лишь перед товарищами по совместной революционной борьбе».[233] Фактически с точки зрения И. Губкина «коммунистическое правосознание» должно было подменить собой и правовые и моральные нормы. Вообще, традиция оправдания любого аморализма, если он служит интересам революции, восходит еще к знаменитому «Катехизису революционера» С.Г. Нечаева и затем прослеживается на протяжении всей последующей истории русского революционного движения. Так, согласно С.Г. Нечаеву, революционер – тот, кто «в глубине своего существа не на словах только, а на деле, разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира».[234] Полвека спустя, после

---

[233] Там же.

[234] История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону. 1996. С. 48.

написания «Катехизиса революционера», лидер большевиков В.И. Ленин в своей речи отметил: «Нравственность – это то, что служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов».[235]

Таким образом, антиправовые и антиморальные установки в идеологии РВС имели устойчивую традицию, идущую от леворадикальных сообществ разных эпох. Провозглашение и закрепление в программных документах РВС подобных идей создавало определенный психологический настрой в организации, выражавшийся в довольно легком отношении к использованию насилия для достижения своих целей. Поскольку если правосознание членов отдельно взятой организации признается главенствующим в обществе, единственно верным и правильным, то тогда все остальные – враги, противники, оппоненты, просто равнодушные, к которым возможно применение различных способов политического насилия.

Проблеме подготовки членов РВС к применению насилия посвящено большинство «приказов» по организации. Вообще, РВС РСФСР создавался изначально как «самодостаточное военно-политическое образование»,[236]что предполагало наличие военизированной основы или подразделения для решения определенных политических задач. Согласно программным документам, РВС создавал для подготовки и осуществления вооруженного восстания – «собственные функциональные подразделения», что предполагало вооруженное противостояние с защитниками режима и, естественно, вело к использованию незаконного давления и принуждения. Следовательно, экстремистские идеологические установки РВС были направлены на обоснование применения правоотрицающего политического воздействия против вероятных политических врагов и оппонентов.

В целях подготовки вооруженного восстания РВС «формирует основную ударную силу вооруженного восстания – Рабоче-Крестьянскую

---

[235] Ленин В.И. Задачи союзов молодежи // Полн. собр. соч. Т. 41. С. 311.
[236] Положение о Революционном Военном Совете РСФСР (РВС РСФСР) // Бумбараш. Молодой коммунист. 1997. № 4. С. 3.

Красную Армию», которая непосредственно подчиняется Реввоенсовету и назначаемому им «Главнокомандующему РККА».[237] Причем каждый гражданин России, вступающий в ряды РККА, должен был принять Присягу на верность трудовому народу, в которой утверждалось, что воин РККА обязан «положить все силы, … не пожалеть самой жизни для совершения социалистической революции; твердой рукой карать отступников от дела революции…».[238] Такую же «присягу» принимали и члены создаваемого РВС органа революционной диктатуры пролетариата – Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД РВС), в функции которого как раз и входило проведение карательной политики против классовых врагов, оппонентов, изменников и т.п.

Таким образом, программные документы РВС были направлены на создание незаконных вооруженных формирований (НВФ) для осуществления вооруженного восстания и вероятного применения незаконного давления и принуждения, как против «врагов трудового народа», так и против малодушных, трусов, предателей – «отступников от дела революции». Все это подчеркивает отличие экстремистской организации «Реввоенсовет» от леворадикальных организаций и групп, например, того же РКСМ (б) или РКРП – РПК. Так, например, в партийной программе РКРП – РПК, хотя и подчеркивается ее приверженность к осуществлению социалистической революции, но в тоже время говорится о «желательности мирных, бескровных форм борьбы за власть рабочего класса и его союзников».[239] И тем более не предполагается создание вооруженных и карательных формирований для подготовки и осуществления революции.

Кроме того, программные положения РВС предусматривали прекращение деятельности организации только в одном случае – в результате победы вооруженного восстания. РВС не мог быть распущен по собственной инициативе членов организации, если не совершено вооруженное восстание,

---

[237] Приказ № 1 Реввоенсовета РСФСР // Бумбараш. Молодой коммунист. 1997. № 4. С. 4.
[238] Приказ № 3 Реввоенсовета РСФСР. Там же. С. 4.
[239] Программа Российской коммунистической рабочей партии – Российской партии коммунистов. М., 1998. С. 15.

как и в случае гибели представителей центральных и региональных руководящих органов РВС. В случае их гибели, «оставшиеся в живых сотрудники РВС самостоятельно выдвигают новые составы центральных и региональных органов РВС».[240] Указанные положения свидетельствовали, что организация «Реввоенсовет» изначально создавалась как экстремистская, предусматривающая отсутствие права выбора у своих членов (особенно неофитов) на участие или неучастие в деятельности РВС. Поскольку нормативные документы РВС РСФСР (Положение, Присяга, различные Приказы по организации) требовали от членов «Реввоенсовета» беспрекословного выполнения порученных заданий и обязательного участия во всех акциях, осуществляемых организацией. Все несогласные, отказавшиеся от участия в деятельности РВС, являлись нарушителями Присяги сотрудника РВС и должны были караться за отступничество от дела революции.

Вместе с тем подготовка вооруженного восстания в идеологических установках РВС прямо увязывалась с организацией и осуществлением террористических актов демонстрационного характера. Такой «теракт-демонстрация», предполагавший отсутствие возможных жертв, должен был свидетельствовать о наличии определенной политической силы, которая могла бы стать авангардом вооруженного восстания и своим примером воодушевить леворадикальное сообщество на совершение решительных действий.

Обоснованием для совершения первых демонстрационных терактов И. Губкин впоследствии назвал «развернутую в средствах массовой информации кампанию по вопросу перезахоронения тела В.И. Ленина и разрушения Мавзолея».[241] Однако какова бы не была впоследствии приведенная аргументация, совершение индивидуальных терактов лежало вне русла марксистско-ленинской традиции и сближало организацию И.

---

[240] Положение о Революционном Военном Совете РСФСР (РВС РСФСР) // Бумбараш. Молодой коммунист. 1997. № 4. С. 3.

[241] Реввоенсовет // http://www.zavolu.info/538.html#comments (дата обращения 17. 02. 2013).

Губкина скорее с народовольцами или эсерами. Так, например, А.И. Ульянов, автор программы террористической фракции партии «Народная воля» (1886 г.), писал: «Террор поднимает революционный дух народа. Поэтому мы считаем полезной не только террористическую борьбу с центральным правительством, но и местные террористические протесты против административного гнета».[242] Тогда как В.И. Ленин считал террор не самостоятельным действием, а лишь одним из средств борьбы, которое может быть полезно только в совокупности с другими действиями и в прямой, непосредственной связи с массовым движением, например, в ходе вооруженного восстания.

Таким образом, в отличие от классической марксистско-ленинской традиции, И. Губкин считал необходимым совершение индивидуальных террористических актов не в ходе массового движения того же пролетариата, борющегося за власть, а как раз для доказательства возможности революционной борьбы и пропаганды ее в массах.

В целом, комплексный анализ идеологических установок РВС, на наш взгляд, позволяет поставить под сомнение самоидентификацию организации как «учрежденную коммунистами-ленинцами». По всей вероятности РВС РСФСР нужно рассматривать как левоэкстремистскую организацию с соответствующей идеологией, носящей эклектичный характер.

Как свидетельствует практика современного политического экстремизма, представители российских левоэкстремистских организаций в своих взглядах обращаются, как правило, к идеям марксизма и других левых течений, главным образом, к различным направлениям анархизма, революционного народничества и т.п. Причем идеологическое обоснование использованию, например, терактов, левые экстремисты пытаются найти в трудах классиков марксизма-ленинизма, что позволяет представителям СМИ, правоохранительных органов, общественных кругов нередко рассматривать террористическую деятельность левоэкстремистских организаций как

---

[242] История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. Ростов-на-Дону. 1996. С. 157.

реализацию марксистско-ленинских установок в современной политической практике. На наш взгляд, вопрос этот не так однозначен, как кажется на первый взгляд, и поэтому требует теоретического пояснения.

Диалектический подход к вопросу о применении политического насилия в марксизме предполагает разграничение революционного насилия и остальных его форм (контрреволюционное насилие, индивидуальный террор и т.д.). К. Маркс и Ф. Энгельс придавали особое значение революционному насилию организованных масс пролетариата, тем более, если оно имеет необходимый характер, например, направлено против реакционного насилия свергнутых классов. Так, по мнению Ф. Энгельса: «Признается, что насилие играет и революционную роль, притом лишь в качестве вынужденной обороны от реакционных внешних врагов».[243] Иными словами, если массы стихийно поднимаются на борьбу с применением вооруженного насилия, борьбу, формы и динамика которой выражают тенденцию исторического развития в данную эпоху, организация революционеров должна поддержать это движение, попытаться привести его к победе или, по крайней мере, сделать его «точкой роста» дальнейшей революционной борьбы, воспитать на нем массы, подготовить их к новым битвам. Таким образом, с точки зрения классиков марксизма, насилие приобретает необходимый характер в ходе революционной борьбы за преобразование старого общественного строя.

Развивая марксистскую теорию насилия, В.И. Ленин, основываясь на опыте международного и российского революционного движения, считал: «Есть условия, при которых насилие и необходимо и полезно, и есть условия, при которых насилие не может дать никаких результатов. Бывали примеры, что это различие не усваивалось всеми, и об этом говорить надо».[244] То есть, по мнению В.И. Ленина, марксисты не могут поддерживать ориентацию на вооруженное насилие, принятую любым стихийно вспыхнувшим

---

[243] Энгельс Ф. Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О коммунистической общественной формации. В 4 т. Т. 2. М., 1988. С. 404.
[244] Ленин В.И. Полн. собр. соч., 5-е изд., т. 38. С. 43.

антикапиталистическим движением. Тем более это не означает, что марксисты «толкают» на вооруженную борьбу антикапиталистически настроенные массы, когда последние не готовы к ней и когда не созрели еще объективные условия для нее.

В тоже время негативно оценивается в марксизме такая форма нелегитимного насилия, как индивидуальная террористическая деятельность, не связанная с организованной борьбой широких народных масс. В.И.Ленин отмечал по этому поводу в 1916 г.: «В России террористы (против которых мы всегда боролись), совершили ряд индивидуальных покушений, но в декабре 1905 года, когда дело, наконец, дошло до массового движения, до восстания ... тогда-то как раз «террористы» и отсутствовали. В этом ошибка террористов».[245] Однако террор может использоваться как одно из средств революционного насилия против свергнутых классов – данное положение марксизма подтвердила история Октябрьской революции и Гражданской войны в России.

Таким образом, по нашему мнению, некорректно идеологические установки левоэкстремистских организаций определять как марксистско-ленинские, огульно навешивая ярлык «политический экстремизм» на деятельность различных леворадикальных организаций в современной России. Так, например, авторы информационно-справочной брошюры «Экстремизм – угроза обществу», изданной Прокуратурой Чувашской республики, утверждают: «Следует отметить также и леворадикальные объединения, в первую очередь – Революционный коммунистический союз молодежи (большевиков) и Авангард красной молодежи (АКМ), которые возникли после раскола РКСМ (Российского коммунистического союза молодежи). Данные организации объединяют молодых людей прокоммунистической ориентации и имеют выраженную экстремистскую направленность».[246]

---

[245] Ленин В.И. Указ. соч. Т. 49. С. 313.
[246] Экстремизм – угроза обществу. Информационно-справочная брошюра. Чебоксары. 2009. С. 9 – 10.

В тоже время, следует отметить, что, по всей видимости, развитие идеологии левого экстремизма в современной России будет во многом определяться устойчивой традицией, связанной, как с трансформацией леворадикальных идей в экстремистские (по этому пути идут «осколки» некогда единого АКМ, ряд отделений «Левого фронта», «Союз революционных социалистов» и т.п.), так и с созданием группировок с четко выраженной левоэкстремистской идеологией. Причем в России на современном этапе по второму пути идут организации с преобладающим влиянием анархистских взглядов. Так, сравнительно недавно, заявила о себе группировка под названием «Анархическая герилья», предоставившая свои материалы журналистам «Газеты. Ru». Согласно видеоролику, группировка объединяет участников на основе лишь крайне левых взглядов, полнейшей анонимности и стремления участвовать в акциях силового протеста. Также там говорится, что их борьба направлена против «угнетательских структур», к которым они относят «государственные органы, политические партии, бизнес, эксплуатирующий труд и природу, фашистские организации», отмечая, что «страной десятки лет, если не сотни, правит режим коррумпированных бюрократов с диктаторскими полномочиями», поэтому в борьбе против режима допускается «самый широкий спектр методов – созидательных и разрушительных, мирных и боевых».[247] Таким образом, организация «Анархистская герилья» не имеет четко сформулированной идеологии, но, по всей видимости, функционирует на основе соединения различных леворадикальных идей (преобладают – анархистские), которые в дальнейшем, вероятно, оформятся в левоэкстремистскую идеологию.

По мнению одного из исследователей левого экстремизма в современном мире И.Л. Морозова: «Классические левоэкстремистские группировки, использующие военизированное политическое насилие (терроризм) как основу своей стратегии, если и будут возникать в России в

---

[247] «Анархическая герилья», взорвавшая пост ДПС в Москве, впервые рассказала о себе. СМИ: новых радикалов «взрастила власть» // http://www.newsru.com/russia/20jul2011/guerillas.html (дата обращения 18. 03. 2013).

будущем, то прогнозируются организационно неустойчивыми, не способными к быстрому наращиванию кадрового состава, хронополитический период их эффективной активности будет ограничен, поскольку благоприятные условия, способствующие успеху таких группировок, остались в прошлом».[248] По нашему мнению, с данным предположением можно согласиться лишь отчасти. Скорее всего, действительно, левоэкстремистские группировки будут организационно неустойчивыми и неспособными к быстрому наращиванию кадрового потенциала, что объяснимо, прежде всего, общими тенденциями развития экстремистских движений на данном этапе: отсутствие уставов, строгой иерархии, «видимых» лидеров, сетевой принцип организации, строгая конспиративность, объединение рациональных и иррациональных компонентов в идеологических установках и т.д. Однако, что касается условий для их появления и роста, то они, наоборот, будут способствовать возникновению различных левоэкстремистских организаций и групп. Это, например, продолжающееся социальное расслоение общества, рост безработицы в условиях «новой» волны мирового кризиса, снижение участия государства в регулировании социальной сферы, усиление деятельности правоэкстремистских организаций, продолжающаяся в левых кругах пропаганда экстремизма, в том числе опыта германской «Фракции Красной Армии», итальянских «Красных бригад», деятельности Э. Че Гевары, субкоманданте Маркоса и др.

Тем более деятельность левоэкстремистских организаций в России связана с распространением взглядов о том, что для осуществления идеалов необходимо использование насилия, а выступление масс (вооруженное восстание) приведет к их немедленному осуществлению – революции. Простое решение назревших проблем, как правило, способствует привлекательности подобных идеологий. Поскольку, во-первых, они носят

---

[248] Морозов И.Л. Левый экстремизм как политический феномен второй половины XX – начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: Автореф. дисс. …докт. полит. наук. Саратов, 2010. С. 37.

популистский характер, излагая свои обещания и лозунги простым и понятным для масс языком. И, во-вторых, они обещают быстрое, коренное решение всех проблем в интересах широких народных масс. Все это может привести к ситуации, когда эти экстремистские идеи могут быть подхвачены возбужденными массами, не согласными со своими духовными и материальными условиями жизни в данный период и считающими, что руководство страны проводит нечестную и несправедливую внутреннюю политику.

Кроме того, немаловажным условием, способствующим возникновению и росту экстремистских взглядов и группировок в России, являются особенности русского национального характера. Так, по мнению некоторых исследователей, русский национальный характер отличается крайней противоречивостью.[249]

С одной стороны, русские проявляли удивительную пассивность, терпение, конформизм по отношению к деспотическим режимам в дореволюционной и послереволюционной России. И сейчас большинство россиян терпеливо переносит лишения, связанные с ухудшением материального положения, ростом безработицы, снижением социальной защищенности и т.д. Однако, с другой стороны, русская психология отличается страстностью, стремлением к абсолютному совершенству. Русский человек, словно не признает середины, определенной меры во всем. Если он во что-то верит (в Бога, царя и отечество, светлое коммунистическое будущее и т.д.), то готов отдать этому делу всего себя без остатка. Так возникает фанатизм веры, который сочетается в русской психологии с нетерпимостью к чужим взглядам. По мнению Н.О. Лосского, абсолютные ценности могут привести к фанатизму, «откуда возникает ненависть к инакомыслящим и суровая борьба против них».[250] Поэтому вера в особую

---

[249] Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 15; Федотов Г.П. Судьба и грехи России: В 2 т. Т. 1. СПб., 1992. С. 178.

[250] Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 330.

миссию, нетерпимость к «чужим» ведут к жестокости, насилию по отношению к тем, кто мешает ее осуществлению.

Утрата веры в какие-то идеалы приводит к бунтам против всего того, во что русский человек верил еще вчера (например, русские революции в XX в.). Н.О. Лосский утверждал, что если русский усомнится в абсолютном идеале, то он может дойти до крайнего скотоподобия или равнодушия ко всему; он способен прийти от «невероятной законопослушности до самого необузданного безграничного бунта».[251] По всей видимости, для психологии российских граждан исторически характерно сочетание комплексов верноподданного и бунтаря – революционера.

В целом, российская политическая жизнь с древнейших времен до наших дней в полной мере отражает социокультурные и психологические свойства русского народа: долгие периоды стабильного авторитаризма сменяются непродолжительными, но всегда жестокими периодами смут и потрясений. В силу чего, при определенных благоприятных условиях будут возникать правые и левые организации и группы, основывающие свою деятельность на тех или иных экстремистских идеологических установках.

Таким образом, проанализировав особенности идеологии политического экстремизма, можно сделать следующие выводы:

1. Социальные сдвиги, происходящие в условиях критически сложившейся исторической ситуации и нарушающие равновесие стратификационной системы, вызывают недовольство и сопротивление определенных групп, которые в рамках данной политической системы не могут найти иных способов выражения и защиты своих интересов кроме экстремистских. Поэтому экстремистская идеология обосновывает закономерную, исторически обусловленную, но деструктивную реакцию представителей той или иной социальной группы на сложившееся критическое положение, связанное с дальнейшим существованием, выживанием или самосохранением определенной социальной группы.

---

[251] Там же. С. 243 – 244.

2. Экстремистская идеология, являясь своеобразной теоретической конструкцией, оправдывает необходимость применения нелегитимного политического насилия для преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее оппонентов. Причем возможность заключения компромисса между враждующими сторонами отрицается полностью. Поэтому экстремистские организации стоят на бескомпромиссных позициях, а их деятельность не имеет умеренных форм.

3. Экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических условиях может принять любая радикальная идеология (любой социальной группы). Однако становление экстремистской идеологии, по нашему мнению, может происходить двумя путями: во-первых, путем трансформации – приобретения экстремистских черт (апологетика насилия) любой радикальной идеологией. Во-вторых, путем создания «новой» экстремистской идеологии на основе своеобразной теоретической эклектики с привлечением разного рода идей, концепций, учений. Различные теоретические концепции, идеи и установки используются современными экстремистами для обоснования не только какой-то глобальной стратегической цели – изменение всего общества, но и как оправдание использования экстремистских методов для решения тактических задач (дестабилизация общественной жизни, подрыв деятельности государственных институтов, эскалация социальных, национальных и прочих конфликтов).

4. Исследование феномена правоэкстремистской идеологии позволяет рассматривать правый экстремизм как достаточно сложное политическое явление, проявляющееся в двух основных видах: светский и религиозно-политический экстремизм. Светский правый экстремизм позиционирует себя в связи с той или иной национальной идеей, выраженной в достаточно крайних формах неприятия «чужих» культурных, национальных, духовных и прочих норм и ценностей. Такой вид экстремизма основан на националистических, расистских и неонацистских (неофашистских) взглядах.

Другой разновидностью правого экстремизма является религиозно-политический экстремизм, который базируется на сочетании религиозной доктрины с правоэкстремистскими идеологическими установками. В идеологическом аспекте религиозно-политический экстремизм необходимо рассматривать как разновидность правого экстремизма, проявляющуюся в соединении религиозной нетерпимости с политической деятельностью в отличие от светского правого экстремизма, имеющего другую мотивацию.

5. На сегодняшний день в российском светском правом экстремизме можно выделить два направления, связанных с различными исторически обусловленными формами экстремизма, которые можно условно обозначить как «нацистское» и «консервативно-революционное». Нацистское направление связано с подражанием идеологии и политической практике Третьего Рейха, национал-социалистического государства, имевшего четко выраженную расовую доктрину, направленную на утверждение превосходства «высшей» арийской расы. Консервативно-революционное направление исходит из стремления представить Россию как уникальную самобытную цивилизацию, духовного лидера всего человечества (миссия России), возрождение которой возможно лишь на путях русской консервативной революции и восстановления традиционных, преимущественно, русских культурных норм и ценностей. Тогда как в религиозно-политическом экстремизме доминирующую роль играет исламский экстремизм при наличии устойчивой тенденции формирования в ближайшей перспективе православного и неоязыческого направлений в современном российском правом экстремизме.

6. В отличие от правого политического экстремизма, левый экстремизм – определенный вид деятельности отдельных организаций, социальных групп или индивидов, стремящихся уничтожить господствующую политическую систему и руководствующихся при этом своеобразным набором левых экстремистских идеологических установок, взглядов и идей. На современном этапе развитие идеологии левого экстремизма будет во многом определяться

устойчивой тенденцией, связанной как с трансформацией леворадикальных идей в экстремистские на базе уже существующих леворадикальных организаций (АКМ, Левый фронт и т.д.), так и путем создания группировок с ярко выраженной левоэкстремистской идеологией. Причем левоэкстремистская идеология той или иной группировки (организации) будет носить эклектичный характер, основываясь на различных, главным образом, заимствованных идеях, теориях, взглядах представителей марксизма, анархизма, революционного народничества и т.д.

Глава 3. Политический экстремизм в современной России

3. 1 Организационно-структурное обеспечение политического экстремизма

В XXI в. экстремизм как весьма эффективный инструмент нелегитимного насильственного достижения политических целей получил широкое распространение в мире. Разворачиваясь в условиях глобализации и информационной революции, политический экстремизм гораздо более гибко, чем государственные структуры, принимает приспособленные к возникшим условиям организационные формы деятельности. Возникают экстремистские организации так называемого сетевого типа (сетевая структура), обладающие наибольшим потенциалом в современных информационно-коммуникативных условиях. Для них характерен автономный способ существования входящих в экстремистское сообщество периферийных группировок, взаимодействующих как с центром, так и между собой.

Особенно остро эта проблема стоит перед Россией, историческая особенность которой заключается в проживании на ее территории разного по этническому и религиозному составу населения. Так, на учете в МВД РФ состоит свыше 450 группировок экстремистской направленности общей численностью около 20 тысяч чел., в том числе в городах Москва – около 3700 чел., Санкт-Петербург – около 2700 чел., Нижний Новгород – около

2000 чел., Воронеже, Иркутске, Краснодаре, Красноярске, Омске, Пскове, Рязани, Ростове-на-Дону, Самаре, Саратове, Томске и Ярославле – от нескольких сотен – до тысячи.[252] По имеющейся официальной информации наибольшее количество экстремистски настроенных группировок отмечается на территории Республики Татарстан – 108, Краснодарского и Хабаровского краев – 23 и 36 соответственно, в г. Санкт-Петербурге и Ленинградской области – 31, в г. Москве – 30 и Московской области – 32.[253]

По нашему мнению, приведенные данные слабо отражают как географию распространения экстремистских группировок (за пределами статистики остались регионы явно «проблемного» Северного Кавказа, а также Поволжья, Урала и Сибири), так и количественный состав экстремистских организаций. Вместе с тем, следует отметить, что данные по количественному составу экстремистских организаций всегда будут лишь приблизительными с большой долей погрешности в итоговых цифрах. Это объяснимо структурой любой экстремистской организации, которая напоминает пирамиду, включающую в себя несколько уровней с разной степенью посвященности участников группировки. Так, помимо руководителей, активистов и рядовых исполнителей, у каждой экстремистской организации есть так называемые «сторонники», количество которых превосходит нередко в несколько раз количество участников самой организации. В тоже время деятельность таких вот «сторонников» зачастую носит «околоэкстремистский» тусовочный характер, выражаясь в поведении, весьма далеком от реальных экстремистских действий. Однако, как правило, в «контрольные» цифры различных ведомств попадают не только реальные активные участники праворадикальных и экстремистских объединений, действительно находящиеся в разработке правоохранительных структур, но и всевозможные «сторонники», друзья, друзья друзей, просто случайные знакомые и т.д.

---

[252] Экстремизм – угроза обществу. Информационно-справочная брошюра. Чебоксары. 2009. С. 4.
[253] Там же.

Таким образом, учитывая приблизительность цифр в рассмотрении количественного состава экстремистских организаций мы, в своей работе, хотели бы исследовать типовую структуру, источники финансирования, методы воздействия, возможные перспективы развития экстремистских организаций, действующих в современной России.

Следует отметить, что рассмотреть деятельность всех российских экстремистских организаций и групп не представляется возможным, поскольку по данным МВД в России только около 400 группировок причисляют себя к движению скинхедов,[254] не считая всех остальных. Поэтому в своей работе мы исследуем деятельность лишь наиболее известных организаций (правых, левых, религиозно-политических), реально использующих экстремистские методы борьбы для достижения своих политических целей. Причем проведенное на конкретном эмпирическом материале исследование позволит лучше понять организационную природу современного экстремизма, увидеть его сильные и слабые стороны, оценить возможные политические перспективы.

Возникновение и развитие любой экстремистской организации связано, во-первых, с наличием определенного комплекса идей (экстремистская идеология), а во-вторых, с появлением организационной структуры, объединяющей группу единомышленников для осуществления экстремистской деятельности. Экстремистская организация и ее деятельность — это не просто один из элементов экстремизма как сложного социального феномена, а завершающий этап его закономерного исторического развития (формирования). Аналогично, и экстремистская идеология — это не просто основной, базисный элемент экстремизма, а начальный этап его зарождения и развития.

Процесс становления «новой», не имеющей предшествующей истории, экстремистской организации, на наш взгляд, проходит несколько этапов.

---

[254] О проявлениях экстремизма и ксенофобии в Российской Федерации. М., 2009. С. 120.

На первом этапе в обществе начинает формироваться определенная экстремистская идеология, представляющая собой вначале некий набор различных крайних идей, представлений, взглядов на формы и способы разрешения каких-либо актуальных социальных противоречий. На этом этапе будущие экстремисты (которых еще очень трудно идентифицировать в качестве таковых) – просто идеологи, «кухонные» теоретики, обдумывающие и обсуждающие соответствующие идеи. Они еще очень немногочисленны, их буквально единицы. Например, известная палестинская экстремистская организация ХАМАС возникла в 1986 г. в результате усилий всего 7 человек.[255]

На втором этапе зародившаяся экстремистская группа (ядро будущей организации) начинает расширять круг своего влияния, то есть приобретать своих сторонников, приверженцев, последователей, которые, усваивая взгляды идеологов-основоположников, начинают отстаивать и пропагандировать их в кругу людей, озабоченных социальными, политическими, экономическими, духовными проблемами общества. На этом этапе экстремисты — это уже достаточно широкие круги (как правило, десятки людей), интенсивно обсуждающие и проповедующие новые идеи. Но развитие здесь все еще ограничивается кругами «интеллектуалов», не имеющих выходов к широкой, массовой аудитории.

Третий этап, самый сложный для формирующейся экстремистской организации. Здесь дальнейшее развитие может пойти двумя основными путями. Во-первых (это наиболее ожидаемый вариант развития), новые идеи могут начать овладевать массами (сотнями и тысячами людей), чему во многом способствует определенно складывающаяся историческая ситуация и, конечно, деятельность популяризаторов, пропагандистов, проповедников данных идей. То есть обсуждение экстремистских идей выносится в широкие массы — «на улицу», «на площадь», «на рынок», в массовую литературу и в средства массовой информации. Во-вторых, вследствие каких-либо неудач на

[255] Юсеф Мосаб Х. Сын ХАМАС. М., 2011. С. 47.

первом и втором этапах (отсутствие необходимых ресурсов, амбиции участников, непримиримые разногласия, отсутствие авторитетного лидера и т.д.) массового распространения данные идеи не получают, дальнейшее развитие затормаживается, возникшая группа «капсулируется», приобретая закрыто-сектантский характер (например, НСО, претендовавшее в начале 2000-х гг. на лидерство среди правоэкстремистских организаций). Вместе с тем второй путь развития не является помехой для существования группы и не отрицает возможности перерастания ее в массовую экстремистскую организацию при благоприятном стечении обстоятельств (например, развитие германской НСДАП до и после прихода туда А. Гитлера).

На четвертом этапе важную роль в становлении экстремистской организации начинают играть не только идеологи, но и, главным образом, авторитетные деятели-практики (организаторы), которые начинают разрабатывать как конкретные программы (планы) переустройства общества, так и определять контуры формирующейся организации. Решая данные задачи, они начинают вербовать уже не просто сторонников и приверженцев своих взглядов, а реальных исполнителей, готовых посвятить себя делу реализации этих планов и программ. Таким образом, из идеологической и теоретической областей экстремистские взгляды переносятся на практическую почву.

На последнем, пятом этапе практически сформировавшаяся организация, набравшая достаточное число активистов и «боевиков», переходит к конкретным экстремистским действиям. При этом решающую роль здесь начинает играть поддержка сформировавшейся организации финансовыми и вообще материальными средствами. Ни одна организация не может развиваться без соответствующей материальной поддержки. Идеология и широкое сочувствие в обществе представляют лишь духовную основу ее деятельности, необходимую для поддержания личного энтузиазма ее членов, но только материальная поддержка обеспечивает достаточный

размах и эффективность действий сколько-нибудь значительной экстремистской организации.

Таким образом, от зарождения идей в головах теоретиков-идеалистов, через приобретение ими широкого, массового влияния в обществе, а затем к формированию действующей организации — таков путь развития феномена экстремизма, путь последовательного формирования его основных элементов.

Вместе с тем, любая экстремистская организация внутренне структурирована, и поэтому необходимо остановиться на рассмотрении этого вопроса более конкретно.

Структура экстремистской организации никогда не являлась раз и навсегда устоявшейся, четко определенной, неизменной. Она в своем развитии прошла, на наш взгляд, два основных этапа. Первый этап связан с развитием организаций, имеющих жестко централизованную, пирамидальную структуру, основанную на принципе культивирования строгой иерархии между участниками организации. Фактически весь XX век и раньше экстремистские организации в мире строились по принципу «пирамида», внутренне подразделяясь на вышестоящие и нижестоящие уровни. Такой же была структура праворадикальных и экстремистских организаций, действовавших в России в 1990 – вначале 2000 гг. В качестве примера можно обратиться к структуре достаточно известной в то время праворадикальной организации – «Русское национальное единство» (РНЕ), возникшей в октябре 1990 г. и расколовшейся на несколько более мелких, но уже экстремистских группировок в 2000 г.

Первый уровень (высший) представляло руководство РНЕ – председатель (лидер) РНЕ А.П. Баркашов и его ближайшее окружение. Сюда входили, как правило, особо приближенные члены Центрального Совета РНЕ (руководители крупнейших региональных организаций – Московской, Краснодарской, Ставропольской, Пермской, Калининградской), а также

заместители руководителя РНЕ по работе с региональными организациями и по связям со СМИ.

Второй уровень – аппарат управления (штаб), состоящий из членов ЦС РНЕ (представители от наиболее активных региональных организаций) и руководителей направлений деятельности РНЕ (военно-патриотическое, идеологическое, финансовое, безопасности и т.д.).

Третий уровень – руководители региональных организаций: командир регионального отделения РНЕ, его заместители (по военно-патриотической работе, по идеологии, по материальному обеспечению организации), руководитель «карантина», члены РС (Региональный Совет) – наиболее активные соратники РНЕ.

Четвертый уровень – соратники РНЕ – ядро, актив организации, люди, внесшие значительный вклад в развитие региональных отделений РНЕ. Как правило, региональная организация делилась на несколько партийных групп, действовавших по районам города, области, края и т.д. Соратники могли составлять, как целую (отдельную) партгруппу, так и возглавлять группы сподвижников и сторонников РНЕ.

Пятый уровень – сподвижники РНЕ – кандидаты в соратники, люди, активно работающие в организации, но в силу недостаточно долгого срока пребывания в организации, отсутствия должного авторитета и т.п., еще неготовые стать соратниками. По истечении определенного срока (как правило, около года) и в результате активной деятельности претендент на звание «соратник РНЕ» получал характеристику своего непосредственного командира подразделения, принимал Присягу на верность движению и переводился в разряд соратников. Сподвижники также как и соратники делились на партгруппы, но руководителем группы мог быть только соратник, назначенный командиром регионального отделения РНЕ.

Шестой уровень (низший) – сторонники РНЕ, самая многочисленная категория, социальная опора РНЕ. Согласно одному из внутрипартийных документов РНЕ: «Сторонники – это люди, которые по различным причинам

(возраст, семья, здоровье и т.д.) не могут систематически выполнять поручения. Они оказывают организации посильную помощь. Организуя ячейки и подразделения РНЕ по месту работы и жительства, сторонники ведут пропагандистскую и разъяснительную работу среди населения, помогают в создании материально-технической базы организации и т.д.».[256] На практике сторонники делились на районные партийные группы (так, например, в Московской организации существовали 33 группы) и привлекались, преимущественно, к расклейке и раздаче печатных материалов (листовки, газеты). В целом, сторонники действительно были самой многочисленной категорией участников движения «Русское национальное единство», хотя точное их количество неизвестно и вряд ли когда-нибудь будет точно установлено. Движение РНЕ никогда не участвовало в выборах в ГД РФ (в 1999 г. избирательный блок «Спас», куда входили члены РНЕ, был снят с предвыборной гонки) и поэтому симпатии избирателей (возможный процент голосов) к этой организации также неизвестны.

Однако подобный принцип построения организации показал себя абсолютно бесперспективным с точки зрения конспиративной, подпольной деятельности. Правоохранительные органы Российской Федерации без особого труда отслеживали и брали под контроль связи и отношения внутри подобным образом организованных структур. Этим можно объяснить (одна из причин), что, несмотря на свою строгую дисциплину, иерархию, военизированный характер ни РНЕ, ни ННП, ни другие подобные организации так и не смогли подготовить и хотя бы попытаться провести решающий штурм власти, именуемый ими «национальной революцией».

Тогда как религиозно-политические экстремистские организации, главным образом, исламистские, учтя опыт своих зарубежных соратников, стремились свои организации по принципу «пирамида» не строить. Так, еще вначале 1990-х гг. экстремистская организация ХАМАС, имевшая строгую пирамидальную организацию боевых групп и понесшая в связи с этим

---

[256] Методические рекомендации РНЕ по работе с карантином. Для служебного пользования. М., 1996. С. 2.

большие потери среди руководящего состава и рядовых боевиков, отказалась от жесткой централизации и провела реструктуризацию аппарата движения по новому принципу типа «виноградная гроздь» (другое название – «осевая структура»). В соответствии, с которым боевые группы стали действовать автономно, поддерживая контакты между собой только через руководство. Однако все равно определенные элементы централизации оставались, поскольку кроме непосредственного руководителя боевой группы руководство операциями осуществляли представители центрального руководства, нередко знавшие участников группы лично, что также порой негативно влияло на конспирацию групп. В дальнейшем политическое руководство ХАМАС призвало всех своих членов самостоятельно наносить вред интересам Израиля, где это только возможно.

Подобную организацию типа «виноградная гроздь» имели и действующие в Чечне незаконные вооруженные формирования (НВФ) в 1990 – начале 2000 гг. Так, незаконное вооруженное формирование (соединение) чеченских сепаратистов состояло из руководства (командир и штаб) и двух группировок (до 500 чел. каждая). Группировка делилась на 5 – 6 отрядов, которыми руководили амиры (полевые командиры). Отряд делился на 3 группы (боевая, диверсионная и вспомогательная). Данные группы могли действовать автономно, согласуя свои действия только лично с амиром отряда. В свою очередь, каждый отряд также действовал автономно, поддерживая связь только лично с командиром соединения (НВФ). Причем для проведения, только действительно крупных операций, командир соединения мог задействовать все отряды и группы, во всех остальных случаях они действовали автономно.[257]

Вместе с тем следует отметить, что православные и неоязыческие религиозно-политические организации принцип «виноградная гроздь» не использовали, поскольку были немногочисленны, бедны ресурсами и не

[257] НВФ. Боевые действия на Кавказе / сост. П.П. Потапов. Минск, 2010. С. 178.

предполагали жесткого противостояния с органами власти на основе ведения партизанской войны.

Принцип построения организации «виноградная гроздь» можно считать переходным, поскольку разительно отличаясь от классической «пирамиды» здесь все же оставалось место централизации, наличию явного руководящего центра, что делало сообщества экстремистов достаточно уязвимыми и в итоге заставило их искать новые формы организации деятельности.

Второй этап в развитии структуры экстремистской организации начался с распространения и применения на практике так называемого «сетевого принципа». Одним из первых обратил внимание на возможность построения сетевой организации Карлос Маригелла, выдвинувший положение о том, что группы городских партизан должны быть полностью автономны, иметь право на самостоятельное планирование и проведение террористических актов, и связь между собой не организационную, а на основе общности целей.

Данный сетевой способ построения экстремистской организации являлся развитием принципа «виноградная гроздь» и предполагал отсутствие единого управляющего органа на основе создания множества центров управления. То есть, например, предполагалось создавать автономные ячейки, а для их координации – консультационные советы руководителей ячеек. Внутри ячеек сети могут сосуществовать самые разные способы управления: демократические, иерархические, аморфные (на основе добровольного исполнения определенных обязанностей), комбинированные и т.д. По мнению П. Краснова: «Один из наиболее эффективных способов сетевого управления – «экспертный», при нем решения от всей ячейки по конкретному вопросу принимает человек, который признан ячейкой как наиболее компетентный в данном вопросе, он же несет всю ответственность

за последствия. Этим способом управлялись даосские ячейки, возможно, самые древние и опытные из сетевых организаций».[258]

Обычным для сетей является образование временных сообществ, создаваемых для решения конкретной задачи и самоликвидирующихся после ее выполнения. В результате отношения в организации пронизываются множеством сложных связей. Небольшие первичные ячейки специализируются на выполнении определенного рода задач: добывание информации, поиск источников финансирования, анализе, обеспечении безопасности, связи и т.д. Так, например, действовавшая в начале 2000 гг. в Благовещенске-на-Амуре скинхедгруппировка «Белые волки» нередко принимала участие в создании и деятельности различных организаций футбольных фанатов ФК «Амур» для получения финансовых средств на выезды в другие города с целью поддержки футбольной команды «Амур». Естественно, часть средств расходовалась на выпуск информационного листка «Белый волк», пропаганду расизма и национализма, приобретение снаряжения и травматического оружия.

Одними из первых правоэкстремистских сообществ данный сетевой принцип организации стали использовать в России скинхедгруппировки. Так, для российского скин-движения всегда было характерно наличие отдельных организаций, групп, группочек и даже отдельных личностей, не нуждающихся в каком-либо внешнем управлении или координации. По мнению М.М. Соколова: «Подавляющее большинство бритоголовых не принадлежит к какой-либо из групп со строгой иерархией, а представляет собой множество неформальных объединений, которые полностью автономны в своей деятельности».[259]

У большинства скинхедгрупп не существует внутреннего учета, партийных списков и т.д. Как правило, такая группа внутренне распадается на ряд мелких группочек (ячеек), объединяющихся на основе личной

---

[258] Краснов П. Что такое сетевые организации? // http. // www.contr-tv.ru/common/377/ (дата обращения 03. 10. 2011).

[259] Соколов М.М. Самопредставление организации в русском радикальном националистическом движении: Дис... канд. соц. наук. СПб., 2003. С. 20.

дружбы, совместной учебы, места жительства, интересов и т.п. Лидер такой группки (ячейки) обладает определенным авторитетом и поэтому подчинение ему осуществляется на добровольной основе. Однако в случае, если по каким-то причинам лидер теряет свой авторитет, то и его ячейка – распадается.

Различные единичные акции экстремистского характера осуществляются такими ячейками самостоятельно, но для организации более массовых «операций» (погромы рынков, массовые беспорядки и т.д.) ячейки объединяются в более большие объединения – группу или сообщество из нескольких таких групп (например, в организации беспорядков на Манежной площади в декабре 2010 г. принимало участие большинство различных скинхедских и фанатских групп, ранее действовавших автономно). Но даже при осуществлении какой-то массовой акции такое объединение из нескольких групп не управляется каким-то одним руководителем или лидером. Как правило, решение на проведение акции принимают наиболее авторитетные соратники из разных группировок, встречающиеся и обговаривающие все детали, и в случае провала несущие персональную ответственность за утечку информации, личные ошибки, неготовность своей группы и т.д.

Помимо существования отдельных ячеек (основной состав бритоголовых или на их сленге – «основа») при каждой или почти при каждой ячейке существует небольшая группа так называемых «пионеров» или «карланов» (термин от слова «карликовый», «маленький»). Это «кандидаты» в основной состав, которые в силу возраста (12 – 15 лет), отсутствия должной физической силы, необходимого опыта еще не могут быть причислены к «основе». Однако они могут использоваться для сбора информации о потенциальном противнике, «дежуря» в районе рынков, общежитий, вокзалов и т.д. Подобной группой «пионеров» («карланов») может руководить достаточно авторитетный, опытный и, конечно,

«взрослый» скинхед, который и несет личную ответственность за их подготовку.

Кроме того, помимо основного состава – «бойцов», группа бритоголовых может выделять из своей среды так называемых «идеологов», которые решают важные политические задачи, как, например, изменение или разработка новых аспектов идеологии, пропаганда и агитация (выпуск и распространение листовок, собственных газет и журналов – «фэнзинов»), создание и поддержание работы интернет-сайтов, организация продажи символики и атрибутики бритоголовых, создание рок-групп и т.д. В случае слабости группы, бедности ресурсами, небольшого опыта, возраста бритоголовые могут обращаться за подобной помощью к другим более «взрослым» организациям, главным образом, националистического толка. Начиная с 1990-х гг. и до сих пор бритоголовые пользовались и пользуются поддержкой таких организаций, как РНЕ, ННП, Партия свободы, ДПНИ, НСО, Славянский союз и т.п. Однако все попытки указанных и подобных организаций установить контроль, подчинить своему влиянию или интегрировать в свои структуры бритоголовых успеха не имели. Не в малой степени это объясняется иерархическим, жестко централизованным, на основе беспрекословного подчинения, принципом построения «взрослых» националистических организаций. Как отмечает исследователь данной проблемы С.В. Беликов: «По своей природе основная часть сегодняшнего российского скин-движения представляет собой скопление молодых расистов и фашиствующих неформалов, дикую вольницу, участники которой по самой своей природе, в силу буйного и дикого нрава, не склонны подчиняться кому бы то ни было».[260] В целом, большинство малообразованных и недалеких представителей скинхедгрупп не понимают и не желают понимать пользы взаимодействия с хорошо организованными политическими организациями правоэкстремистского толка. Что на практике серьезно мешает созданию многочисленной организованной действительно

[260] Беликов С.В. Бритоголовые: Все о скинхедах: Эксклюзивные материалы. М., 2002. С. 149.

авторитетной правоэкстремистской структуры и, таким образом, серьезно ослабляет возможности правого экстремизма в России.

Вслед за скинхедгруппами подобный сетевой принцип организации стали использовать и некоторые националистические организации, практикующие организацию и осуществление экстремистских акций: автономные организации РНЕ, отделения НСО, ячейки организации «Северное братство и т.д. В качестве примера рассмотрим структуру автономных организаций РНЕ, согласно нормативному документу, подготовленному группой соратников Уральского отделения РНЕ (г. Богданович). Здесь предполагается, что «структурное формирование должно исходить из принципа «муравейник», где каждый в силу своих навыков, способностей, природных качеств и задатков должен заниматься своим делом. После обучения следует формировать из людей отряды и группы численностью по 5 человек. Каждая из структур действует автономно друг от друга в режиме закрытости. Всякое соприкосновение и связь строжайше исключается, соратники должны знать только своего командира и лишь догадываться, что кроме них существуют еще и другие люди. Внешнее взаимодействие и координацию деятельности осуществляет лишь командир через координатора».[261] Таким образом, создание и функционирование подразделений РНЕ видится составителям документа на основе образования сети из автономных закрытых саморазвивающихся формирований (отряды и группы).

Создание данных формирований преследует достижение конкретной цели (политическая власть), чему способствует организация определенных видов деятельности. Авторы документа, определяя направления деятельности подразделений, достаточно конкретно ставят задачи: «нанесение ударов и создание невыносимых условий для проживания и финансового благополучия пришлых иммигрантов (использование в целях профилактики тактики силового террора); нанесение превентивных ударов и

[261] Путь вперед. Программа минимум – максимум. Богданович, 2011. С. 3 – 4.

осуществление террора в отношении лидеров тоталитарных сект; создание невыносимых условий для проживания и финансового благополучия для коррумпированных чиновников среднего и малого уровней (использование тактики террора, а также психологического террора); осуществление тактики силового террора в отношении представителей демократических СМИ; осуществление диверсионных операций на основных отраслях бизнеса пришлых иммигрантов с целью подрыва их экономики и благополучия; осуществление диверсионных операций против мест проживания пришлых иммигрантов и демократической элиты с целью подрыва благополучия их проживания (так в тексте – *авт.*) и создания неуверенности в своей безопасности».[262] Такой достаточно большой отрывок документа мы процитировали, во-первых, с целью показать, что проблема политического экстремизма действительно актуальна для российского общества, несмотря на бытующую в определенных кругах точку зрения, что экстремизм – просто «выдумка» власти в целях подавления политической оппозиции в стране. И, во-вторых, создание экстремистской организации всегда предполагает провозглашение не только стратегической цели и тактических задач, но использование определенных способов борьбы, в данном случае – «тактика силового террора» и «осуществление диверсионных операций».

Недолгий период существования левоэкстремистских организаций, таких как РВС и НРА, не позволил левым экстремистам перейти к использованию сетевого принципа для построения своих структур. Тогда как современные леворадикальные организации уже вовсю применяют данный принцип в практической деятельности. Так, например, достаточно известная анархистская организация «Автономное действие» (АД), возникшая на основе объединения различных анархистских групп в январе 2002 г., строится по принципу создания автономных пространств, так называемых «альтернативных структур» внутри современного общества. На практике это выражается в формировании сети, состоящей из автономных федеративных

[262] Там же. С. 12 – 13.

групп, функционирующих на основе самоуправления, коллегиального принятия всех внутригрупповых решений и их выполнения всем коллективом. В тоже время особенностью любой анархистской группы является принцип добровольного участия в выполнении задуманного дела. То есть группа может принять большинством голосов какое-либо решение, но несогласные с ним члены группы могут отказаться его выполнять без угрозы быть неправильно понятыми или осужденными своими товарищами. Такое построение организации «Автономное действие» позволяет создать достаточно широкую сеть, состоящую из отдельных групп, группочек, а также отдельных анархистов, сотрудничающих с АД в индивидуальном порядке.

Вместе с тем, создаваемые на современном этапе левоэкстремистские организации и группы будут уже, безусловно, строиться по сетевому принципу, как например, недавно возникшая экстремистская организация «Анархическая герилья».

В целом, следует отметить, что к началу XXI в. в принципе завершилось совершенствование (переход на новый этап) организационного построения экстремистских сообществ. Некогда жестко централизованная, иерархическая система уступила место гибкой сетевой (неформальной) структуре, успешно приспосабливающейся к изменяющейся обстановке и имеющей больше возможностей для активного сочетания легальных и нелегальных способов политической борьбы.

Соответственно взаимодействия внутри боевой группы также носят достаточно гибкий характер, а роль каждого члена группы зависит от стоящей на данный момент задачи. Связи внутри экстремистской организации дополняются внешними неформальными контактами с лицами, не принадлежащими к ней, но зачастую даже помимо своей воли привлекаемыми для выполнения задач данной группы.

Таким образом, внутренние и внешние связи строго не регламентируются формальными рамками и обязанностями, а базируются на

общих ценностях и нормах поведения, разделяемых членами экстремистской организации и сочувствующими. Существенным нововведением стала система изолированных ячеек подпольной сети. Проведение крупной акции координируют, как правило, специальные «тройки». Поэтому для проведения конкретной операции формируются боевые группы из трех – пяти человек, в которых, как правило, знают только о выполняемой задаче. Такая система на практике, во-первых, обеспечивает конспиративность деятельности организации, а, во-вторых, ограничивает размеры провала в случае ареста отдельных исполнителей.

В начале нового столетия значительно усовершенствовалось управление экстремистскими организациями. Ведь помимо разветвленной сети любое экстремистское сообщество имеет общепризнанного лидера или, как правило, группу лидеров. Такой лидер (например, у исламистов – шейх, у автономных структур РНЕ – коллективный Совет командиров и т.д.) очень редко осуществляет оперативное руководство операциями (так, например, за последнее время не был осужден за организацию экстремистской деятельности ни один из членов Совета командиров автономных ячеек РНЕ), для этого есть люди попроще. Лидеры – это хранители традиций, судьи в случае конфликта между ячейками и точки сбора соратников. Если ячейка разгромлена спецслужбами или просто самоликвидировалась (распалась), ничего страшного не происходит – люди выходят на окружение лидера (например, у ваххабитов – связи в определенных мечетях) и их выводят на новых братьев, соратников, товарищей.

Вместе с тем, следует отметить, что сетевой принцип построения организации в последнее время существенно модернизировался. Так, например известный исследователь проблемы международного терроризма Ю.С. Горбунов считает, что «наибольшее распространение получила одна из

сетевых моделей «полная матрица» или так называемая SPIN-структура (сегментированная, полицентричная, политически интегрированная сеть)».[263]

В данной модели, построенной как сотовая структура, взаимодействуют несколько групп, имеющих различных лидеров и объединяющихся для решения общих задач. В этом случае организация как таковая формально не существует, так как нет единого названия, фиксированного членства, филиалов, харизматического лидера и т.д. Автономные ячейки-соты не нуждаются в формальной команде, чтобы исполнить, например, террористический акт, поскольку считают себя в состоянии постоянной войны на враждебной территории. Каждая такая ячейка самостоятельно готовит и осуществляет террористический акт и сама себя финансирует.

Таким образом, по нашему мнению, можно говорить о наличии двух видов построения сетевой организации: сетевой-классический и сетевой-сотовый. Однако на практике, по мнению Ю.С. Горбунова, встречаются три варианта построения экстремистских организаций (иерархическо-централизованный, сетевой и сотовый).[264]

В тоже время, несмотря на свои преимущества, сотовый вариант построения экстремистской организации имеет два серьезных недостатка – во-первых, ячейки-соты предполагают наличие нескольких человек (от двух до пяти и более) и, во-вторых, ячейки, как правило, строятся по иерархической системе, то есть имеют координатора (руководителя) деятельности, отвечающего за функционирование этого миниподразделения. На практике это существенно ослабляет конспирацию, создает вероятность ликвидации всей ячейки путем отслеживание контактов, связей, встреч участников экстремистской деятельности. В силу чего, на наш взгляд, в современном экстремистском сообществе наблюдается устойчивая тенденция дальнейшего развития сетевого построения организаций.

---

[263] Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. Монография. М.,2008. С. 114.

[264] Там же. С. 115.

Прослеживается становление и распространение (укоренение) нового принципа построения организации, его условно можно было бы назвать – «атомизированный» (принцип «атом»). Суть данного принципа – соединение в единую сеть-организацию, как отдельных групп, ячеек-сот, так и отдельных индивидуальных членов, координирующих свою работу на основе: во-первых, общей идеологии и цели; во-вторых, этнической, религиозной, социальной доминанты; в-третьих, личной, добровольной ответственности за успех общего дела; в-четвертых, обеспечения самофинансирования; в-пятых, обмена мнениями, информацией, данными об итогах проведенных акций через Интернет-сайты, зарегистрированные в третьих странах и т.д.

Уже сегодня данный принцип активно апробируется в различных регионах мира (особенно на Ближнем Востоке), в том числе и в Российской Федерации. Здесь, например, можно отметить деятельность исламистских организаций на Северном Кавказе и в Поволжье, построение скинхедгруппировок, у которых нет признанного лидера, названия, атрибутики, печатной продукции, а также создание анархистских или антифашистских сообществ.

При подобном построении организации большую роль играет отдельный индивид («атом»), который на основе ясного понимания цели, идеологических установок, личной ответственности, прежде всего, перед самим собой планирует, координирует и осуществляет экстремистскую деятельность. Подобная деятельность напоминает «броуновское движение», с виду предельно хаотичное, но имеющее общую цель и разные способы ее достижения. По всей видимости, укоренение данного способа построения экстремистских объединений серьезно осложнит работу правоохранительных органов по своевременному выявлению и пресечению экстремистской деятельности.

Исследуя проявления политического экстремизма в современной России, мы хотели бы отметить, что возможности российских экстремистских объединений во многом зависят от состояния материально-

технической базы, наличия необходимых ресурсов, главным образом, постоянного притока финансовых средств. Ведь эффективность экстремистской деятельности на самом деле связана с наличием мощного финансирования, которым во многом определяется как «живучесть» (постоянный приток новых членов, обеспечение конспирации и т.п.) организации, так и способность ее к длительной борьбе с существующим политическим режимом. И здесь возможности у различных российских экстремистских организаций весьма неравнозначны.

Несомненно, своеобразным лидером в обеспеченности финансированием и предоставлением других ресурсов на сегодняшний день являются религиозно-политические экстремистские организации исламской направленности, ячейки и группировки которых действуют на Северном Кавказе, в Поволжье, на Урале. Так, отличительной особенностью исламских экстремистских организаций является практика создания и финансирования из за рубежа различных филиалов международных просветительских, благотворительных, культурных организаций, которые служат легальным прикрытием для экстремистской деятельности.

В конце 1990-х начале 2000-х гг. на территории Северного Кавказа, главным образом, в Дагестане действовали такие филиалы международных организаций, как Международная исламская организация «Спасение», «Лашкар Тайба» (Пакистан), «Аль-Хайрия», «Аль-Харамейн, «Ибрагим бен Ибрагим» (Саудовская Аравия), «Катар» (Катар) и т.д. Основными уставными целями данных филиалов провозглашались: религиозное обучение; просвещение; осуществление благотворительности и оказание социальной помощи. В тоже время на самом деле представители данных организаций активно занимались: пропагандой панисламистских идей, нацеленных на создание исламского государства на территории Северного Кавказа; созданием местных фундаменталистских организаций экстремистского толка; проведением боевой подготовки для членов экстремистских группировок; оказанием местным экстремистским

сообществам финансовой и иной помощи и т.п. За активную поддержку исламских экстремистских группировок в регионе филиалы этих организаций были закрыты по решению дагестанских судов вначале 2000-х гг.[265]

Современные экстремистские организации на Северном Кавказе финансируются как за счет внешних (международные организации), так и внутренних (криминальные способы – требования выкупа заложников, грабежи, мошенничество и т.п.) средств путем создания сетевой инфраструктуры источников. По подсчетам экспертов, этим организациям оказывают материальную помощь около 60 международных исламских организаций, более 100 зарубежных компаний и десятки банковских групп. Так, один из лидеров экстремистов в Дагестане Ахмад-Кади Ахтаев получил 17 миллионов долларов от своих покровителей из стран Ближнего Востока для ведения экстремистской деятельности в регионе.[266]

Помимо хорошо отлаженных финансовых потоков исламские экстремистские организации получают и другую разностороннюю помощь, например, обеспечение современными системами мобильной связи, создание тайников с оружием и взрывчаткой; поддержание работы Интернет-сайтов (зарегистрированы зарубежом); развитие собственных СМИ, главным образом, так называемых «независимых информагентств» в сети Интернет (например, Кавказцентр, Джамаат Такбир, Гураба и т.п.); обеспечение необходимой пропагандистской литературой и т.д. Так, на Северном Кавказе, в Поволжье и других регионах России активно распространяются ваххабитские произведения таких авторов, как Мухаммад Д. Зину, Салих Ф. Аль-Фаузан, Саид Кутб, Фатхи Якан, Багаутдин Магомедов, Магомед Тагаев, Надиршах Хачилаев, Мовлади Удугов и т.д. В данных произведениях содержатся неприкрытые призывы к свержению конституционного строя, ведению джихада против неверных, главным образом, представителей

---

[265] Ханбабаев К.Ф. Исламский радикализм на Северном Кавказе // Свободная мысль – XXI. 2007. № 3. С. 107.

[266] Мурклинская Г. Следствие выяснило источник финансирования ваххабитов // Известия. 26. 02. 1998.

органов власти, правоохранительных структур, других конфессий, а также высказываются идеи о введении на территории Северного Кавказа шариатского правления и создания единого мусульманского государства.

По обеспеченности ресурсами, с исламистскими организациями не идут ни в какое сравнение объединения правых и левых экстремистов. Объединения правых экстремистов, особенно достаточно большие и известные группировки скинхедов (например, Объединенная бригада «88», Кровь и честь, MHS – «Moscow hammer skins», Новый порядок и т.п.) пытаются устанавливать прочные контакты с зарубежными скинхедгруппами с целью обмена опытом и получения финансовой помощи. Кроме того, многие организации скинхедов стараются взаимодействовать с «взрослыми» экстремистскими организациями такими, как РНС, НСО, Партия Свободы, Славянский союз и т.д. Взаимодействие с подобными структурами позволяет бритоголовым рассчитывать на получение материальной помощи, предоставление спортивных залов для тренировок, содействие в выпуске своей печатной продукции и т.п. Еще одним источником получения финансовой помощи является участие бритоголовых в объединениях («фирмах») футбольных фанатов, которые, как правило, получают материальные средства от руководства футбольных клубов для организации поддержки своей команды. Определенные денежные суммы некоторые скинхедгруппы получают так же от занятия криминальной деятельностью (грабежи, кражи, рэкет, участие в бандитских разборках и т.д.).

Однако в целом, получаемые финансовые средства небольшие и расходуются в основном на непостоянное издание своего журнала или «боевого листка». Так, в России наиболее известными и популярными у бритоголовых в 1990-х начале 2000-х гг. были журналы: «Под ноль» (всего с 1994 г. вышло 5 номеров тиражом около 500 экземпляров), «Уличный боец» (издавался с 1996 по 1998 гг., вышло 5 номеров тиражом около 900 экземпляров), «Отвертка» (всего в 1990-х гг. вышло 8 номеров, больше не издавался), «Белое сопротивление» (журнал известной в Москве

скинхедгруппы «Объединенная бригада «88», вышло 2 номера), «Вестник Moscow hammer skins» (издается с 1999 г., всего вышло 2 номера)[267] и т.д. Кроме того, различные «боевые листки» бритоголовых издаются во многих регионах России, но довольно малыми тиражами. Что позволяет сделать вывод о том, что в пропаганде российских скинхедгрупп печатная продукция (журналы, газеты, листовки и т.п.) не занимает ведущего положения, уступая лидерство Интернет-сайтам, где и ведется широкая пропаганда идейных установок бритоголовых.

Серьезные проблемы с финансированием имеют и более структурированные экстремистские организации, такие как автономные отделения РНЕ, НСО, СС, ННП и другие. Помимо поддержания работы своих страничек в Интернете и издания немногочисленными тиражами своих газет и информлистков, данные организации проводят военно-спортивные тренировки (аренда спортзалов, организация полевых выездов) со своими членами, а также приобретают различные виды оружия и взрывчатых веществ (газеты, брошюры и сайты правых экстремистов содержат всю подробную информацию как, каким образом и где можно вполне законно приобрести и зарегистрировать различные виды травматического и охотничьего оружия). Более «серьезные» образцы стрелкового оружия закупаются нелегально и складируются как на территории тренировочных баз, так и на специально снятых квартирах (например, изъятый арсенал в ходе расследования убийства адвоката Маркелова и журналистки Бабуровой по уголовному делу Тихонова – Хасис).

Российские левоэкстремистские организации (например, РВС, НРА) также не обладали развитой материально-технической базой, поскольку как таковое отсутствовало финансирование левоэкстремистских проектов. Вообще левоэкстремистские и леворадикальные группировки в России довольствуются, преимущественно, самофинансированием (организация рок-концертов, продажа атрибутики и печатной продукции, взносы и

[267] Беликов С.В. Все о скинхедах. М., 2002. С. 144 – 146.

пожертвования участников, криминальная деятельность и т.п.), а также небольшими поступлениями денежных средств от левых политических партий и отдельных предпринимателей левых взглядов. Скудость финансирования объясняется не только отсутствием популярности у левоэкстремистских идей в современном российском обществе, но также и тем, что представители левых взглядов, например, избиратели, пока свои надежды на изменение политического строя связывают с деятельностью вполне легальной КПРФ, которая еще не исчерпала лимит доверия среди определенной части населения страны (об этом свидетельствуют, например, результаты парламентских и президентских выборов, где КПРФ и лично Г.А. Зюганов уже не первый раз занимают второе место). Как правило, расходуются полученные средства на выпуск своей печатной продукции (брошюры, газеты, листовки), работу Интернет-сайтов, организацию тренировочных лагерей, приобретение оружия, взрывчатых веществ и т.п.

Таким образом, следует отметить, что возможности экстремистских организаций, действующих в современной России, определяются наличием собственной развитой материально-технической базы и, главным образом, отлаженным механизмом финансирования деятельности экстремистских сообществ. Проведенный сравнительный анализ показал, что деятельность исламистских религиозно-политических экстремистских организаций хорошо финансируется, поддерживается и направляется представителями различных просветительских, благотворительных и прочих филиалов международных организаций. В связи с чем исламские экстремистские организации, в отличие от правых и левых экстремистов, имеют, как правило, хорошо отлаженную структуру, развитую систему связи, обеспеченность оружием, снаряжением, транспортом, а также поддержку, как части представителей местного населения (Северный Кавказ), так и из-за рубежа. Что позволяет им сохранять хорошие перспективы для продолжительной борьбы с конституционным строем Российской Федерации, несмотря на различного рода «контртеррористические

операции», проводящиеся федеральными властями на территории Северного Кавказа.

Лидирующее положение исламистских религиозно-политических организаций по материально-технической обеспеченности в российском экстремистском сообществе объяснимо, на наш взгляд, следующими причинами:

1. Почти все исламские экстремистские организации с момента своего создания ориентированы идеологами и лидерами на вооруженную борьбу против существующего политического строя в России. Эта нацеленность на использование различных видов насилия изначально придает исламистским организациям непримиримость, отсутствие стремления к компромиссам, готовность использовать абсолютно любые средства для достижения поставленных целей. Поэтому для исламистских организаций основным способом борьбы выступает ведение партизанской войны со всеми ее проявлениями: терроризм, боестолкновения с регулярными войсками, расстрелы политических противников и т.д. Тогда как организации правых и левых экстремистов, используя отдельные насильственные действия (взрывы, поджоги, убийства нелегалов и своих политических оппонентов), партизанской борьбы с режимом не ведут, рассматривая как основные способы борьбы, прежде всего легальные методы: пропаганда и агитация, общение в сети Интернет, участие в митингах и пикетах, организуемых политической оппозицией и т.п. Таким образом, нацеленность на ведение войны позволяет исламистским группировкам тщательным образом подходить к вопросу обеспечения экстремистской деятельности, подбору кадров (как минимум имеющих опыт службы в армии), а также находить долговременные источники финансирования.

2. В создании исламистских группировок особую роль играют эмиссары различных международных организаций, фондов, обществ, за которыми стоят интересы исламских государств – Саудовской Аравии, Пакистана, Катара и т.д. Отдельные представители радикальных политических кругов

данных государств прямо заинтересованы в отделении Северного Кавказа и Поволжья от России с целью создания марионеточного и подконтрольного исламского государства на этих территориях. Отсюда организационная и финансовая помощь религиозно-политическим экстремистам в Чечне, Ингушетии, Дагестане, ведущаяся по линии открытия и деятельности всевозможных благотворительных, просветительских, учебных филиалов различных международных организаций.

3. Серьезное преимущество дает исламским экстремистским организациям участие в их деятельности людей, имеющих солидный опыт участия в боевых действиях (Афганистан, Ливан, Югославия, Чечня и т.д.), а также опыт организации снабжения, создания лагерей подготовки боевиков, планирования и руководства осуществлением террористических акций.

4. Мотивационная основа исламского религиозно-политического экстремизма часто значительно прочнее, чем у правых (националисты) и левых (социалисты) экстремистских групп. Любая исламистская организация строится на основе религиозной доктрины, в центре которой стоит высшая реальность – Аллах, тогда как все остальное – лишь средство служения, поклонения Всевышнему. Поэтому все национальные, социальные и прочие интересы должны быть подчинены одному – следованию пути, указанному Творцом в священной книге – Коран. Тогда как для правых экстремистов высшая реальность – интересы своей нации, расы. Отсутствие четких представлений, устраивающих всех, о том, что такое нация и кого считать принадлежащим к ней и по каким признакам, зачастую приводят к серьезным конфликтам в среде правых экстремистов (например, раскол в ННП из-за разного понимания термина «русизм» между председателем партии А. Ивановым и лидером молодежного крыла ННП С. Токмаковым).

Серьезно ослабляет левые экстремистские организации постоянные теоретические споры и конфликты по поводу выяснения правильного понимания и толкования классиков марксизма. Причем в среде левых экстремистов нет четкого понимания природы государства и не выработан

механизм осуществления управления территорией в случае захвата власти. Так, анархистские группы и организации «новых левых» в принципе отвергают любую государственную власть, считая ее изначально авторитарной, насильственной, средством подавления прав и свобод личности. И поэтому остаются верны анархистской классике – ликвидация государственного аппарата сразу в ходе социальной революции. Тогда как представители, например, троцкистских групп выступают за установление диктатуры пролетариата как последней отмирающей формы государства. Естественно, отсутствие единства среди левых экстремистов и радикалов порождает взаимную неприязнь, склоки, конфликты, организационную слабость, мотивационную неустойчивость и не способствует формированию деятельной левоэкстремистской организации, как, например, РАФ, Красные бригады, Японская красная армия и др.

Кроме того, большое значение для мотивации деятельности экстремистских организаций имеет отношение их к сохранению территориальной целостности России. И если правые экстремисты однозначно выступают за создание унитарного государства («единой и неделимой» России), для левых с оговорками – Россия видится как основа воссозданного обновленного СССР (например, РВС) или как одна из федеративных общин в общеевропейской федерации. Исламские же экстремисты выступают за создание отдельного исламского государства на территориях бывшего российского Северного Кавказа (таковы взгляды, например, Высшего военного Совета Объединенных сил моджахедов Кавказа). Свои сепаратистские настроения исламисты считают национально-освободительной борьбой против российской оккупации, тем самым выступая за немедленное отделение от России. Камуфлированный религиозными идеями сепаратизм, позволяет исламским экстремистам использовать националистические антирусские настроения определенной части населения республик Северного Кавказа.

Таким образом, по нашему мнению, развертывание процесса

усовершенствования (модернизации) организационных структур экстремистских формирований вскоре приведет к началу нового этапа в развитии не только экстремистских объединений, но и всего политического экстремизма в целом.

3.2 Диагностирование проявлений экстремистской деятельности

При исследовании политического экстремизма большое значение приобретает вопрос о признаках (критериях), позволяющих отличить проявления именно экстремистской деятельности от всякой иной деятельности в политике. Поэтому, на наш взгляд, выделенные нами ранее признаки экстремизма (агрессия, нелегитимное насилие, идеологическая обеспеченность, противоправность, корпоративность, публичность) могут быть использованы для диагностирования экстремистской деятельности различных организаций, объединений и групп.

Проанализируем проявления политического экстремизма в деятельности таких левоэкстремистских сообществ, как анархистская группа «Новая Революционная Альтернатива» (НРА) и левокоммунистическая организация «Революционный Военный Совет» (РВС), действовавших в постсоветской России.

На наш взгляд, экстремистская деятельность данных организаций может быть диагностирована на основе следующих признаков (критериев).

Во-первых, проявление агрессивной реакции, направленной против существующего социального порядка и его представителей. Так, объектами агрессии (террористических актов) для левых экстремистов из НРА и РВС становились военкоматы, Главная военная прокуратура РФ, приемная ФСБ, военные склады, памятники Николаю II и Петру I, отдельные представители деловых кругов и т.д. Проявление агрессии отразилось и в документах данных организаций. Например, 16 октября 1996 г. редакции нескольких столичных газет получили факсы с «Заявлением № 1», подписанные организацией «Новая Революционная Альтернатива» (НРА), где говорилось,

что «мы, боевая группа «Новой Революционной Альтернативы» (НРА), принимаем на себя ответственность за эту акцию (теракт – *Авт.*)» и «готовы физически уничтожать новых русских».[268] Тогда как документ под названием «Приказ № 1 Реввоенсовета РСФСР» прямо говорил о создании органа революционной диктатуры пролетариата – Народного Комиссариата Внутренних Дел (НКВД) как структурного подразделения РВС для проведения карательных акций против классовых врагов, представителей органов власти, предателей и т.п.[269]

Во-вторых, применение нелегитимного политического насилия, что предполагает целенаправленные действия насильственного характера. Основной целью НРА и РВС стала подготовка и осуществление вооруженного восстания (революции) с целью свержения конституционного строя РФ. Причем если представители НРА планировали только «расшатать ситуацию» и, таким образом, приблизить революцию, то члены РВС ставили целью – захват государственной власти и изменение общественного строя: «РВС РСФСР» учрежден как орган подготовки и осуществления вооруженного восстания с целью свержения буржуазного режима в Российской Федерации и установления диктатуры пролетариата…».[270]

Средствами достижения своих целей левые экстремисты избрали осуществление террористических актов. Так, боевиками НРА были осуществлены взрывы 9 октября 1996 г. в здании Северо-восточного военкомата г. Москвы, 13 июля 1997 г. у входа в здание Главной военной прокуратуры РФ, 1 августа 1998 г. и 4 апреля 1999 г. – в приемной ФСБ (г. Москва). Тогда как организация РВС брала на себя ответственность за взрыв памятника императору Николаю II в апреле 1997 г., подготовку к взрыву памятника Петру I (6 июля 1997 г.), серию взрывов военных складов на Дальнем Востоке, поджоги автомобилей, попытку взорвать Люберецкую газораспределительную станцию и т.д.

---

[268] Стогов И. Революция сейчас. М., 2003. С. 113.
[269] Приказ № 1 Реввоенсовета РСФСР // Бумбараш – Молодой коммунист. 1997. № 4 (44). С. 4.
[270] Положение о Революционном Военном Совете Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РВС РСФСР) // Бумбараш – Молодой коммунист. 1997. № 4 (44). С. 3.

Таким образом, применение насильственных действий боевиками РВС и НРА носило целенаправленный характер и осуществлялось, как справедливо отмечает Д.Е. Бученков, «по политическим мотивам».[271]

В-третьих, экстремистская деятельность НРА и РВС была идеологически обоснованной. Представители этих организаций не просто совершали криминальные деяния, но и стремились обосновать их на основе анархистских, революционно-демократических и марксистско-ленинских идей.

В-четвертых, действия левых экстремистов носили публичный характер и осуществлялись с обязательным уведомлением различных СМИ. Так, представителями НРА рассылались факсы в редакции столичных газет с сообщениями о проведенных террористических актах. Члены РВС публиковали собственные материалы в газете РКСМ (б) «Бумбараш» с целью распространения информации о своей деятельности и привлечения в свои ряды новых сподвижников.

В-пятых, деятельность левых экстремистов была связана с совершением уголовно-наказуемых деяний (противоправность). Так, например, лидер РВС И. Губкин был приговорен судом к 19 годам лишения свободы, в том числе за «попытку государственного переворота» (ст. 278 УК РФ).[272] Вместе с тем этот признак может применяться и для определения экстремистских действий юридического лица, когда встает вопрос о его ликвидации или запрете деятельности. Однако деятельность НРА и РВС была прекращена в связи с уголовным преследованием их членов и более не возобновлялась. Данные организации не были зарегистрированы в соответствии с законом, не имели права юридического лица, и их деятельность не была ликвидирована или запрещена по решению какой-либо судебной инстанции.

---

[271] Бученков Д.Е. Анархисты в России в конце XX века. М., 2009. С. 131.
[272] Стогов И. Указ. соч. С. 182 – 183.

В-шестых, деятельность осуществлялась в составе группы (корпоративность). Поэтому для участников НРА и РВС было характерно коллективное представление о достижении поставленной цели (подготовка и осуществление революции), обоснованное экстремистской идеологией.

Таким образом, исследовав деятельность НРА и РВС можно сделать следующие выводы:

1. Сложная социально-экономическая ситуация в стране в середине 1990-х гг. (рыночная «шокотерапия», задержки с выплатами зарплат, пенсий, пособий, рост безработицы и обнищания населения, военные неудачи в Чечне и т.д.) привела к росту агрессивных настроений в среде левых организаций и групп. Выразителями данных настроений стали члены НРА и РВС, взявшие за основу тактику осуществления экстремистской деятельности посредством организации минирования и подрыва объектов государственного и общественного значения.

2. Террористические акты, организованные НРА и РВС, носили, преимущественно, демонстрационный характер (стремление избежать жертв, в том числе, особенно, случайных). По всей видимости, данными актами участники НРА и РВС пытались обратить внимание органов власти на назревшие и не решаемые социально-экономические проблемы в российском обществе. Вместе с тем, к концу своей деятельности левые экстремисты стали склоняться к переходу от такого демонстрационного «терроризма» к подготовке и осуществлению действительно террористических актов с предполагаемыми жертвами и материальными разрушениями (например, подготовка взрыва газораспределительной станции членами РВС).

3. Экстремистская деятельность НРА и РВС не получила дальнейшего развития как в силу отсутствия поддержки не только своей леворадикальной среды (непопулярность терроризма, слабость и раздробленность левых организаций и групп), но и по причине отсутствия организованного протестного движения против политики президента Б.Н. Ельцина. Выборы 2000 г. и приход к президентской власти В.В. Путина дали некоторую

надежду на изменение сложившейся социально-политической ситуации в стране, что отразилось и на настроениях в левой части политического спектра, когда продолжение борьбы с режимом представлялось левым организациям вполне легальным, в пределах, разрешенных действующим законодательством.

4. Одной из особенностей деятельности НРА и РВС было отсутствие не просто необходимой технической подготовки, но, главным образом, отсутствовала психологическая готовность, осознание перспективы и возможных последствий своих действий. То есть в отличие от, например, исламских экстремистов, участники НРА и РВС были абсолютно не готовы к ведению длительной партизанской (террористической) войны с режимом. Например, судя по материалам дела, за участниками НРА велась длительная слежка. Их тщательно прослушивали: в деле упоминаются 68 кассет с записями разговоров обвиняемых. Так, они слишком откровенно общались по телефону и обсуждали подробности случившегося с ненадежными людьми.[273] Кроме того, данные организации не имели разветвленной сетевой структуры, что, например, привело к аресту всех членов РВС сразу на одной квартире при подготовке к следующей акции.

5. Экстремистский характер данных организаций (НРА и РВС) подтверждает применение их участниками различных видов насильственных действий. Во-первых, применение физического насилия – минирование и возможный подрыв газораспределительной станции (РВС) могли привести к массовым человеческим жертвам, как и взрывы военкоматов и приемной ФСБ в деле НРА не исключали «случайных» жертв. Во-вторых, уничтожение (повреждение) материальных объектов в политических целях – в деле НРА и РВС такими объектами выступали: помещения военкоматов, общественная приемная ФСБ, исторические памятники, вход в здание Военной прокуратуры, военные склады и т.д. В-третьих, морально-психологическое

---

[273] Тарасов А. История одной полицейской провокации http://fractal-vortex.narod.ru/Tarasov/Alexander_Tarasov_2a.htm (дата обращения 11. 12. 2012).

насилие – участники НРА и РВС обращались с публичными заявлениями в СМИ, в которых содержались угрозы и призывы к осуществлению насилия в отношении определенных социальных групп и представителей органов государственной власти.

В целом, несмотря на слабую организацию, неподготовленность к серьезной борьбе, отсутствие необходимого профессионализма, известную долю «демонстративности», деятельность НРА и РВС вполне можно квалифицировать как экстремистскую, совершаемую общественно-опасным способом, с возможными необратимыми последствиями для жизни и здоровья граждан России.

В последнее время российские средства массовой информации, рассматривая происходящие процессы в радикально настроенной молодежной среде, относят к левым экстремистам различные молодежные группы, именующие себя – «АФА», «антифа» или «антифашисты». Причем СМИ исходят из того, что эти группы обладают некой левой экстремистской идеологией и ведут настоящую уличную войну против нацискинхедов (неофашистов).

Вместе с тем, по мнению известного исследователя молодежного радикализма А.А. Козлова: «Антифашизм является не самостоятельной идеологией, а идеей противостояния фашизму. В отличие от неофашистских формирований, основные идеи антифашистов социально позитивны и препятствуют примыканию подростков к неофашистским группам. Радикальные формы проявления антифашизма крайне редки и являются, скорее, исключением из правила. Они не могут рассматриваться в качестве признака антифашистских групп».[274] Действительно, идеи антифашизма в современной России используют в своей деятельности различные общественные объединения: ветеранские организации участников Великой Отечественной войны, правозащитные группы, общественные организации

---

[274] Козлов А.А. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга: теория, практика, методы профилактики экстремизма. СПб., 2008. С. 112 – 113.

прокремлевской ориентации («Наши», «Местные», «Молодая гвардия» и т.п.), субкультурные молодежные группы (хиппи, панки, рейверы, рэперы, так называемые «красные» скинхеды и т.д.), организации политической оппозиции (в основном – прокоммунистические и либеральные).

Однако целенаправленно пытаются противостоять неофашистским группам лишь отдельные субкультурные молодежные группировки: анархо-панки и «красные» скинхеды, как правило, так или иначе связанные с леворадикальными политическими организациями типа АД («Автономное действие»), АКМ, РКСМ (б) и т.д. Так, во многих регионах России анархо-антифашизм начал формироваться в конце 1990-х гг., преимущественно, как субкультурное явление, проникая в общемолодежную субкультуру. Главным образом, идеи противостояния нацискинхедам (бонхедам) в тот период были присущи небольшим дворовым группировкам панков, рэперов и всем тем, кто регулярно подвергался каким-либо насильственным действиям со стороны членов таких же дворовых скинхедгруппировок. Впоследствии, уже в начале 2000-х гг. идеи радикального антифашизма стали активно пропагандировать различные анархистские организации и группы

Вместе с тем следует отметить, что радикальный антифашизм явился лишь ответом на пропаганду и деятельность молодежных организаций, использующих национал-социалистические, фашистские и расистские идеи для достижения политических целей и применяющих физическое насилие против своих оппонентов, противников из среды молодежи, выходцев из стран Ближнего и Дальнего зарубежья. По мнению А.А. Козлова: «Антифашизм ни в коем случае не является экстремизмом. Распространение информации об антифа как об экстремистах, производится, преимущественно неофашистами. Подобные действия нацистских групп ставят целью воспрепятствование противостоящих неофашизму идеологий и должны пресекаться».[275]

С позицией А.А. Козлова можно согласиться, но лишь отчасти. Во-

[275] Козлов А.А. Указ. соч. С. 113 – 114.

первых, распространяют информацию о своих наиболее удачных акциях сами представители антифа-группировок. Так, например, периодические печатные издания анархистского объединения «Автономное действие» регулярно помещает сообщения из регионов о подобных акциях и уличных столкновениях.[276] Кроме того, подобного рода видеоотчеты и просто сообщения регулярно появляются в сети Интернет. Во-вторых, конечно, субкультурные объединения молодежи типа анархо-панков, рэперов, «красных» скинхедов, практикующих радикальный антифашизм, но без связи с определенной идеологией или политической целью, сложно отнести к политическому экстремизму. Тем более что данные группировки не практикуют организацию террористических актов с использованием взрывчатых веществ или огнестрельного оружия. Но подобная деятельность вместе с радикализацией сознания, появлением интереса к политической борьбе может привести участников данных группировок к созданию экстремистских организаций, использующих насилие уже непосредственно для достижения своих политических целей. Таким образом, формируется тенденция к дальнейшей радикализации молодежных групп и возможному привнесению в деятельность леворадикальных общественных организаций экстремистских методов воздействия: терроризм, партизанская война и т.д.

Таким образом, следует отметить, что активно левоэкстремистские организации и группы заявили о себе во второй половине 1990-х гг., что было связано с ухудшением социально-экономической обстановки в стране, ростом безработицы, особенно среди молодежи, систематическими невыплатами зарплат, пенсий и пособий, радикализацией настроений участников левых общественных организаций и движений. Деятельность левоэкстремистских объединений в этот период носила, преимущественно, демонстрационный характер и не преследовала цели организации террористических актов с массовыми жертвами.

---

[276] Солнцев Д. Уличная антифа. Мини-хроника // Автоном. Журнал радикальной альтернативы и сопротивления. Краснодар. Май 2003. С. 19 – 21; Сергеев С. Правый марш в Питере // Ситуация. 2006. № 16. С. 7 и др.

Вместе с тем в конце 1990-х начале 2000-х гг. проявилась тенденция к возможному переходу от радикальных способов борьбы к экстремистским методам воздействия на своих политических оппонентов в случае резкого ухудшения социально-экономической обстановки, роста массового недовольства политическим режимом, радикализации общественного сознания. Данная тенденция, в настоящее время, сохраняется в латентной форме и в перспективе может привести к формированию хорошо организованных левоэкстремистских организаций, использующих методы «Красных бригад» и РАФ, и постоянно пополняющихся за счет леворадикалов из АКМ, Левого фронта, РКСМ (б), АД, анархо-панков, «красных» скинхедов и т.д.

Если пик проявлений левого экстремизма в постсоветской России приходится на середину и конец 1990-х гг., то правый экстремизм, проявившийся в осуществлении террористической деятельности, становится реальностью в России в начале 2000-х гг. Так, наиболее известными террористическими актами с использованием взрывчатых веществ были: взрыв на Черкизовском рынке, а также еще семи торговых точек в Марьино, Люблино, Коньково (все теракты – военно-патриотический клуб «Спас»); «дело бирюлевских взрывников» (скинхедгруппа Е. Жихаревой) – всего около десяти взрывов (в кафе, на станции «Бирюлево – Пассажирская», в храме Николая Чудотворца, на территории Тушинского рынка и т.д.); деятельность скинхедгруппы «Национал-социализм – Белая сила – Невоград» или «NS – WP – Невоград» – взрыв на автобусной остановке на Заневском проспекте (Санкт-Петербург), подрыв железнодорожного полотна на перегоне Броневая – Лигово (ранения получил машинист дрезины) и еще около 10 взрывов в местах, где проживали или работали выходцы с Северного Кавказа и Средней Азии; «дело сергиево-посадских и пушкинских скинхедов» (участники нескольких небольших скинхедгрупп) – взрывы торговых палаток, принадлежащих выходцам с Кавказа в Пушкинском, Мытищинском и Сергиево-Посадском районах Московской области и т.п.

Безусловно, это лишь наиболее резонансные дела (хотя известны и другие случаи – взрывы в синагогах, мечетях и православных храмах, на рынках небольших провинциальных городов, в торговых палатках и т.п.), связанные с целенаправленным регулярным осуществлением террористических актов правыми экстремистами с использованием «традиционного способа» – предварительное минирование объекта и затем подрыв взрывного устройства.

Безусловно, проявления правого экстремизма в постсоветской России связаны не только с использованием взрывчатых веществ для осуществления терактов и вести отчет о них можно и с начала 1990-х гг. Однако не все правые организации и группы можно квалифицировать как экстремистские, так как многие объединения в своей деятельности не переходят ту грань, которая отделяет идейную радикальность от политического экстремизма. Поэтому, диагностируя проявления деятельности правых организаций и групп на основе выявленных нами признаков (критериев) политического экстремизма, можно к правоэкстремистским организациям отнести только определенный ряд таких общественных объединений.

Одним из существенных признаков характеризующих экстремистскую деятельность той или иной правой организации является наличие агрессивной реакции против, преимущественно, всех «чужих» – представителей других рас, национальностей, религиозных конфессий, а затем уже против политических оппонентов, органов государственной власти и т.п. Как правило, в риторике и печатных изданиях правоэкстремистских организаций постоянно звучат публичные призывы к насильственному ограничению прав нерусских национальностей. Так, например, по мнению лидера РНС (Русский национальный союз) К. Касимовского: «Черных выходцев с Юга – в вагоны и на историческую родину!» или «Жид есть тварь малоизученная, не относящаяся к семейству рода человеческого».[277]

Агрессивная реакция нередко основывается на бытовой ксенофобии,

---

[277] Дейч М. Коричневые. М., 2003. С. 13.

жизненной неустроенности, маргинальности, стремлении к самоутверждению за счет тех, кого в правых кругах принято считать людьми «второго сорта» (инородцы, иноверцы и т.п.). Кроме того, агрессия вызывается страхом перед предполагаемой угрозой занимаемому положению в социальной иерархии со стороны трудовых мигрантов, беженцев, переселенцев (мигранты «займут» все рабочие места). Вместе с тем, следует отметить, что такая агрессия не просто присутствует в риторике, печатных изданиях, пропагандистских мероприятиях, но и реально переходит в осуществление насильственных действий.

Применение различных форм насилия против своих противников служит основным признаком, определяющим экстремистскую деятельность. Как правило, в деятельности правоэкстремистских организаций можно выделить три формы таких действий: применение физического насилия; уничтожение или повреждение материальных объектов в политических целях; осуществление духовного (морально-психологического) насилия.

В качестве примера, характеризующего применение данных форм насилия в политических целях, рассмотрим деятельность Межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» (НБП).

Деятельность Межрегиональной общественной организации «Национал-большевистская партия» (бессменный руководитель НБП – Э.В. Лимонов) была прекращена по решению Московского городского суда от 19 апреля 2007 г. Суд руководствовался несколькими статьями УК РФ, главным образом, сделав акцент на публичных призывах членов НБП к насильственному изменению конституционного строя, возбуждении национальной, расовой и религиозной вражды, создании экстремистского сообщества, вовлечении несовершеннолетних в противоправную деятельность, приобретении и хранении огнестрельного оружия и взрывчатых веществ, прочих противоправных действиях участников данной организации.

По нашему мнению, деятельность НБП в период с 1996 г. по 2007 г.

вполне можно квалифицировать как экстремистскую на основе выявления трех основных форм насильственных действий:

1) Случаи применения умышленного физического насилия со стороны членов НБП по отношению к политическим оппонентам, сотрудникам правоохранительных органов, представителям нерусских национальностей немногочисленны, но прослеживаются за весь указанный период. Так, в 1996 – 1999 гг. по количеству массовых драк с сотрудниками правоохранительных органов лидировало Санкт-Петербургское отделение НБП (наиболее известный случай – массовая драка в ходе проведения несанкционированного митинга 11 марта 1999 г. у здания Мариинского театра). Подобный случай произошел 15 сентября 2002 г. в Москве в ходе проведения марша «Антикапитализм – 2002» (пострадало несколько сотрудников милиции, двое национал-большевиков было осуждено к трем годам лишения свободы).

Участвовали члены НБП в нападениях на представителей нерусских национальностей. 27 октября 1999 г. был арестован и вскоре осужден за участие в избиении корейского студента лидер Санкт-Петербургского отделения НБП А. Гребнев. 12 мая 2000 г. был арестован и 27 ноября 2001 г. осужден на пять лет лишения свободы член НБП С. Михайлов за убийство одного и нанесение тяжкого вреда здоровью другому выходцу с Кавказа. В декабре 2000 г. были осуждены члены Псковского регионального отделения НБП за возбуждение национальной, расовой и религиозной вражды, нападения на иностранных граждан, хулиганство, бандитизм, хранение боеприпасов.

2) Несмотря на постоянные призывы и готовность к применению крайних способов борьбы, члены НБП за указанный период (1996 – 2007 гг.) не участвовали в организации терактов с использованием взрывчатых веществ для умышленного уничтожения или повреждения материальных объектов в политических целях. Вместе с тем, в это время, национал-большевики провели несколько акций, причинивших вред нескольким зданиям посольств иностранных государств (Польша, Казахстан, Латвия, Грузия), и разгромили

общественную приемную СПС. Например, в ночь с 24 на 25 февраля 2000 г. трое национал-большевиков забросали бутылками с зажигательной смесью посольство Польши. 17 марта 2000 г. точно таким же образом с использованием бутылок с керосином и краской было забросано посольство Казахстана (по факту было возбуждено уголовное дело по статье 213 ч.2 УК РФ). 13 апреля 2000 г. группа национал-большевиков в Нижнем Новгороде устроила погром в общественной приемной партии «Союз правых сил». Была поломана мебель, оргтехника, исписаны стены. Сотрудниками правоохранительных органов были задержаны трое членов НБП (в августе того же года решением суда были приговорены к трем годам лишения свободы условно).

3) Публичная риторика, как руководителей, так и рядовых национал-большевиков выражалась в жесткой критике органов государственной власти, призывах к насильственному изменению конституционного строя, оправданию терроризма. Так, 19 ноября 1998 г. Э. Лимонов провел пресс-конференцию, на которой пригрозил организацией массового террористического молодежного движения в стране, если НБП не будет зарегистрирована Минюстом. Лимонов почти откровенно угрожал органам власти: «Я не смогу, да и не захочу удерживать своих людей… Регистрация – или терроризм!».[278] Еще раньше, в сентябре 1997 г. против Э. Лимонова было возбуждено уголовное дело за «публичные призывы к разжиганию расовой, межнациональной и религиозной розни» (тогда еще статья 74 УК РФ).

7 апреля 2001 г. в Алтайском крае на пасеке Пирогова были арестованы члены НБП, в том числе Э. Лимонов, которому 9 апреля было предъявлено обвинение в «организации преступной вооруженной группы». Лимонов подозревался в подготовке к вооруженному восстанию на северо-востоке Казахстана с целью создания там Русской автономной республики. В итоге Э. Лимонову было предъявлено обвинение по статьям 205 ч.3 («терроризм, совершенный организованной группой»), 208 ч. 1 («создание

[278] Лихачев В. Нацизм в России. М., 2002. С. 83.

незаконного вооруженного формирования и руководство им»), 280 ч.2 («публичные призывы к изменению конституционного строя РФ, совершенные с использованием средств массовой информации») УК РФ.

Таким образом, использование различных форм насилия, а также осуществление других противоправных действий, привело к решению суда о запрете деятельности НБП по основаниям, предусмотренным Федеральным законом «О противодействии экстремистской деятельности».

Подобным образом было вынесено решение о запрете деятельности Межгосударственной общественной организации «Национал-социалистический союз» (НСО), а затем в 2010 г. – общественных организаций «Славянский Союз» (СС) и «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). В деятельности этих организаций также можно выделить основные формы осуществления противоправных действий: 1) умышленное применение физического насилия (нападения, избиения и убийства представителей нерусских национальностей, подготовка и осуществление терактов, повлекших человеческие жертвы); 2) уничтожение или повреждение материальных объектов в политических целях (минирование и подрывы кафе, торговых палаток, остановок общественного транспорта с целью оказания давления на иммигрантов, иностранных граждан и т.д.); 3) осуществление духовного (морально-психологического) насилия – постоянные угрозы применения силы в отношении инородцев, иностранцев, беженцев из стран Ближнего зарубежья; публичные призывы и распространение материалов заведомо провоцирующих конфликты между гражданами на основе возбуждения расовой, национальной и религиозной розни и т.д.

Применение политического насилия правоэкстремистскими организациями всегда идеологически обосновано. Любая правоэкстремистская организация или группа стремится аппелировать к каким-либо известным политическим идеологиям или религиозным учениям, претендуют на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или

иного учения или идеологии. Причем, как правило, правоэкстремистская идеология имеет эклектичный характер, стремясь соединить в единое целое различные положения тех или иных идеологий, учений, доктрин. Например, национал-большевизм как идеология НБП – причудливое сочетание националистических и социалистических идей в трактовке А. Дугина и Э. Лимонова. Не менее своеобразна идеология НСО, соединяющая в себе идеи германского национал-социализма и «Русскую правду» П. Пестеля.

Вместе с тем, по нашему мнению, наличие идеологической обоснованности применяемому насилию позволяет диагностировать проявления экстремистской деятельности и идентифицировать ту или иную организацию как экстремистскую.

Практически все правоэкстремистские организации стараются осуществлять свою деятельность публично, обращаться к широкому кругу людей, с использованием самых различных средств пропаганды и агитации. Это выражается в создании собственных СМИ: печатных и электронных ресурсов. В настоящее время особое значение в среде правых экстремистов отводится интернет-сайтам, позволяющим работать, главным образом, с молодежью, осуществлять поиск новых адептов в социальных сетях. Менее распространен выпуск собственных газет, журналов, брошюр, листовок, поскольку это сопряжено как с большими финансовыми расходами, так и с опасностью привлечения к уголовной ответственности за изготовление, хранение и массовое распространение заведомо экстремистских материалов.

Деятельность правоэкстремистских организаций носит противоправный характер. Как правило, проявления такой деятельности приводят к нарушению различных статей уголовного, административного законодательства, что нередко оборачивается человеческими жертвами. Для примера можно указать на деятельность наиболее известных организаций и групп: Московская организация Д. Боброва «Шульц 88» (действовала с 2001 по 2003 г., специализировалась на организации нападений на выходцев с Кавказа с применением холодного оружия), скинхедгруппа «Мэд крауд»

(«Бешеная толпа» действовала с 2002 по 2004 г. в Санкт-Петербурге, практиковалась на организации погромов кафе, закусочных, принадлежащих представителям нерусских национальностей и на рынках), БТО Воеводина – Боровикова («Боевая террористическая организация Воеводина – Боровикова» – наиболее опасная скинхедгруппа, участвовавшая в подготовке и осуществлении террористических актов с применением огнестрельного оружия), немногочисленная террористическая организация «Движение имени павшего героя Дмитрия Боровикова», специализировавшаяся на подготовке и осуществлении терактов с использованием взрывчатых веществ.

Противоправная деятельность подобных организаций всегда сопровождается наличием многочисленных жертв, как из числа иммигрантов, так и представителей коренного населения России. В силу чего деятельность одних из них запрещена по решению различных судебных инстанций (например, НБП, НСО, СС, ДПНИ, РОНС). Деятельность других прекращена вследствие оперативных мероприятий сотрудников правоохранительных органов, приведших к осуждению лидеров и активистов, и последующей самоликвидации правоэкстремистских организаций (РНС, ННП, БТО, «Мэд крауд» и др.).

Еще один признак, позволяющий диагностировать проявления экстремистской деятельности – корпоративность. Деятельность правоэкстремистских организаций осуществляется в рамках определенного сообщества (организация, группа и т.п.), связанного общностью цели, твердой дисциплиной, чувством коллективной принадлежности к «высшей» расе, определенной нации, «истинной» религии и т.д. Так, например, при проведении занятий с новобранцами функционеры РНЕ конкретизировали: «Только мы, духовные наследники древних ариев, общих предков германцев и славян можем железной рукой искоренить расово чуждый нам коммуно-жидо-демократический элемент».[279] Корпоративность формирует у правых экстремистов некие коллективные представления о путях достижения той

[279] Казанцев В. Баркашовцы – кто они? // Известия. 1994. 18 августа. С. 2.

или иной политической цели.

В качестве примера возможного практического применения данных признаков (критериев) рассмотрим решение Московского областного суда от 5 апреля 2011 г. о запрете деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» признаки экстремизма проявились в следующих чертах:

1) Наличие агрессивной реакции. В материалах решения суда приводится документ, подписанный руководителем «Духовно-Родовой Державы Русь» О.Н. Поповым, о придании смертной казни главного раввина РФ Б. Лазара, а также содержащий призывы к гражданам России о необходимости совершения убийств лиц еврейской национальности. Данный документ Поповым О.Н. был направлен в органы государственной власти и управления, в том числе и правоохранительные органы Российской Федерации, то есть получил публичное распространение. Кроме того, в документах данной организации провозглашались «идеи превосходства русской нации и создания «славяно-арийского» государства, в том числе посредством репрессий в отношении инакомыслящих (т. 1 л.д. 43-71, т. 2 л.д. 109-144, т. 3 л.д. 30-79, т. 4-18, т. 19 л.д. 3-8, 11-20, 22-35, 37-52, 54-109)».[280]

Таким образом, данный признак проявился в публично выражаемой агрессивной реакции представителей «Духовно-Родовой Державы Русь» на наличие, по их мнению, «врагов» (виновных во всех бедах) русской нации – лиц еврейской национальности, подлежащих физическому уничтожению.

2) Использование различных видов насильственных действий. Данный признак нашел подтверждение только в части применения духовного (морально-психологического) насилия, все остальные виды (физическое,

[280] Решение Московского областного суда от 5 апреля 2011 г. о запрете деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» в связи с осуществлением экстремистской деятельности http://actoscope.com/cfo/moscowobl/moscow-sud/gr/1/3-32011-3-2272010-16052011-1866139/ (дата обращения 14. 02. 2012).

уничтожение материальных объектов в политических целях) подтверждения в материалах дела не нашли. Так, многочисленные документы рассылаемые представителями «Духовно-Родовой Державы Русь» в различные государственные органы, были направлены на возбуждение национальной и религиозной розни, пропаганду исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его национальной и религиозной принадлежности. Кроме того, в материалах рассылаемых О.Н. Поповым (например, Указ № 113 от 13 января 2005 г.) содержались прямые угрозы («смертный приговор») в отношении представителей власти, участвовавших в принятии закона «о монетизации льгот» (т. 1 л.д. 85-99, 112-123, т. 2 л.д. 113-114).[281]

3) Идеологическая обеспеченность деятельности. Как следует из материалов судебного решения, организация «Духовно-Родовая Держава Русь» обладала собственной идеологией, обосновывающей политическую цель и средства ее достижения – «создание так называемого «славяно-арийского» государства путем насильственного изменения основ конституционного строя и нарушения целостности Российской Федерации».[282] Идеология данной организации носила эклектичный характер, соединяя различные идейные установки: национализм, расизм, национал-социализм и так называемое «родноверие» (неоязычество).

4) Публичность. В судебном заседании было установлено, что участники «Духовно-Родовой Державы Русь» осуществляли деятельность, «направленную на пропаганду и публичное демонстрирование нацистской символики или символики, сходной с нацистской до степени смешения, использовали публичные призывы к осуществлению экстремисткой деятельности, изготовляли и массово распространяли экстремистские материалы, занимались организацией и подготовкой указанных деяний».[283]

5) Противоправность. Данный признак в деятельности «Духовно-Родовой

[281] Там же.
[282] Там же.
[283] Там же.

Державы Русь» проявился в различных нарушениях статей уголовного и административного законодательства. Так, например, согласно материалам судебного решения по ч.1 ст. 282 УК РФ за возбуждение национальной и религиозной розни привлекались и были осуждены руководитель организации О.Н. Попов (9 февраля 2006 г.), руководитель структурного подразделения П.А. Сарафанов (22 марта 2006 г.) и другие активные участники. К административной ответственности по ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ за публичное использование нацистской символики в пропагандистских материалах были привлечены члены руководящего органа – Державного управления «Духовно-Родовой Державы Русь» – И.А. Чугайнов, Н.В. Андреев и Н.М. Лозинский.

Кроме того, Устав (Основной Покон – Закон) «Духовно-Родовой Державы Русь» под названием «Родовое Право» содержал положения, призывающие членов и сторонников организации к участию в подготовке и осуществлению действий, направленных на насильственное изменение основ конституционного строя РФ. Указанные положения, безусловно, характеризовали «Духовно-Родовую Державу Русь» как организацию, изначально созданную для осуществления противоправной деятельности.

6) Корпоративность. В ходе судебных слушаний было установлено, что «Духовно-Родовая Держава Русь» по организационно-правовой форме является общественной организацией, созданной по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в ее программных документах. Это нашло подтверждение как в бланках заявлений для вступающих в ряды организации, так и в наличие региональных структурных подразделений – филиалов, действовавших в 15 субъектах РФ и подчинявшихся единому органу управления – Державному управлению «Духовно-Родовой Державы Русь». Следовательно, «Духовно-Родовая Держава Русь» являлась добровольной и самоуправляющейся организацией, формирующей у своих участников коллективное представление о достижении поставленных политических

целей – свержение существующего режима с последующим созданием «славяно-арийского» государства.

Таким образом, указанные нами признаки экстремизма нашли полное подтверждение в материалах судебного решения Московского областного суда о запрете деятельности Межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь» в связи с осуществлением экстремистской деятельности.

В своем исследовании, изучая вопрос о вероятных перспективах правого экстремизма в России, мы пришли к выводу, что в настоящее время сформировалась устойчивая тенденция консолидации и роста правоэкстремистских организаций и групп. Что стимулируется и подтверждается следующими факторами:

1) Нерешенность многих социально-экономических проблем, рост безработицы, особенно среди молодежи, слабость иммиграционной политики, рост преступности, в том числе, этнической, ведет к появлению устойчивых ксенофобских настроений в обществе (в массе своей на бытовом уровне), что закономерно превращается в поиск «врага» из среды «чужих» – представителей других социальных, национальных, религиозных групп и т.д. Все это служит основой для появления не только новых экстремистских организаций, но и устойчивого спроса различных политических сил на подготовленных боевиков для достижения своих политических целей. Некоторые публичные политики, например, В.В. Жириновский, сознательно разыгрывают так называемую «национальную» карту («Мы за русских, мы за бедных», «Иван, запахни душу!» и т.п.).

2) В последнее время в среде правоэкстремистских организаций и групп наметилась перспектива консолидации, согласованности совместных действий. Этому способствуют различные праворадикальные проекты националистических организаций: ежегодный «Русский марш», проект «Русские», интернет-сайты и т.д. Период жесткой конкуренции и взаимного недоверия 1990-х гг. уходит в прошлое, наступает время организации

совместных действий. Например, в ходе подготовки и проведения «Русского марша» свою деятельность координируют как члены организаций, признанных судом экстремистскими (ДПНИ и СС), так и праворадикальные организации, действующие в рамках соблюдения закона (Народный союз, Русское имперское движение, Национал-демократический альянс и т.д.). Так же ушел в прошлое период, когда лидеры праворадикальных организаций всячески открещивались от контактов со скинхедгруппировками. Новая тенденция свидетельствует о заинтересованности праворадикальных организаций в установлении плотных контактов с группами, главным образом, нацискинхедов и возможного использования их для решения своих политических задач.

3) Росту правого экстремизма будет способствовать и смена приоритетов в организации экстремистской деятельности. Если для периода 1990-х гг. основным способом экстремистской деятельности выступало нападение с целью избиения (устрашения) жертвы, а также организация погрома кафе, торговых палаток, цветочных ларьков, религиозно-культовых зданий и т.п. То сейчас на первое место вышла организация террористических актов с использованием огнестрельного оружия или взрывчатых веществ с целью не просто устрашения, но наличия массовых жертв. Организация массовых убийств с целью запугивания общества и давления на органы власти – вот реалии современного правого экстремизма.

Таким образом, деятельность правоэкстремистских организаций, использующих теракты как способ политической борьбы, имеет устойчивую тенденцию к росту и распространению по всей территории России, что представляет серьезную угрозу не только безопасности государства, но и всему обществу и требует должной оценки и грамотно организованного противодействия правоохранительных структур.

Серьезной проблемой для государства и общества остается рост экстремистских проявлений в деятельности религиозно-политических организаций и групп. Ведущую роль здесь продолжают играть исламистские

структуры, выступающие за создание исламского государства на территориях Северного Кавказа и Поволжья и активно использующие в своей деятельности различные экстремистские методы. Так, по решению Верховного Суда РФ с 2003 по 2013 гг. на территории Российской Федерации запрещена деятельность 21 исламистской религиозно-политической организации за проявления экстремистской и террористической деятельности (Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, Аль-Каида, Братья-мусульмане, Хизб-ут-Тахрир, Движение Талибан, Исламский джихад – Джамаат моджахедов, Имарат Кавказ, Нурджулар и др.).

Деятельность перечисленных организаций может быть квалифицирована как экстремистская, исходя из признаков (критериев) политического экстремизма. Так, отстаивая концепцию джихада (борьба с неверными за торжество ислама), идеи сепаратизма и создания исламского государства, исламистские организации проявляют следующие признаки политического экстремизма: агрессию, политическое насилие, экстремистскую идеологию, противоправность, корпоративность.

Создание незаконных вооруженных формирований, организация партизанской войны на территории Северного Кавказа, осуществление террористических актов, нападений на блокпосты и государственные учреждения – все это, безусловно, проявления экстремистской деятельности. Причем обоснование своей деятельности исламистские организации видят нетолько в религии, но и в экстремистской идеологии, которая напрямую связана с той или иной политической целью (сепаратизм, создание единого исламского государства и т.д.). Тогда как религиозные доктрины, выступают лишь для камуфлирования истинных целей (политических) экстремистских сообществ.

Кроме того, экстремистская идеология подпитывает агрессию против неверных – христиан, иудеев, представителей органов власти, оппонентов и т.д. Она же создает иллюзию у экстремистов, что деятельность их не носит

противоправного характера, поскольку они выступают за приоритет шариата (законов Аллаха), тогда как все светские законы – проявления куфра (неверия). И поэтому долг каждого мусульманина вести джихад за свержение светских режимов и установление шариата.

Указанные обстоятельства объясняют использование исламистскими организациями и группами различных форм насильственных действий, среди которых мы хотели бы выделить некоторые, не встречающиеся (пока) в деятельности левых и правых (светских) экстремистских организаций.

Особое место в деятельности исламских экстремистских организаций занимает использование обвешанных взрывчаткой террористов-смертников (так называемых «шахидов»). По мнению А.В. Дмитриева и И.Ю. Залысина, первый террорист-смертник взорвал себя в посольстве Ирака в Бейруте в декабре 1981 г. (ответственность за теракт взяла на себя организация «Хезболлах»).[284] С этого времени использование террористов-смертников различными исламистскими организациями становится повсеместным.

В Россию подобные акты терроризма, кстати, ранее в нашей стране неизвестные, были привнесены с Ближнего Востока. Так, еще в сентябре 1999 г. известный полевой командир НВФ Ичкерии Ш. Басаев публично объявил о создании первой группы смертников на территории Чеченской республики. С 2002 г. смертники стали активно использоваться исламскими экстремистами, как на территории Чечни, так и в других регионах России (например, с конца 2003 г. такие акции стали осуществляться в Москве).[285]

Применение террористов-смертников в тактике исламских экстремистских организаций, по нашему мнению, обусловлено следующими обстоятельствами:

1. Большая вероятность поражения объекта за счет более высокой степени доступности смертника к предполагаемой цели теракта (размещение взрывчатки на теле террориста позволяет максимально приблизиться к

---

[284] Дмитриев А.В., Залысин И.Ю. Религиозные аспекты терроризма // Терроризм и религия. М., 2005. С. 35.
[285] Шахиды как оружие массового поражения // http: //www.migdal.ru/article.php?artid==2674@print=1(дата обращения 02. 03. 2011).

объекту воздействия).

2. Гарантированный общественный резонанс в случае «успеха» акции за счет нагнетания страха и паники в средствах массовой информации. Тем более, что СМИ, как правило, заинтересованы в размещении информации о подобных террористических актах в силу ее востребованности обывателем, по причине критики власти за ее бездеятельность по подавлению террористов (особенно об этом начинает писать оппозиционная пресса) и т.д.

3. Упрощенная подготовка такого теракта экстремистской организацией, что проявляется, во-первых, в отсутствии необходимости детальной разработки плана отхода исполнителей теракта, поиска для них укрытия, ненужность группы прикрытия отхода террористов-исполнителей. Во-вторых, в низкой стоимости и доступности самодельного взрывного устройства (для изготовления «пояса шахида» не требуется пошивочной мастерской и оружейной фабрики).

4. Ненужность теоретической (минно-взрывной) подготовки и необходимого опыта у исполнителя. Проведение традиционного теракта требует наличия хорошо подготовленного минера-взрывника или даже нескольких, а в случае со смертником его «работу» выполнит и женщина, и ребенок. Активно теракты с использованием детей и подростков осуществлялись на территории Палестины и в Ираке против группировки американских военнослужащих. Особенностью таких варварских актов стало использование взрывного устройства с дистанционным управлением, от ребенка требовалось только подойти как можно ближе к месту расположения американских военнослужащих.

5. Вероятность получения определенного пропагандистского эффекта, способствующего вербовке новых кандидатов на роль террористов-смертников, готовых принять мученическую смерть.

Близок к использованию террористов-смертников и такой способ осуществления терактов, как подрыв транспортного средства, начиненного взрывчаткой. Причем данный способ имеет два вида: управление и подрыв

транспортного средства террористом-смертником или обычное минирование транспорта группой боевиков. В России исламские экстремистские организации активно используют метод подрыва автотранспорта, управляемого террористом-смертником, начиная с 2002 г. Так, в декабре 2002 г. в Грозном возле Дома правительства террористы взорвали большегрузный автомобиль, управляемый смертником (погибло 72 человека). В мае 2003 г. в селе Знаменском возле здания администрации был взорван автомобиль, начиненный взрывчаткой (погибло 60 человек, более 250 было ранено). В августе 2003 г. в Моздоке террорист-смертник направил многотонный грузовик на здание военного госпиталя (более 300 человек погибло).[286] Вскоре после этого серию терактов смертники совершили в Аргуне, Новогрозненском, Гудермесе, Урус-Мартане и других местах.

Применение исламистскими организациями физического насилия против «неверных», уничтожение в ходе терактов материальных объектов, сопровождается использованием духовного (морально-психологического насилия). Так, на территории Северного Кавказа, в Поволжье и других регионах России распространяется так называемая «ваххабитская» литература, существует множество интернет-сайтов, одобряющих, и открыто призывающих к осуществлению террористических актов, насильственному изменению конституционного строя, возбуждению национальной и религиозной ненависти и т.д.

Таким образом, серьезную опасность безопасности и целостности российского государства представляет хорошо организованная, финансово обеспеченная и нередко направляемая политическими кругами и разведслужбами некоторых государств экстремистская деятельность различных исламистских религиозно-политических организаций и группировок.

В целом проведенный нами комплексный анализ деятельности

---

[286] Загладин Н.В., Путилин Б.Г. Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействия. М., 2006. С. 82.

некоторых общественных организаций (РВС, НРА, НСО, РНС, НБП, исламистские организации и т.д.), позволил охарактеризовать их как экстремистские сообщества, преследующие определенные политические цели, главным образом, направленные на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации. Так, структуры данных организаций носили преимущественно законспирированный сетевой, нередко военизированный характер. Они имели непрозрачные источники финансирования, соответственно, не подавали декларации об использовании денежных средств (когда поступили, сколько, на какие нужды потрачены и т.п.) и пользовались средствами, поступающими из-за рубежа для организации экстремистской деятельности (это особенно характерно для исламистских группировок). Кроме того, применяемые ими методы воздействия носили умышленно противоправный характер и сопровождались не только причинением вреда здоровью отдельных граждан (избиения, моральное насилие и т.п.), уничтожением или повреждением материальных объектов (здания, торговые точки, памятники, автотранспорт и т.д.), но и приводили к массовым человеческим жертвам (терроризм, партизанская война).

Кроме того, исследование экстремистской деятельности ряда общественных объединений позволяет рассмотреть вопрос о возможных перспективах развития политического экстремизма в современной России. По всей видимости, возрастет число религиозно-политических экстремистских организаций, которые будут пытаться активно участвовать в общественно-политической жизни регионов посредством осуществления экстремистской деятельности для достижения различных политических целей. Это, в первую очередь, касается исламистских организаций, которые, имея неплохой потенциал (сетевая структура, источники финансирования, тренировочные лагеря, подготовленные боевики), уже в настоящее время стремятся распространить свою деятельность не только на Северный Кавказ, Урал и Поволжье, но и стараются охватить сетью своих эмиссаров регионы

Сибири и Дальнего Востока.

Вместе с тем в последнее время стали активизироваться различные группы так называемой «родноверческой» или «неоязыческой» направленности, которые отличаются ультрарадикальной антиправославной риторикой, приверженностью к национал-социалистической идеологии и готовностью к осуществлению терактов против представителей других конфессий. Так, по данным кандидата богословия игумена Вениамина (Лабутина) в начале 2011 г. в Москве состоялся судебный процесс по уголовному делу в отношении группы молодых людей, которые «пропагандировали идеи родоверия» и «участвовали в попытке взрыва одной из московских церквей».[287]

Слабость миграционной политики и нерешенность многих насущных проблем, связанных с прибытием и обустройством трудовых мигрантов, беженцев из ближнего зарубежья, иностранных граждан (студенты, рабочие и т.д.) привела к росту проявлений экстремистской деятельности националистических (правых) организаций. В дальнейшем эта тенденция возрастет прямо пропорционально обострению разного рода конфликтов между представителями коренных народов России и прибывшими мигрантами. Причем, акцент в деятельности правоэкстремистских организаций смещается в сторону применения более жестких форм физического насилия. Так, если для 1990-х гг. основной формой насилия было нападение и избиение потенциальной жертвы (причинение той или иной степени вреда здоровью) с целью оказания давления, запугивания, то вначале 2000-х гг. на первое место начинает выходить осуществление убийства с применением холодного или огнестрельного оружия и взрывчатых средств. Следовательно, в перспективе предполагается рост количества терактов, осуществляемых правоэкстремистскими организациями и группами.

---

[287] Лабутин В. Христианские ценности и формы их дискредитации в современной медиакультуре // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. Материалы совместной конференции Русского культурно-просветительного фонда имени святого Василия Великого и Института Российской истории РАН. М., 2011. С. 76.

Кроме того, в настоящее время, среди леворадикальных организаций и групп начали складываться предпосылки для появления и активизации деятельности левоэкстремистских сообществ, преимущественно, опирающихся на анархистские идеи и лозунги. Однако на данный момент не представляется возможным классифицировать ту или иную левую группировку как хорошо законспирированную, обладающую сетевой структурой, налаженным финансированием и подготовленными боевиками экстремистскую организацию. Обжегшись на экстремистской деятельности НРА и РВС, большинство членов российских леворадикальных организаций и групп по-прежнему связывают свои перспективы либо с поддержкой легальной оппозиции в лице КПРФ (например, сотрудничество КПРФ и Левого фронта в ходе президентских выборов 2012 г.), либо с созданием новой массовой коммунистической партии, действующей вполне легально в рамках существующей политической системы (проект по созданию политической партии «РОТ ФРОНТ» или партии под названием «Объединенная коммунистическая партия»).

Вместе с тем следует учитывать, что наличие у общественной организации сетевой структуры, непрозрачных источников финансирования (в том числе зарубежных), ультрарадикальной риторики (идеологии, программы) еще не позволяет охарактеризовать ее как экстремистскую. Только проанализировав всю совокупность признаков (проявляемая агрессия, методы воздействия, идеология, противоправность, корпоративность) можно утверждать, что диагностируемая деятельность той или иной организации является экстремистской. И сама организация создана для достижения поставленной политической цели заведомо (умышленно) экстремистскими методами.

В тоже время, на наш взгляд, исходя из различных критериев, экстремистские организации можно классифицировать по следующим основаниям:

1) По типу организационной структуры: классические, построенные на основе иерархическо-централизованного принципа или «пирамида» (например, РВС, НБП, РНС, ННП, НСО), сетевые, построенные по сотовому принципу (СС, автономные подразделения РНЕ, Хизб-ут Тахрир, Братья-мусульмане, скинхедгруппы) и сетевые, построенные по модели «атом» (БОРН – Боевая организация русских националистов, Северное братство, Анархическая герилья, Джамаат Такбир, Имарат Кавказ и т.д.).

2) По идеологии: левоэкстремистские (НРА, РВС, Анархическая герилья и др.) и правоэкстремистские – светские (НСС, СС, НСО и т.д.) и религиозно-политические (Хизб-ут-Тахрир, Движение Талибан, Исламский джихад – Джамаат моджахедов, Имарат Кавказ, Нурджулар и др.).

3) По отношению к государственной власти: этатистские (НСО, РВС, СС и др.) и антиэтатистские (анархические) – НРА, Анархическая герилья.

4) По масштабам проявления: внутригосударственные (НБП, РВС, СС, РНС и т.п.) и международные (Аль-Каида, Братья-мусульмане, Хизб-ут-Тахрир, Движение Талибан, Исламский джихад – Джамаат моджахедов, Нурджулар).

5) По отношению к существующему режиму: проправительственные (различные черносотенные союзы в России вначале XX в.) и оппозиционные (НРА, РВС, Анархическая герилья, НБП, НСО и т.п.).

6) По отношению к форме государственного устройства: унитаристские (НСО, СС, РНС и т.д.), федералистские (НРА, РВС) и сепаратистские (Высший военный Маджлисуль Шура Объединенных сил моджахедов Кавказа, Конгресс народов Ичкерии и Дагестана, Движение Талибан, Исламский джихад – Джамаат моджахедов, Имарат Кавказ, Нурджулар).

7) По способу возникновения: самодеятельные, т.е. возникшие на основе определенных экстремистских идей по инициативе отдельных граждан (НРА, РВС, НСО, Легион Вервольф и др.); трансформационные – возникшие на основе трансформации радикальных установок в экстремистские по инициативе руководства или активных участников той или иной

политической партии, общественной организации (РНС, автономные подразделения РНЕ, ННП).

Необходимо отметить, что в целом данная типология достаточно условна. В конкретной политической действительности экстремистская организация может иметь характерные черты разных типов. Вместе с тем типология помогает лучше ориентироваться в сложных и многообразных проявлениях организованного политического экстремизма.

В целом, мы не ставили задачу проанализировать на предмет проявления экстремизма деятельность всех экстремистски настроенных организаций и групп, действующих в России. Но считаем, что использование признаков (критериев) для диагностирования деятельности различных экстремистских организаций и групп, позволит более четко определять проявления экстремизма в различных видах такой деятельности. Кроме того, на наш взгляд, их возможное применение в практической антиэкстремистской деятельности существенно облегчит задачу выявления и пресечения деятельности экстремистских объединений в современной России.

3. 3 Национальная безопасность России: проблемы противодействия политическому экстремизму

Противодействие политическому экстремизму является одной из важнейших задач на современном этапе не только во всем мире, но и в Российской Федерации. Экстремизм активно заявляет о себе в том обществе, где складывается чрезвычайная ситуация: резкое падение социально-экономического уровня жизни населения, крайнее ухудшение положения той или иной социальной группы, рост безработицы, миграционные проблемы, резкая социально-политическая поляризация сил в обществе.

В России политический экстремизм в своей основе возникает, в первую

очередь, из-за нерешенности многих социально-экономических проблем, крайними проявлениями которых являются: резкое расслоение общества по имущественному положению; серьезная безработица, особенно среди молодежи; слабый контроль за нелегальной иммиграцией; тотальная коррупция и бюрократизация; недостаточная социальная защищенность населения; различные нарушения конституционных прав и свобод граждан и т.д. Однако поскольку эти явления приобрели в современной России устойчивый характер и сиюминутно не могут быть преодолены, необходимо определить реальные задачи по противодействию политическому экстремизму. Тем более что разработанная и утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» прямо указывает на «необходимость постоянного совершенствования правоохранительных мер по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию актов терроризма, экстремизма, других преступных посягательств на права и свободы человека и гражданина, собственность, общественный порядок и общественную безопасность, конституционный строй Российской Федерации».[288]

Вместе с тем, по нашему мнению, при разработке программы противодействия экстремизму необходимо учитывать два обстоятельства:

1) Существует опасность, что под воздействием сохраняющихся в обществе негативных процессов в экономике и социальной жизни, ведущих к обнищанию основной части населения, идеи гражданского общества могут быть дискредитированы не только под воздействием радикализации масс, но и вследствие усиления авторитарных начал в деятельности государственных структур.

2) В сложившихся условиях власть без участия институтов гражданского общества не может не только решать проблемы противодействия

---

[288] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Российская газета. 2009. 19мая.

экстремизму, но и практически осуществлять любую социально значимую программу мероприятий. Тогда как на данном этапе наблюдается много декларативности, парадной шумихи, помпезности со стороны органов власти при слабой активности общественности в эффективном использовании своих, законом определяемых возможностей.

Кроме того, необходимо учитывать, что понятие «экстремизм» и механизмы противодействия ему носят исторически обусловленный характер и требуют научного обоснования с учетом текущих и прогнозируемых в обществе позитивных и негативных процессов. В силу чего, государственная программа противодействия политическому экстремизму должна носить конкретно-исторический характер, быть направленной на решение именно реальных проблем, своевременно реагировать на изменяющуюся обстановку, предлагать комплексное решение поставленных задач, строго учитывать конституционные права и свободы граждан России.

В России противодействием экстремизму и терроризму занимается сегодня множество структурных подразделений государственной власти: органы юстиции, прокуратуры, МВД, ФСБ и ряд других силовых ведомств. Вместе с тем недостаточный опыт в этой сфере, слабая правовая база и углубление социально-экономического кризиса в целом не дают возможности эффективно воздействовать на происходящие процессы. Как одно из следствий этого, в России отмечается рост преступлений экстремистской направленности. Так, по данным российской Генпрокуратуры, в 2003 г. было зарегистрировано 240 преступлений экстремистской направленности; в 2004 г. — 216; в 2005 г. — 288; в 2006 г. — 263; в 2007 г. — 356; в 2008 г. – 460; в 2009 г. – 548; в 2010 г. – 656; в 2011г. – 603.[289] За 2012 г. было зарегистрировано – 696 экстремистских преступлений.[290] Тогда как за 2013 – 896 и 2014 – 1034[291], а уже за 2015 –

---

[289] Генпрокуратура признала трехкратный рост экстремизма в России, винит националистов и «исламистов» // http://www.ekstremizm.ru/novosti/v-rossii/item/712-rost-ekstremistskih-prestupleniy-prekratilsya-v-rossii (дата обращения 27. 04. 2012).

[290] Генпрокуратура: в России возросло количество экстремистских преступлений //http://newsland.com/news/detail/id/1162124/ (дата обращения 14. 03. 2013).

1329 преступлений экстремистской направленности.[292]

Приведенные данные указывают, с одной стороны, на повышение активности со стороны экстремистки настроенных граждан и организаций, тогда как, с другой – на стремление различных подразделений правоохранительных органов активизировать работу, направленную на выявление и пресечение преступлений данной категории. С этой целью в 2008 г. в МВД был создан специальный департамент по борьбе с экстремизмом взамен упраздненного департамента по борьбе с организованной преступностью и терроризмом. При этом большинство сотрудников из РУБОПов были переведены в штат антиэкстремистского управления, позднее получившего название Центр «Э» России. Одним из направлений деятельности Центра «Э» стало предупреждение, выявление, пресечение и раскрытие преступлений экстремистской направленности, в том числе межрегионального и международного характера, а также имеющих большой общественный резонанс.

Однако вышеприведенные данные уголовной статистики свидетельствуют, что, несмотря на создание специального антиэкстремистского управления в МВД РФ, помимо других спецслужб, так или иначе связанных с борьбой против проявлений экстремизма, количество экстремистских преступлений год от года неуклонно растет, а сама группа этих преступлений демонстрирует высокую латентность.

По мнению С.Н. Фридинского: «Причины такой высокой латентности обусловлены следующими факторами: недостатки в работе органов внутренних дел, в частности, не реализация информации, получаемой в результате оперативно-розыскной деятельности; слабое взаимодействие служб органов внутренних дел, органов федеральной службы безопасности и органов прокуратуры Российской Федерации; неконтролируемая миграция граждан из сопредельных государств и, прежде всего, стран Средней Азии и

---

[291] О результатах борьбы с экстремизмом на территории государств – участников СНГ в 2014 году. Аналитический обзор. М., 2014. С. 12.

[292] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2015 года http://crimerussia.ru/upload/iblock/1a2/1a20943e48c7ba7461ba4f6cfff3364c.pdf (дата обращения 18. 02. 2016).

Китая; низкий уровень подготовки сотрудников правоохранительных органов, неправильная квалификация уголовно-правовых деяний, слабое знание уголовно-процессуального законодательства, низкий уровень оперативно-розыскной деятельности; нежелание сотрудников правоохранительных органов регистрировать совершенные преступления как экстремистские по субъективным причинам, связанным с неблагоприятными статистическими данными, которые придется указывать в информационных отчетах».[293]

На наш взгляд, помимо указанных факторов, на высокую латентность экстремистских преступлений влияют еще и следующие обстоятельства:

1) Отсутствие действенной, стабильной и непротиворечивой правовой основы борьбы с экстремистской преступностью. Необходимо пересмотреть и изменить (конкретизировать) в соответствии с насущными задачами антиэкстремистское законодательство.

2) Недостаточное организационно-материальное обеспечение расследования экстремистских преступлений. Крайне важно иметь постоянную возможность для проведения дорогостоящих экспертиз и привлекать высококвалифицированных специалистов и экспертов.

3) Отсутствие наработанной единообразной практики применения действующих законов, в частности, судами. Это особенно явно проявляется при уголовно-правовой оценке сравнительно недавно криминализированных деяний, а также организованных преступных формирований: незаконных вооруженных формирований, банд, преступных сообществ (преступных организаций) и др. Тем более что экстремистские проявления становятся все более многообразными: до 2000 г. уголовное законодательство насчитывало 15 составов преступлений экстремистского характера, а в 2008 г. их стало уже 24. Кроме того, необходимо упорядочить так называемый «федеральный список экстремистских материалов», разработав и закрепив в

[293] Фридинский С.Н. Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование). Автореф. дисс… докт. юрид. наук //http://www.crime.vl.ru/index.php?p=3770&more=1&c=1&tb=1&pb=1 (дата обращения 06. 04. 2013).

антиэкстремистском законодательстве единообразные критерии, использование которых различными региональными судебными инстанциями действительно позволяло бы оценивать тот или иной материал как экстремистский, представляющий реальную угрозу для российского общества.

Немаловажное значение в деле противодействия политическому экстремизму принадлежит согласованной, скоординированной работе всех силовых структур государства, которые непосредственно задействованы в борьбе с экстремизмом: ФСБ, МВД (Центр «Э»), Генеральная прокуратура РФ, СВР, ФПС РФ, спецподразделения МО РФ и т.п.

Координация деятельности по борьбе с преступностью в России возложена на прокуратуру. По мнению В.П. Рябцева: «На передний план в координационной деятельности прокуратуры всё более настойчиво выступает адекватность в оценке реального состояния законности и правопорядка в стране (регионах); формирование идеологии и стратегии координации правоохранительных органов, их взаимодействия с иными государственными структурами, институтами гражданского общества; определение ближайших и долгосрочных приоритетов их деятельности».[294]

Положение о координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью (утверждено Указом Президента РФ от 18.04.1986 № 567), изданное в соответствии со ст. 8 Федерального закона «О прокуратуре РФ», является подзаконным нормативным актом. Ст. 8 Закона о прокуратуре РФ предусматривает лишь то, что деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью координируют Генеральный прокурор РФ и подчинённые ему прокуроры. Законодатель обязал прокурора координировать деятельность правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Но при этом статутное законодательство об остальных субъектах координации не обязало их принимать активное

---

[294] Рябцев В.П. Концептуальные аспекты развития координации правоохранительной деятельности // Вестник Академии Генеральной Прокуратуры РФ. 2007. № 2. С. 67.

участие в этой деятельности. Отсюда отсутствие четкой координации действий силовых структур в деле противодействия проявлениям политического экстремизма.

Между тем эффективность противодействия экстремизму во многом зависит и от качества координации. Координация должна быть более жёсткой по процедурам выработки и выполнения согласованных решений. Этот процесс должен сопровождаться чётким распределением ролей, использованием сил и средств, форм и методов работы, адекватных складывающимся угрозам и тенденциям их развития. Продуманная координация должна минимизировать экстремистскую преступность.

При координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с экстремистской преступностью необходимо обратить внимание на:

1) повышение антиэкстремистского потенциала реализуемой государством внутренней и внешней политики (формирование в массовом сознании принципа недопустимости социальной и личной ненависти и вражды; совершенствование государственно-территориального устройства; минимизация негативных последствий миграции, совершенствование молодежной политики и др.);

2) совершенствование системы ранней индивидуальной профилактики преступности (выявление лиц, находящихся в социально опасном положении, их ресоциализация и др.);

3) активизация и повышение качества оперативно-розыскных мероприятий (учет и перевербовка лидеров экстремистов всех уровней, их дискредитация на уровне экстремистской группы, пресечение каналов финансирования и связи экстремистов и др.).[295]

Таким образом, проблема координации деятельности, четкого выполнения согласованных решений требует серьезного отношения от всех силовых структур, участвующих в противодействии экстремизму.

---

[295] Тамаев Р.С. Российская прокуратура в системе органов противодействия экстремизму // Право и безопасность. 2009. № 1. С. 32.

Координация деятельности силовых структур должна быть поставлена на четкую правовую основу с соответствующим положением в антиэкстремистском законе.

Кроме того, по нашему мнению, помимо комплексного использования сил и средств правоохранительных и силовых структур, необходимо законодательно закрепить принцип единоначалия, в соответствии с которым вся полнота ответственности на территории субъекта федерации в противодействии экстремизму лежит на начальнике территориального органа безопасности, который бы не просто обеспечивал согласование решений, обмен мнениями и информацией, но и реально отвечал за исполнение принятых решений в установленные сроки. В тоже время все сведения по проявлениям политического экстремизма, получаемые другими правоохранительными органами, неукоснительно направлялись бы в соответствующие структуры ФСБ России на местах, а все мероприятия согласовывались с территориальными органами ФСБ в установленном порядке.

Вместе с тем в современной обстановке основное направление координации антиэкстремистской деятельности на уровне федерального округа – информационно-аналитическое, цель которого – выделить наиболее значимые угрозы безопасности Российской Федерации в масштабе округа для последующего их предупреждения и пресечения силами правоохранительных органов, действующих на уровне субъекта федерации. Поэтому, на наш взгляд, на уровне федерального округа работу по координации антиэкстремистской деятельности должно осуществлять представительство Администрации Президента РФ в федеральном округе.

Данная деятельность могла бы осуществляться также в рамках работы совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в федеральном округе. Совет представляет собой совещательный орган, содействующий реализации полномочий главы государства по обеспечению согласованного функционирования и взаимодействия федеральных органов

исполнительной власти и органов государственной власти субъектов федерации, а также образуемых распоряжением полномочного представителя межведомственных комиссий. В силу чего, совет при полномочном представителе Президента Российской Федерации мог бы рассматривать вопросы координации деятельности правоохранительных структур на окружном уровне в плане противодействия экстремистской деятельности.

Таким образом, анализ деятельности правоохранительных органов и, в целом, государственных структур, показывает, что основной формой противодействия экстремизму является применяемая ими «система уголовно-правовых и административно-правовых мер, направленных на выявление и пресечение экстремистской деятельности», а также «система запретительно-ограничительных мер, направленных на предупреждение проникновения экстремистов на территорию Российской Федерации, устройство их на работу в органы исполнительной власти, избрание в органы законодательной власти, вхождение в общественные и религиозные объединения».[296] Однако эффективная политика государства в области противодействия проявлениям политического экстремизма должна опираться, помимо репрессивно-запретительного аппарата, на систему профилактических мер, предполагающих наличие институционально оформленных каналов взаимодействия государства, гражданского общества и личности. В силу чего, проблема профилактики экстремистских проявлений является одной из насущных задач, решение которой требует усилий не только государственных структур, но и институтов гражданского общества.

Некоторые исследователи отмечают, что в Российской Федерации отсутствует системное профилактическое воздействие со стороны всех органов, задействованных в противодействии экстремизму, в предупреждении вовлечения молодежи в совершении преступлений

---

[296] Воронцов С.А. Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в институционально-правовом контексте. Автореф. дисс… докт. юрид. наук. Ростов н/Дону. 2009. С. 31.

террористического и экстремистского характера.[297] Как правило, подобные профилактические мероприятия в виде бесед и встреч осуществляются органами прокуратуры, отделами образования на местах, сотрудниками ФСБ и МВД, в основном в школах, реже – в средних специальных учебных заведениях и очень редко – в высших учебных заведениях.[298]

Профилактика экстремистской деятельности – это часть, элемент борьбы с такой деятельностью. Поэтому профилактика, наряду с выявлением и пресечением экстремистских проявлений, включает в себя подготовку и реализацию государствами и уполномоченными ими органами комплексной системы политических, социально-экономических, информационных, воспитательных, организационных, оперативно-розыскных, правовых, специальных и иных мер, направленных на минимизацию последствий экстремистской деятельности, установление и устранение способствующих ей причин и условий.

Проявлениям экстремизма нередко предшествуют различные формы протестного, конфликтного характера: массовые митинги, пикеты, шествия, в том числе несанкционированные; стихийные перекрытия шоссейных и железных дорог; погромы рынков и магазинов; уличные беспорядки и т.п. Однако система раннего предупреждения таких конфликтных форм в настоящее время не создана. Поэтому в целях профилактики экстремистской деятельности необходимо создать государственную систему выявления и разрешения таких конфликтов на ранней стадии развития. Важными функциями этой системы могли бы стать, во-первых, осуществление многоуровневого мониторинга и прогноза развития конфликтов как потенциальных угроз безопасности. Во-вторых, создание действенного механизма ответственности органов власти различных уровней за принятие не просчитанных по своих последствиям политических, кадровых и

---

[297] Магомедов М.Д. Вовлечение молодежи в совершение преступлений экстремистского характера // Российский следователь. 2007. № 20. С. 20.

[298] Петрова Т.А. О совершенствовании функций подразделений милиции общественной безопасности по профилактике экстремизма в молодежной среде // Вопросы совершенствования деятельности милиции общественной безопасности. М., 2008. № 15. С. 150.

административных решений, послуживших причиной социально-политических конфликтов. Необходима именно общефедеральная система прогнозирования и регулирования на ранней стадии социально-политических конфликтов как часть единой государственной системы противодействия экстремизму, включающая не только правоохранительный, но и социальный, экономический, политический и пропагандистский аспекты.

Кроме того, можно согласиться с мнением Е.В. Сальникова, утверждающего, что в процессе осуществления профилактической деятельности можно выделить два уровня: «общесоциальный – комплекс мер, специально не направленных на причины и условия преступления и социальный – ориентирован непосредственно на причины и условия преступления».[299]

Общесоциальный уровень связан с мероприятиями по улучшению социального климата в обществе (решение социально-экономических проблем, гарантирование конституционных прав и свобод граждан, отсутствие репрессивных мер против инакомыслящих, формирование толерантного мировоззрения и т.д.). Необходимо отметить, что формирование толерантного мировоззрения – процесс достаточно длительный, главным образом, связанный с отказом от любых форм расовой, национальной, религиозной, социальной ненависти или вражды. Здесь чрезвычайно важна не только государственная политика, но и роль всего общества – семья, учебные учреждения, СМИ, общественные организации и т.д. Тогда как на втором уровне аккумулируется система мероприятий, направленных на предупреждение экстремистских преступлений. На этом уровне возрастает роль правоохранительных органов и в целом силовых структур государства. На втором уровне основными элементами предупреждения экстремистских проявлений выступает криминологическая профилактика, а также мероприятия оперативно-розыскного характера.

---

[299] Сальников Е.В. Понятие профилактики экстремизма в молодежной среде, ее задачи // Человек. Религия. Право. Религиозный экстремизм: истоки, сущность и проблемы противодействия: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург. 2011. С. 214 – 215.

Криминологическая профилактика подразделяется на раннюю, непосредственную профилактику и профилактику рецидива. Объектом ранней профилактики являются факторы неблагоприятного формирования личности и такие формы антиобщественной направленности, которые свидетельствуют о возможности перехода к преступному поведению. Непосредственная профилактика направлена на лиц, находящихся на грани совершения преступления. По признаку направленности на объект (личность преступника) она может быть отождествлена с пресечением преступлений. В отношении профилактики рецидива речь идет о предупреждении повторного совершения преступлений несовершеннолетними.[300]

Оперативно-розыскные мероприятия, осуществляемые с использованием различных (открытых и скрытых) сил и средств, направлены на выявление и воздействие на лиц, участвующих в деятельности экстремистских группировок, а также подготавливающих и покушающихся на совершение экстремистских преступлений. По нашему мнению, необходимо разработать и законодательно закрепить специальную федеральную программу помощи лицам, желающим покинуть ряды экстремистских организаций. Так, участники экстремистских групп по мере надобности или разочарованности в экстремизме могли бы обращаться за получением подобной помощи к сотрудникам такого подразделения в системе правоохранительных органов. Данные подразделения могли бы включать в себя не только сотрудников полиции, но и психологов, педагогов, представителей общественных организаций и т.д. Причем программа не должна ограничиваться простой поддержкой лиц, обращающихся за помощью. Сотрудники подразделения должны сами устанавливать контакты с представителями экстремистских группировок, предлагая им свое содействие и необходимую помощь. С такой инициативой они могли бы обращаться к лидерам или активистам экстремистских сообществ, с целью расколоть «ядро» этих организаций.

---

[300] Сальников Е.В. Указ. соч. С. 215.

Вместе с тем, можно согласиться с утверждением В.Е. Петрищева, что «задачу профилактики экстремистских преступлений нельзя «поручить» какому-то одному министерству, ведомству или даже государственному институту (образования, воспитания, правоохраны и т.п.). Эта задача – общегосударственная и общенародная».[301] Действительно, профилактика экстремистских проявлений в нашей стране должна рассматриваться как инструмент установления гражданского мира и объединения усилий граждан России в восстановлении и укреплении нашего экономического и политического потенциала. Поэтому в процессе профилактики экстремистской деятельности помимо чиновников должны быть задействованы представители образования, средств массовой информации, общественных организаций и политических партий, творческой интеллигенции и т.д. В тоже время эффективность системы мер профилактики экстремизма находится в прямой зависимости от степени заинтересованного участия в их разработке и целенаправленной реализации государственных структур и общественных институтов: всех ветвей власти, органов самоуправления, образовательных и воспитательных учреждений, правоохранительных органов и специальных служб, лидеров и активистов общественных объединений, представителей средств массовой информации, религиозных авторитетов различных конфессий, а также всего гражданского общества.

Однако, по мнению некоторых исследователей, «анализ системы субъектов противодействия экстремизму как фактору дестабилизации общественного порядка и общественной безопасности позволил сделать ряд выводов о том, что в действующей системе противодействия экстремизму в Российской Федерации недостаточное внимание уделяется гражданскому обществу, его структурным элементам в борьбе с этим антиобщественным

---

[301] Петрищев В.Е. Проблемы профилактики экстремистской и террористической деятельности // http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=832&page=1 (дата обращения 18. 10. 2012).

явлением».[302] Поэтому необходимо создать организационно-правовой механизм управления (например, общественную комиссию по противодействию экстремистской деятельности при начальнике территориального органа безопасности), который обеспечивал бы координацию деятельности, как государственных органов, так и субъектов гражданского общества, поскольку общественный порядок и общественная безопасность – есть результат усилий двух «субъектов»: государства и самого общества.

Немаловажное значение в системе профилактики экстремистской деятельности имеет информационное противодействие экстремизму, в реализации которого наряду с государственными органами могли бы участвовать институты научного, образовательного, бизнес-сообщества, СМИ, в целом структуры гражданского общества. Указанные институты, являясь органической частью общества, имеют неизмеримо больший набор инструментов воздействия на общественное сознание, нежели государство. Кроме того, привлечение общества к рассмотрению чувствительных вопросов противодействия экстремизму позволяет максимально выверять применяемый инструментарий, не допускать нарушений прав и интересов граждан. Таким образом, на современном этапе можно выделить несколько направлений информационного противодействия проявлениям экстремистской деятельности:

1) Образовательное – создание системы подготовки специалистов в сфере борьбы с проявлениями экстремизма.

2) Идеологическое – формирование толерантного мировоззрения, развитие патриотизма, приоритета общечеловеческих ценностей и т.д.

3) Пропагандистское – просвещение граждан в области противодействия экстремизму, выпуск книг, брошюр, плакатов антиэкстремистской

---

[302] Колобов О.А. Терроризм и контртерроризм в современном мире: Аналитические материалы, документы, глоссарий. М., 2003. С. 68.

направленности, создание документальных фильмов, видеороликов, а также агитационная работа с участниками экстремистских организаций.

4) Организационное – взаимодействие с общественными и религиозными организациями, СМИ, проведение конференций, семинаров, «круглых столов» по проблемам антиэкстремистской деятельности.

5) Молодежное – просветительская работа в молодежной среде, разъяснение правовых основ антиэкстремистской деятельности, проведение тематических сборов, слетов, спортивных мероприятий, целенаправленная работа с молодежными субкультурами и т.п.

Вместе с тем, следует отметить, что на современном этапе значительно возросла роль Интернета, с одной стороны, как средства пропаганды экстремизма, с другой – контрпропаганды, используемой против экстремистских организаций. Причем экстремисты значительно опережают контрпропагандистские мероприятия, свободно распространяя свою информацию через Интернет, создавая многочисленные сайты экстремистского содержания (например, Кавказцентр, Гураба, Джамаат Такбир, НСО, СС и т.п.). По мнению Е.П. Ильина: «Практически все террористические, другие экстремистские, включая так называемые «повстанческие» организации и группировки (в мире их около 500), имеют собственные сайты (в настоящее время их свыше 5000, в 1998 г. их было всего 12), посредством которых пропагандируется идеология экстремизма, обосновывается необходимость и правомерность насильственной деятельности этих структур, распространяются практические пособия и рекомендации по организации подпольной деятельности, сборке взрывных устройств, выбору объектов и тактических приемов совершения диверсионно-террористических актов».[303]

Решение этой проблемы, на наш взгляд, возможно тремя путями:

---

[303] Ильин Е.П. Участие институтов гражданского общества, бизнес-структур и средств массовой информации в противодействии идеологии насилия в рамках системы противодействия терроризму // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. М., 2009. С. 59 – 60.

1) Создание в сети Интернет специальных пропагандистских антиэкстремистских сайтов, с их постоянной рекламой в СМИ, образовательных учреждениях и т.п.

2) Введение запретительных мер, связанных с использованием сети Интернет. Необходимо урегулировать порядок регистрации доменных имен в российском сегменте сети Интернет, который исключил бы возможность создания сайтов с использованием вымышленных данных, а также позволил бы прекратить функционирование сайтов, пропагандирующих идеологию экстремизма, обучающих изготовлению и использованию взрывчатых веществ, организации и осуществлению терактов и т.д.

3) Налаживание активного международного сотрудничества государств в сфере регулирования отношений, связанных с использованием сети Интернет. Учитывая, что экстремистские организации нередко создают свои сайты в доменной зоне на территории других стран, необходимо разработать специальную правовую базу, а также выработать механизм реализации такого взаимодействия государств по противодействию проявлениям экстремизма в сети Интернет.

Кроме того, большим потенциалом антиэкстремистской пропаганды обладает обнародование основных результатов деятельности в сфере противодействия экстремизму. В этой связи представляется целесообразным издание специального открытого доклада правоохранительных органов о мерах по борьбе с экстремизмом и терроризмом в России. Подобная практика существует в некоторых зарубежных странах (например, ФРГ, Швеция и т.д.). По мнению некоторых авторов: «Наряду с предупреждением и пресечением на стадии подготовки преступлений террористического характера, упреждающим информированием органов государственной власти и управления о политических, экономических, социальных и иных противоречиях, могущих вызвать террористические проявления, важным профилактическим действием обладает использование гласности для дискредитации идеи допустимости использования террора и насилия в

качестве метода политической борьбы и сужения тем самым социальной базы террористической и экстремистской деятельности».[304]

Таким образом, разработка и реализация всего комплекса информационно-пропагандистских мер по противодействию проявлениям экстремизма должны быть ориентированы на различные слои населения и возрастные группы и, с учетом современной тактики экстремистов, прежде всего на молодежь.

Одной из важнейших проблем противодействия экстремистской деятельности в российском обществе является осуществление профилактических мероприятий в молодежной среде. Процесс профилактической работы с молодежью должен включать систему социальных, правовых, педагогических и иных мер, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению преступлений и правонарушений экстремистской направленности.

Однако данный процесс осложняет, во-первых, отсутствие открытого диалога между правоохранительными органами и молодежной общественностью в вопросах предупреждения экстремизма. Как отмечает Е.В. Сальников: «Основным результатом отсутствия взаимодействия является появление ложных необъективных стереотипов молодежного сознания по отношению к правоохранительным органам. Причем данные стереотипы свое отражение находят в попытках молодежи проявить неуважение к законам государства».[305]

Во-вторых, отсутствие специальной подготовки у сотрудников правоохранительных органов. Представители различных правоохранительных структур нередко демонстрируют низкий уровень компетенции даже в вопросах классификации радикальных и экстремистских организаций. Так, подготовленная прокуратурой Чувашской республики Информационно-справочная брошюра «Экстремизм – угроза обществу» к

---

[304] Демиров К.К., Мусаев С.Г., Сайгитов У.Т. Религиозный экстремизм и террористическая деятельность в Дагестане. Махачкала. 2004. С. 64.
[305] Сальников Е.В. Указ. соч. С. 211.

«молодежным экстремистским движениям националистическо-расистской направленности» относит организацию «Авангард красной молодежи» (АКМ),[306] известную своей коммунистической и интернациональной идеологией. А в брошюре «Информационно-аналитические материалы по профилактике экстремизма в молодежной среде», подготовленной Минспорттуризмом России совместно с ФСБ России, в разделе «Объединения леворадикальной политической направленности» утверждается, что «также отмечается деятельность групп анархо-коммунистов (троцкистов), монархистов и иных организаций».[307] Вызывает удивление стремление авторов документа, по-видимому «аналитиков», отождествить анархо-коммунистов с троцкистами, еще большее удивление вызывает отнесение монархистов к «объединениям леворадикальной политической направленности».

Вместе с тем указанные обстоятельства не снимают проблему организации и проведения профилактики в молодежной среде. Здесь следует согласиться с мнением многих специалистов, что наиболее уязвимой средой для проникновения идей экстремизма являются учащиеся школ с ещё не сформировавшейся и легко поддающейся влиянию психикой.[308] После окончания школы подростки поступают в ВУЗы, колледжи и попадают под влияние различных политических структур, в том числе, экстремистской направленности. Поэтому основная задача профилактической работы состоит не только в стремлении выявить и предупредить совершение преступлений экстремистского характера со стороны школьников и студентов, но и оказать воздействие на мировоззрение молодых людей с целью развития толерантности и негативного отношения к экстремистским идеям и способам деятельности.

---

[306] Экстремизм – угроза обществу. Информационно-справочная брошюра. Чебоксары, 2009. С. 6.

[307] Информационно-аналитические материалы по профилактике экстремизма в молодежной среде. М., 2009. С. 53.

[308] Афанасьева Р.М. Социокультурные аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде // Власть. 2007. № 5. С. 52; Бааль Н. Явление молодежного политического экстремизма // Высшее образование в России. 2007. № 4. С. 117; Сериков А.В. Профилактика политического экстремизма молодежи // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 4. С. 199.

Однако осуществляя воздействие на личность молодого человека, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) Пропорциональность и корректность воздействия, поскольку предрасположенность подростков, несовершеннолетних к совершению противоправных действий во многих случаях исчезает без какого-либо внешнего давления после завершения становления полноценной личности.

2) Всесторонний характер воздействия. Так, преимущественное использование репрессивных мер часто приводит к обратным результатам и негативным последствиям.

3) Профилактическое воздействие должно осуществляться компетентными, специально подготовленными представителями государственных и общественных структур.

4) Работа с молодыми людьми должна осуществляться строго на основе специальной нормативно-правовой базы, не нарушая конституционных прав и свобод.

Кроме того, в интересах профилактики экстремистских проявлений в молодежной среде, особенно среди несовершеннолетних, необходимо: на государственном уровне решить вопрос о мерах по обеспечению несовершеннолетних рабочими местами путем установления и контроля квот для несовершеннолетних в государственных и коммерческих предприятиях и учреждениях; разработать и принять федеральный закон, запрещающий передачу в аренду коммерческим структурам помещений, предназначенных для использования в работе с детьми и подростками; создать государственные специализированные учреждения для несовершеннолетних, участвовавших в совершении антиобщественных действий, а также состоявших в экстремистских группировках и нуждающихся в социальной профилактике и реабилитации; разработать и внедрить в практику молодежных комиссий, комитетов, организаций программу по осуществлению проектов культурного обмена между представителями различных рас, национальностей, религиозных убеждений, что будет

способствовать снижению страхов, фобий, неприязни, информационного дефицита в среде российской молодежи.

Таким образом, поскольку противодействие политическому экстремизму есть важнейшая задача для государства и общества, ее решение требует координации усилий государственных и общественных структур; применения новых знаний, методов, опыта по предупреждению и пресечению противоправных действий субъектов экстремистской деятельности; подготовки компетентных сотрудников правоохранительных органов, способных не только готовить и проводить специальные операции по пресечению экстремистских преступлений, но и эффективно взаимодействовать с органами государственного и местного самоуправления, общественными организациями и политическими партиями, представителями СМИ и религиозных объединений. В тоже время особое внимание со стороны государственных и общественных институтов следует уделять профилактике экстремизма, осознавая его угрозу государству и обществу.

Исследование сущности и проявлений политического экстремизма в современной России, а также проблем противодействия ему со стороны государственных и общественных структур, позволили автору сформулировать некоторые предложения по реформированию системы противодействия данному социальному феномену. По нашему мнению, одним из важнейших условий повышения эффективности противодействия политическому экстремизму является разработка общегосударственной комплексной программы, включающей не только правоохранительный, но и политический, социальный, экономический, правовой, информационный, культурный и другие аспекты по устранению социальных условий, способствующих росту проявлений экстремизма в российском обществе.

Вместе с тем, при разработке антиэкстремистской стратегии необходимо учитывать следующие факторы:

1) Политический экстремизм, как правило, активно проявляется в периоды социально-экономических, политических кризисов и обострений. Любая критически сложившаяся историческая ситуация, в ходе которой обостряется вплоть до угрозы самосохранению положение той или иной социальной группы, будет вести к активным проявлениям политического экстремизма. В латентном состоянии экстремизм присутствует во всех обществах, даже наиболее благополучных. Тогда как активную форму принимает по мере обострения исторической ситуации.

2) Окончательно ликвидировать угрозу экстремизма в современном мире в данное время не представляется возможным. Но необходимо уметь активно противодействовать экстремистской деятельности и минимизировать ее проявления, в первую очередь, информационное воздействие на общество.

3) Рост проявлений экстремизма в современной России объясняется нетолько слабоволием и нередко некомпетентностью органов государственной власти и управления, но и зачастую равнодушием, теплохладностью институтов гражданского общества.

По мнению автора, система противодействия политическому экстремизму должна состоять из трех взаимосвязанных подсистем, охватывающих сферы правового регулирования основных направлений противодействия экстремизму:

1) Профилактика (предупреждение) экстремизма, где основополагающую роль наряду с государством должны играть все институты гражданского общества в целях решения политических, национальных, социально-экономических проблем, порождающих экстремизм.

2) Борьба правоохранительных органов с проявлениями экстремизма в плане выявления, пресечения и расследования преступлений экстремистской направленности.

3) Ликвидация или минимизация последствий экстремистской деятельности. Здесь должны быть задействованы в пределах своей компетенции все органы исполнительной власти и местного самоуправления, средства массовой

информации, общественные и религиозные организации, политические партии.

В каждом из указанных направлений противодействия экстремизму должны быть разработаны меры политического, информационного, координирующего характера, осуществляемые органами исполнительной власти, имеющими специальную компетенцию в сферах профилактики, борьбы и ликвидации (или минимизации) последствий проявления экстремистской деятельности.

Кроме того, для эффективного противодействия политическому экстремизму необходимо усовершенствовать:

1) Нормативно-правовое обеспечение антиэкстремистских действий. Необходимо пересмотреть и конкретизировать антиэкстремистское законодательство, в первую очередь доработать Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

2) Централизацию руководства всеми антиэкстремистскими действиями, обеспечив согласованность (скоординированность) усилий силовых ведомств, органов государственной власти и общественных институтов. Необходимо ввести принцип единоначалия, предполагающий персональную ответственность руководящего лица за исполнение принятых решений.

3) Систему обучения и переподготовки сотрудников правоохранительных органов, представителей органов власти и структур гражданского общества, непосредственно участвующих в противодействии проявлениям политического экстремизма. Здесь необходимо разработать и внедрить новые комплексные обучающие программы, сочетающие политические, социальные, психологические, информационные, педагогические аспекты по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности.

4) Правовую защиту сотрудников органов, участвующих в противодействии политическому экстремизму, судей, свидетелей и других участников уголовного и гражданского процессов, а также жертв экстремистских преступлений, включая возмещение причиненного ущерба. Наличие реально

действующих программ по правовой защите участников борьбы с экстремизмом обеспечит более эффективное функционирование всех органов, учреждений, отдельных лиц, противостоящих экстремистским преступлениям.

5) Информационно-психологическое обеспечение антиэкстремистской деятельности. Здесь необходимо уделить пристальное внимание идеологически дифференцированному воздействию на население, участников экстремистских организаций и им сочувствующих. Кроме того, необходимо широко использовать средства массовой информации в сфере противодействия пропаганде насилия, возбуждения расовой, национальной, религиозной, социальной вражды и ненависти, а также в сфере внедрения в общественную практику норм толерантного поведения.

6) Практику проведения оперативно-розыскных мероприятий, позволяющих выявлять намерения экстремистов и оперативно пресекать экстремистские действия на стадии их реализации. Причем данные оперативно-розыскные мероприятия не должны носить характер политического сыска в его худших проявлениях и не должны нарушать конституционные права граждан, даже подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений экстремистской направленности.

7) Систему комплексного мониторинга и анализа внешних и внутренних экстремистских угроз на федеральном и региональном уровнях, включая отслеживание устремлений зарубежных и российских экстремистских организаций, а также конфликтных процессов в обществе, потенциально опасных экстремистскими угрозами. Необходимо постоянное прогнозирование и четкая оценка развития той или иной кризисной ситуации и своевременное информирование Президента и Правительства Российской Федерации.

8) Взаимодействие и координацию действий антиэкстремистских сил в международном масштабе. Необходим четкий контроль за деятельностью международных экстремистских объединений, их центров, баз подготовки

боевиков и других структур; выявление и ликвидация источников финансирования экстремистских группировок; обмен опытом и информацией по противодействию экстремизму; беспрепятственная выдача экстремистов по требованию того государства, на территории которого ими совершено то или иное уголовно доказуемое преступление экстремистского характера.

9) Внедрение целевых, научно-исследовательских и иных программ в области противодействия экстремизму, повышения устойчивости функционирования и антиэкстремистской защищенности жизненно важных и потенциально опасных объектов.

10) Привлечение различных общественных институтов (общественные и религиозные организации, СМИ, бизнес-сообщество и т.п.) к участию в профилактике экстремизма, а также ликвидации или минимизации последствий его проявления.

Для результативного функционирования система по противодействию политическому экстремизму должна основываться на следующих принципах:

1) Приоритетность профилактики экстремизма, социально-экономических и политических мер над мерами репрессивного характера.

2) Целевое финансирование деятельности по противодействию политическому экстремизму из средств федерального бюджета в необходимых объемах.

3) Адекватность предлагаемых правовых и силовых мер степени угроз, исходящих от экстремизма.

4) Упреждающий характер деятельности соответствующих компетентных структур по выявлению и пресечению готовящихся преступлений экстремистской направленности.

5) Соразмерность мер временного ограничения конституционных прав граждан, осуществляемых в связи с противодействием экстремизму, степени угроз, исходящих от экстремистских группировок, а также гарантированность обвиняемым участникам экстремистских организаций соблюдения их конституционных прав в ходе предварительного следствия и

разбирательства дел в судебных инстанциях.

Функционирование системы по противодействию экстремистской деятельности должно базироваться на определенном комплексе источников правового регулирования, куда должны быть включены:

1) Общепризнанные принципы и нормы международного права, а также универсальные, региональные и двусторонние международные договоры, участницей которых является Россия, как непосредственно касающиеся противодействия экстремизму (терроризму), так и связанные с профилактикой и минимизацией последствий экстремизма (терроризма).

2) Российские (внутригосударственные) федеральные нормативные правовые акты – Конституция Российской Федерации, решения Конституционного суда Российской Федерации, федеральные законы, указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации, акты иных федеральных органов государственной власти.

3) Нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, которые касаются профилактики и минимизации последствий проявления политического экстремизма и защиты прав граждан в соответствии со статьей 72 Конституции Российской Федерации.

4) Иные нормативные акты, действующие в рассматриваемой сфере – акты Общественной палаты Российской Федерации, политических партий, общественных, религиозных и прочих объединений.

Таким образом, по нашему мнению, в современной России необходима концептуально обоснованная, многоуровневая, динамично развивающаяся система мер противодействия политическому экстремизму, стержнем которой является скоординированная и эффективная деятельность органов государственной власти, предупреждающая социальные, национальные, религиозные конфликты и проявления экстремизма в российском обществе. Главное на этом пути противодействия экстремизму не только утверждение на практике принципов социальной справедливости через преодоление

неприемлемого разрыва между бедностью и богатством, но и формирование легитимной политической системы, воспринимаемой как справедливой не только правящими кругами, но и всем российским народом. Только в этом случае созданный политико-правовой механизм противодействия экстремистской деятельности будет действительно эффективен.

Рассмотрев структуру и деятельность экстремистских организаций, и проанализировав проблемы противодействия политическому экстремизму, мы пришли к следующим выводам:

1) Изучение эволюции организационной структуры, финансирования, методов воздействия, характеризующих деятельность ряда экстремистских организаций, позволяет подтвердить предположение о том, что экстремизм может рассматриваться только как связанное с политикой явление. Вот почему создание подобного рода организаций на основе хорошо законспирированной сетевой структуры с непрозрачными источниками финансирования и применением ничем неограниченного насилия, предполагает участие в политической борьбе определенных социальных сил с целью насильственного изменения конституционного строя и последующей реализацией собственной идеологической доктрины и политической программы.

2) Сложившуюся в средствах массовой информации, правоохранительных органах, массовом сознании практику отождествления радикализма и политического экстремизма вряд ли можно считать обоснованной. Применение предложенных в нашем исследовании признаков (критериев) для диагностирования экстремистской деятельности позволяет четко улавливать ту грань, которая отделяет проявления радикализма от политического экстремизма. Именно переход от радикальной риторики к применению идеологически обоснованного нелегитимного насилия против личности, собственности, прав и свобод граждан позволяет отличить экстремистскую деятельность от радикальной.

3) Тенденции развития политического экстремизма, как в мире, так и в

России жестко ставят вопрос о немедленном реформировании государственной системы по противодействию проявлениям экстремизма в российском обществе. Отличительной особенностью реформированной системы должно стать регулирование не отдельных обособленных направлений в противодействии экстремизму, а комплексный подход к решению данной проблемы: взаимосогласованное регулирование всех подсистем или составляющих противодействия экстремизму при одновременном использовании обновленного правового инструментария. Причем для эффективного противодействия проявлениям политического экстремизма представляется принципиально важным сделать основной акцент на развитии системы профилактики экстремизма, которая должна иметь упреждающий характер, быть скоординированной, осуществляться компетентными специалистами и не нарушать конституционных прав, свобод и законных интересов граждан.

Заключение

В настоящее время политический экстремизм превратился в реальный вызов человечеству, представляющий нарастающую угрозу безопасности и стабильности во всем мире. Так, в последнее время наблюдается активизация различных экстремистских организаций и групп. Некоторые из них известны лишь узкому кругу специалистов, но другие уже успели зарекомендовать себя громкими терактами, целенаправленным использованием политического насилия для достижения своих целей.

В тоже время экстремистская угроза не является исключением и для Российской Федерации, где проявления политического экстремизма демонстрируют устойчивую тенденцию к росту. Причем экстремизм стал использоваться как инструмент давления на Российскую Федерацию, нарушения ее территориальной целостности, что ясно показали события в Северокавказском регионе в середине 1990-х – начале 2000-х гг. Тогда

консолидированные усилия международных экстремистских организаций и местных незаконных вооруженных формирований привели к тому, что на определенное время Чеченская Республика фактически была выведена из под юрисдикции России.

Вместе с тем изучение феномена политического экстремизма в современной политической науке свидетельствует об отсутствии общепризнанного подхода к определению данного понятия и классификации его проявлений в российской политической жизни. Во многом это связано с тем, что понятие «политический экстремизм» далеко от нейтральности – оно имеет политическую и эмоциональную окраску. А это приводит к тому, что точное определение данного понятия оказывается не конкретным, достаточно размытым, заретушированным. С нашей стороны, в своем исследовании, мы не ставили цели предложить некое универсальное определение, но стремились расставить некоторые акценты, которые могли бы поспособствовать лучшему пониманию этого феномена.

На сегодняшний день, по нашему мнению, значительный вклад в дело изучения политического экстремизма внесли исследования представителей политико-правового подхода, рассматривающего экстремизм, преимущественно, как политико-правовую категорию. Поскольку деятельность субъектов экстремизма осуществляется в политической сфере и связана с достижением конкретных политических целей, это, на наш взгляд, позволяет говорить об экстремизме как о преимущественно политическом явлении. О политическом характере экстремизма свидетельствует не только применение нелегитимного насилия (терроризм, партизанская война, репрессии против инакомыслящих и т.д.), но и экстремистская идеология, обосновывающая достижение определенных политических целей (свержение конституционного строя, ликвидация политических противников и т.д.). Но, вместе с тем, экстремизм включает и религиозные догмы, культурные стереотипы, формы массового искусства и т.п.

Исследование природы экстремизма позволяет предположить, что его происхождение связано с критическими, чрезвычайными, экстремальными ситуациями, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Поэтому экстремизм является в принципе естественной и самопроизвольной реакцией социальных субъектов на экстремальные социальные ситуации, хотя эта реакция, по своей сути, носит агрессивный характер, в силу чего, экстремизм не разрешает экстремальной ситуации, а, скорее, усугубляет ее. В каждом конкретном случае проявлений экстремизма нужно выяснить специфические особенности чрезвычайной ситуации, реакцией на которую и становится данный экстремизм.

По нашему мнению, для определения политического экстремизма ключевыми понятиями являются «насилие» и «политическое насилие». Насилие в обществе, проявляясь как принудительное воздействие (в открытой и скрытой форме), непосредственно связано с агрессией, поскольку враждебность, неприязнь нередко приводят к различным видам насильственных действий. Тогда как политическое насилие выступает в качестве различных форм принуждения с целью приобретения или сохранения своего господствующего, значимого, ведущего положения в обществе. Поэтому политическое насилие всегда является исключительной мерой (действием) для достижения определенных целей в политике. В свою очередь, экстремизм проявляется как идейно обоснованное, решительное действие, связанное с применением нелегитимного насилия для достижения политических целей.

Отдельную роль в определении политического экстремизма играет понятие «политическая легитимность», которая выражает собой право власти на существование, ее обоснование и оправдание, в том числе, в вопросах применения политического насилия. Однако в чрезвычайных ситуациях, чувствуя угрозу собственному положению, правящие группы могут прибегать к использованию чрезмерного (деструктивного) политического насилия, приобретающего нелегитимный характер. Поэтому политический

экстремизм, проявляющийся через нелегитимное насилие, может осуществляться как государственными структурами (правящими группами), так и общественными организациями, движениями и т.д.

Таким образом, на наш взгляд, можно предположить, что политический экстремизм – это радикальный, идеологически (идейно и ценностно) обоснованный вид политической деятельности определенных социальных субъектов, поставленных в критические, чрезвычайные условия существования и использующих нелегитимные противоправные формы политического насилия для коренного изменения сложившейся ситуации.

Такое определение экстремизма, как отдельного вида политической деятельности, позволяет выделить следующие его признаки:

1) Наличие агрессивной реакции социальных субъектов на чрезвычайные исторические ситуации. Данный критерий характеризует устойчивую связь экстремизма с кризисными (экстремальными) ситуациями, в которых оказываются те или иные социальные субъекты. Так, экстремизм проявляется как агрессивная реакция определенных социальных сил, направленная за или против коренных изменений существующего социального порядка.

2) Применением нелегитимного политического насилия (простая приверженность к крайним взглядам, мнениям, оценкам не может считаться экстремизмом). Данный признак подразумевает, что экстремизм проявляется через целенаправленные действия насильственного характера.

3) Идеологическая обеспеченность экстремистских действий. Экстремисты не только отрицают инакомыслие и испытывают нетерпимость к сторонникам иных взглядов, но и стремятся апеллировать к каким-либо известным политическим идеологиям или религиозным учениям, претендуя на свое «истинное» или «углубленное» толкование того или иного учения или идеологии.

4) Публичность экстремизма. Как правило, публичность проявляется в стремлении экстремистов обратиться к широкому кругу людей с целью нетолько просто заявить о себе, но и в попытке расширить собственную

социальную базу, а также оправдать свои действия некими чрезвычайными обстоятельствами (например, произвол властей, происки «врагов народа», борьба с неверными и т.д.).

5) Противоправность экстремизма. Данный признак подразумевает, что экстремистская деятельность нелегальна и должна быть запрещена законом.

6) Корпоративность экстремизма. Экстремизм, как правило, проявляется как групповая (корпоративная) деятельность людей, имеющих характерное коллективное представление о достижении тех или иных целей, обоснованное экстремистской идеологией.

На наш взгляд, данные признаки хоть и не могут отразить всю совокупность подходов и мнений относительно оценки сущности и содержания экстремизма, тем не менее, являются необходимым инструментарием для диагностирования данного феномена. Кроме того, выделение признаков политического экстремизма, позволяет более четко исследовать сущность этого феномена, а также решить задачу нахождения приемлемой, конкретизированной дефиниции этого явления.

Понимание сущности политического экстремизма как развивающегося явления позволяет систематизировать специфические (социально-экономические, политические, идеологические) и дополнительные (религиозные, культурные, психологические) факторы, порождающие экстремистскую деятельность в политической сфере в различные исторические эпохи.

Не менее важной проблемой является исследование идеологии политического экстремизма, поскольку любая экстремистская деятельность всегда идейно и ценностно обоснована. На наш взгляд, экстремистская идеология – это своеобразная теоретическая конструкция, обосновывающая способы (различные формы насилия) преодоления острого конфликта между интересами определенной социальной группы и ее оппонентов в ходе критически сложившейся исторической ситуации. В силу чего, экстремизм выступает как деструктивная форма разрешения исторически сложившегося

нестерпимого положения определенной социальной группы. Деструктивность этой реакции состоит в том, что, во-первых, эта реакция протекает в агрессивных, непримиримых формах и, во-вторых, в том, что представители данной социальной группы пытаются отстоять свои интересы только с помощью использования правоотрицающего политического воздействия.

В тоже время экстремистскую форму в чрезвычайных социально-исторических условиях может принять любая радикальная идеология (любой социальной группы). Однако становление экстремистской идеологии, по нашему мнению, может происходить двумя путями: во-первых, путем трансформации – приобретения экстремистских черт (апологетика насилия) любой радикальной идеологией. Во-вторых, путем создания «новой» экстремистской идеологии на основе своеобразной теоретической эклектики с привлечением разного рода идей, концепций, учений.

Экстремистская идеология, выступая духовной основой политического экстремизма, проявляется в правых и левых разновидностях. Исследование феномена правоэкстремистской идеологии позволяет рассматривать правый экстремизм как достаточно сложное политическое явление, проявляющееся в двух основных видах: светский и религиозно-политический экстремизм. В отличие от правого политического экстремизма, левый экстремизм – определенный вид деятельности отдельных организаций, социальных групп или индивидов, стремящихся уничтожить господствующую политическую систему и руководствующихся при этом своеобразным набором левых экстремистских идеологических установок, взглядов и идей.

Изучение организационной структуры, финансирования, методов воздействия, характеризующих деятельность экстремистских организаций, позволяет подтвердить предположение о том, что экстремизм должен рассматриваться только как связанное с политикой явление. Создание экстремистских организаций на основе хорошо отлаженной структуры с непрозрачными источниками финансирования и применением ничем

неограниченного насилия, предполагает участие в политической борьбе определенных социальных сил либо с целью насильственного изменения конституционного строя и последующей реализацией собственной идеологической доктрины и политической программы, либо с целью организации насильственного подавления оппозиции в интересах правящих структур.

Кроме того, при исследовании политического экстремизма немаловажное значение приобретает проблема диагностирования именно экстремистской деятельности. На наш взгляд, выделенные нами ранее признаки экстремизма (агрессия, нелегитимное насилие, идеологическая обеспеченность, противоправность, корпоративность, публичность) могут быть использованы для диагностирования экстремистской деятельности различных организаций, объединений и групп. Использование данных признаков (критериев) для диагностирования деятельности различных экстремистских организаций и групп, позволит более четко определять проявления экстремизма в различных видах такой деятельности.

Не менее важной проблемой является вопрос о противодействии проявлениям политического экстремизма в России. Здесь следует отметить, что недостаточная скоординированность деятельности органов государственной власти, необходимость совершенствования системы обмена информацией между различными ведомствами, отсутствие вовлечения в данный процесс общественных объединений и иных институтов гражданского общества – вот далеко не полный перечень проблем, решение которых должно носить первоочередной характер.

На наш взгляд, необходимо провести реформирование системы противодействия политическому экстремизму на основе комплексного подхода, включающего взаимосогласованное регулирование всех подсистем противодействия экстремизму при одновременном использовании обновленного правового инструментария. При разработке программы противодействия экстремизму необходимо учитывать два обстоятельства:

1) Существует опасность, что под воздействием сохраняющихся в обществе негативных процессов в экономике и социальной жизни, ведущих к обнищанию основной части населения, идеи гражданского общества могут быть дискредитированы не только под воздействием радикализации масс, но и вследствие усиления авторитарных начал в деятельности государственных структур.

2) В сложившихся условиях власть без участия институтов гражданского общества не может не только решать проблемы противодействия экстремизму, но и практически осуществлять любую социально значимую программу мероприятий. Тогда как на данном этапе наблюдается много декларативности, парадной шумихи, помпезности со стороны органов власти при слабой активности общественности в эффективном использовании своих, законом определяемых возможностей.

Вместе с тем, понятие «политический экстремизм» и механизмы противодействия ему носят исторически обусловленный характер и требуют научного обоснования с учетом текущих и прогнозируемых в обществе позитивных и негативных процессов. В силу чего, государственная программа противодействия политическому экстремизму должна носить конкретно-исторический характер, быть направленной на решение именно реальных проблем, своевременно реагировать на изменяющуюся обстановку, предлагать комплексное решение поставленных задач, строго учитывать конституционные права и свободы граждан России.

Система противодействия политическому экстремизму должна состоять из трех взаимосвязанных подсистем, охватывающих сферы правового регулирования основных направлений противодействия экстремизму:

1) Профилактика (предупреждение) экстремизма, где основополагающую роль наряду с государством должны играть все институты гражданского общества в целях решения политических, национальных, социально-экономических проблем, порождающих экстремизм.

2) Борьба правоохранительных органов с проявлениями экстремизма в плане выявления, пресечения и расследования преступлений экстремистской направленности.

3) Ликвидация или минимизация последствий экстремистской деятельности. Здесь должны быть задействованы, в пределах своей компетенции, все органы исполнительной власти и местного самоуправления, средства массовой информации, общественные и религиозные организации, политические партии.

В тоже время, основой такого реформирования должно стать развитие различных видов профилактики экстремизма. Однако только с учетом координации усилий государственных структур и гражданского общества можно существенно снизить рост числа проявлений политического экстремизма в современной России.

Список литературы

1. *Абдуль-Кадир ибн Абдуль-Азиз.* Терроризм является частью ислама, кто отрицает, тот впал в неверие. / Абдуль-Кадир ибн Абдуль-Азиз. Б.г., б. м. // Личный архив автора.

2. *Абу Мусаб Ас-Сури.* Это наша идеология. / Абу Мусаб Ас-Сури. Б. г., б. м. // Личный архив автора.

3. *Авдеев, Ю.И.* Концептуальные и правовые вопросы совершенствования противодействия экстремизму в Российской Федерации / Ю.И. Авдеев // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. – 2010. – № 4. – С. 31-47.

4. *Авдеев, Ю.И.* Политический экстремизм как явление политической борьбы: сущность, содержание и формы (теоретико-методологический аспект). / Ю.И. Авдеев. – М.: АСТ, 1996. – 345 с.

5. *Авцинова, Г.И.* Политический радикализм в России: концептуальные подходы к понятию и пути нейтрализации / Г.И. Авцинова // Вестник

Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 1995. – № 3. – С.23-35.

6. *Адорно, Т.* Исследования авторитарной личности. / Т. Адорно. – М.: Наука, 2001. – 279 с.

7. *Алексеев, В.А.* Скромный кондотьер: феномен Че Гевары. / В.А. Алексеев. – М.: Мысль, 1991. – 349 с.

8. *Амирокова, Р.У.* Политический экстремизм в современном политическом процессе России: автореф. дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Р.У. Амирокова. Черкесск. 2006. – 26 с.

9. *Антонян, Ю.М.* Природа этнорелигиозного терроризма. / Ю.М. Антонян. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 287 с.

10. *Антонян, Ю.М.* Экстремизм и его причины. / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2010. – 314 с.

11. *Арсланов, В.Г., Бузгалин, А.В., Колганов, А.И., Межуев, В.М.* Марксизм: Альтернативы XXI века (дебаты постсоветской школы критического марксизма) / В.Г. Арсланов, А.В. Бузгалин, А.И. Колганов, В.М. Межуев. – М.: ЛЕНАНД, 2009. – 371 с.

12. *Арухов, З.С.* Экстремизм в современном исламе. / З.С. Арухов. – Махачкала, Изд-во ДГУ, 1999. – 282 с.

13. *Аршба, О.И.* Современный правый экстремизм в Европе / О.И. Аршба // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2002. – № 4. – С. 3-11.

14. *Аршинова, А.И.* Сущность и специфические особенности экстремизма / А.И. Аршинова // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2010. – № 3. – С. 12-21.

15. *Афанасьева, Р.М.* Социокультурные аспекты противодействия экстремизму в молодежной среде / Р.М. Афанасьева // Власть.– 2007. – № 5. – С. 51-55.

16. *Бааль, Н.Б.* Политический экстремизм российской молодежи и технологии его преодоления: автореф. дис. … док. полит. наук: 23.00.02 / Н.Б. Бааль. Нижний Новгород. 2012. – 46 с.

17. *Бааль, Н.Б.* Феномен политического экстремизма молодежи / Н.Б. Бааль // Наука и бизнес: пути развития. – 2012. – № 1.– С. 116-118.

18. *Барабанова, А.И., Ямщикова, Е.А.* Народовольцы в Петербурге. / А.И. Барабанова, Е.А. Ямщикова. – Л.: Лениздат, 1984. – 314 с.

19. *Баркашов, А.П.* Азбука русского националиста. / А.П. Баркашов. – М.: Слово, 1994. – 187 с.

20. *Баркашов, А.П.* Национализм или патриотизм? О неизбежности национальной революции / А.П. Баркашов // Русский порядок. – 1993. – № 1. – С. 2-3.

21. *Барт, Р.* Мифологии. / Р. Барт. – М.: АСТ, 2010. – 379 с.

22. *Батов, А.* История РКСМ (б) [Электронный ресурс] – Режим доступа: // http://rksmb.org/rksmb_history.php – дата обращения 12.10.2013.

23. *Беглова, О.А.* Любой ли экстремизм противоправен? / О.А. Беглова // Вестник Санкт–Петербургского университета. Серия 14: Право. – 2011. – №4. – С. 16-27.

24. *Беликов, С.В.* Бритоголовые. Все о скинхедах. Эксклюзивные материалы. / С.В. Беликов. – М.: Книжный мир, 2011. – 264 с.

25. *Белоусов, Л.С.* Муссолини: Диктатура и демагогия. / Л.С. Белоусов. – М.: АСТ, 1993. – 359 с.

26. *Бердяев, Н.А.* Духовные основы русской революции. Истоки и смысл русского коммунизма. / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 428 с.

27. *Бердяев, Н.А.* Судьба России. / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ, 2005. – 285 с.

28. *Бехчанов, Ю.* Хочешь мира – готовься к войне / Ю. Бехчанов // Народный строй. – 1995. – № 4. – С. 2-3.

29. *Бирюков, А.* Письмо политзаключенного Александра Бирюкова в редакцию анархистского бюллетеня «Права и воля» / А. Бирюков // Права и воля. – 2001. – № 7. – С. 3-4.

30. *Бирюков, В.В.* Еще раз об экстремизме / В.В. Бирюков // Адвокат. – 2006. – № 12. – С. 18-27.

31. *Бланк, А.А.* Неонацизм – орудие реакции. / А.А. Бланк. – М.: Политиздат, 1979. – 324 с.

32. *Боголюбов, С.А.* Нужен ли закон о противодействии политическому экстремизму? / С.А. Боголюбов // Адвокат. – 2001. – № 11. – С. 24-31.

33. *Будницкий, О.В.* История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях. / О.В. Будницкий. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 547 с.

34. *Бурковская, В.А.* Криминальный религиозный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические основы противодействия: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.05 / В.А. Бурковская. М., 2006. – 376 с.

35. *Бученков, Д.Е.* Анархисты в России в конце XX века. / Д.Е. Бученков.– М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 252 с.

36. *Бычков, Р.* От протеста – к Сопротивлению / Р. Бычков // Мировоззрение. – 2005. – № 3. – С. 1-2.

37. *Васильев, В.Л.* Психолого-педагогические проблемы предупреждения терроризма / В.Л. Васильев // Материалы международной конференции «Ананьевские чтения». СПб., 2001. – 354 с.

38. *Вебер, М.* Образ общества. / М. Вебер. – М.: АСТ, 1994. – 368 с.

39. *Верховский, А.М.* Антиэкстремистское законодательство и злоупотребления при его применении / А.М. Верховский // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2007 году. М.: Центр «Сова», 2007. – 349 с.

40. *Верховский, А., Папп, А., Прибыловский, В.* Политический экстремизм в России. / А. Верховский, А. Папп, В. Прибыловский. – М.: Ин-т экспериментальной социологии, 1996. – 362 с.

41. *Веселицкий, А.А.* Убийцы. / А.А. Веселицкий. – М.: Политиздат, 1985. – 279 с.

42. *Ветренко, И.А.* Научно-методологические подходы к изучению экстремизма как социально-политического явления. / И.А. Ветренко. // Дискурсология, методология, теория, практика. Материалы III международной научно-практической конференции. Екатеринбург: Издательский дом «Дискурс ПИ», 2010. – С. 68-73.

43. *Ветренко, И.А., Дубицкий, В.В.* Особенности изучения экстремизма в регионе (на примере Омской области). / И.А. Ветренко, В.В. Дубицкий // Личность. Культура. Общество. М., 2009. – Том XI. – Вып. 3 (49). – С. 111-119.

44. *Виноградов, М.В.* Терроризм: психологический портрет // Терроризм. Правовые аспекты борьбы /Отв. ред. И.Л. Трунов. – М.: Эксмо, 2005. – 453 с.

45. *Витюк, В.В.* Социальная сущность и идейно-политическая концепция современного «левого» терроризма: автореф. дис. … докт. филос. наук: 09.00.11 / В.В. Витюк. М., 1985. – 53 с.

46. *Витюк, В.В., Эфиров, С.А.* «Левый» терроризм на Западе: история и современность. / В.В. Витюк, С.А. Эфиров. – М.: Наука, 1987. – 393 с.

47. *Владимиров, С.* Русский порядок / С. Владимиров // Русский порядок. – 1995. – № 3 – 4. – С. 6-8.

48. *Волков, В.В.* Политический радикализм в исламе и национальная безопасность России: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / В.В. Волков. М., 2002. – 189 с.

49. *Волкан, В., Оболонский, А.* Потребность иметь врагов и друзей / В. Волкан, А. Оболонский // Вопросы психологии. – 2004. – № 7. – С. 24-37.

50. *Воробьевский, Ю.К.* Творцы серой расы / Ю.К. Воробьевский // Москва. – 1997. – № 7. – С. 35-57.

51. *Воронцов, С.А.* Антиэкстремистская деятельность органов государственной власти и местного самоуправления в институционально-

правовом контексте: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 23.00.02 / С.А. Воронцов. Ростов-на-Дону, 2009. – 54 с.
52. Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. // Российская газета. 1995. 5 апреля.
53. *Гаврилова, Т.М.* Международная миграция рабочей силы: ее воздействие на занятость населения в условиях реформирования экономики России: дис. … канд. эконом. наук: 08.00.05 / Т.М. Гаврилова. Волгоград, 2001. – 212 с.
54. *Галкин, А.А.* Германский фашизм. / А.А. Галкин. – М.: Политиздат, 1967. – 451 с.
55. *Геллнер, Э.* Нации и национализм. / Э. Геллнер. – М.: Наука, 1991. – 275 с.
56. *Глухова, А.В.* Политический конфликт: анализ теории и методологии исследования: дис... докт. полит. наук: 23.00.02 / А.В. Глухова. М., 1997. – 362 с.
57. *Гозман, Л.Я., Шестопал, Е.Б.* Политическая психология. / Л.Я. Гозман, Е.Б. Шестопал. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1996. – 462 с.
58. *Горбунов, Ю.С.* Терроризм и правовое регулирование противодействия ему. Монография. / Ю.С. Горбунов. – М.: Молодая гвардия, 2008. – 451 с.
59. *Грамши, А.* Избранные произведения. / А. Грамши. – М.: Политиздат, 1957. – 568 с.
60. *Грачев, А.С.* Политический экстремизм. / А.С. Грачев. – М.: Мысль, 1986. – 386 с.
61. *Грачев, С.И., Сорокин, М.Н., Азимов, Р.А.* Терроризм: концепты, идеология, проблемы противодействия: монография. / С.И. Грачев, М.Н. Сорокин, Р.А. Азимов. – Н.Новгород: Институт ФСБ России, 2015. – 164 с.
62. *Даль, В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. / В.И. Даль. – М., ЭКСМО – Пресс, 2000. – 642 с.
63. *Даниленко, В.И.* Современный политологический словарь. / В.И. Даниленко. – М., 2000. – 438 с.
64. *Дарендорф, Р.* Элементы теории социального конфликта / Р. Дарендорф //Социс. – 1994. – №5. – С. 23-37.

65. *Дворянов, В.А.* Политический экстремизм в Центральной Европе / В.А. Дворянов // Терроризм и политический экстремизм: вызовы и поиски адекватных ответов. М.: Наука, 2002. – 286 с.

66. *Дейч, М.* Коричневые. / М. Дейч. – М.:ТЕРРА – Книжный клуб, 2003. – 348 с.

67. *Делягин, М.* Экономика неплатежей: как и почему мы будем жить дальше. / М. Делягин. – М.: Мысль, 1996. – 291 с.

68. *Дмитриев, А.В.* Этнический конфликт: теория и практика. / А.В. Дмитриев. – М.: Наука, 1998. – 412 с.

69. *Дмитриев, А.В., Залысин, И.Ю.* Насилие: социо-политический анализ. / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин. – М.: Наука, 2000. – 359 с.

70. *Дмитриев, А.В., Залысин, И.Ю.* Религиозные аспекты терроризма / А.В. Дмитриев, И.Ю. Залысин // Терроризм и религия. М.: АСТ, 2005. – 423 с.

71. *Докинз, Ричард.* Бог как иллюзия. / Ричард Докинз. – М.: Изд-во КоЛибри, 2008. – 562 с.

72. *Добровольский, А.А.* Язычество как волшебство. / А.А. Добровольский. – М.: Издательский центр «Слава», 2005. – 212 с.

73. *Дойч, М.* Разрешение конфликтов. Конструктивные и деструктивные процессы / М. Дойч // Социально-политический журнал. – 1997. – № 1. – с. 23-36.

74. *Дугин, А.Г.* Потому что мы любим тебя, революция / А.Г. Дугин // День. 1993. – № 19.

75. *Дугин, А.Г.* Владимир Путин и консервативная революция / А.Г. Дугин // Российская газета. 2003. – № 94.

76. *Елисеев, А.* Национал-революционный стиль / А. Елисеев // Нация. Журнал русских новых правых. – 1995. – № 1. – С. 2-4.

77. *Ефанова, Е.В.* Молодежный экстремизм как форма политического протеста / Е.В. Ефанова // Власть. – 2011. – № 8. – С. 28-35.

78. *Ефимов, И.М.* Грядущий Атилла: Прошлое, настоящее и будущее международного терроризма. / И.М. Ефимов. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. – 357 с.

79. *Жаринов, К.В.* Терроризм и террористы. / К.В. Жаринов. – Минск: Харвест, 1999. – 462 с.

80. *Загладин, Н.В., Путилин, Б.Г.* Международный терроризм: истоки, проблемы, противодействия. / Н.В. Загладин, Б.Г. Путилин. – М.: ООО «Русское слово – РС», 2006. – 189 с.

81. *Зиммель, Г.* Конфликт современной культуры. / Г. Зиммель. – М.: АСТ, 1996. – 342 с.

82. *Иванов, А.К.* Наша идея / А.К. Иванов // Я – русский. – Июнь 2001.

83. *Ильин, Е.П.* Участие институтов гражданского общества, бизнес-структур и средств массовой информации в противодействии идеологии насилия в рамках системы противодействия терроризму / Е.П. Ильин // Материалы Четвертой международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. М., 2009. – 372 с.

84. *Ильин, И.А.* О русской идее / И.А. Ильин // Русский индивидуализм. Сборник работ русских философов XIX – XX веков. М.: Алгоритм, 2007. – 294 с.

85. *Исаева, М.А.* Предпосылки и источники молодежного экстремизма / М.А. Исаева // Власть. – 2007. – № 12. – С. 38-43.

86. *Кагарлицкий, Б.Ю.* Периферийная империя: циклы русской истории. / Б.Ю. Кагарлицкий. – М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. – 563 с.

87. *Кадиева, А.М.* К вопросу о сущности религиозного экстремизма / А.М. Кадиева // Религиоведение. – 2007. – № 4. – С. 127-137.

88. *Казанцев, В.* Баркашовцы – кто они? / В. Казанцев // Известия. – 1994. – 18 августа.

89. *Камю, А.* Миф о Сизифе. Бунтарь. / А. Камю. – М.: ООО «Поппури», 1998. – 461 с.

90. *Кара-Мурза, С.Г.* Манипуляция сознанием. / С.Г. Кара-Мурза. – М.: Эксмо, Алгоритм, 2007. – 627 с.

91. *Касимовский, К.* Основы нашей идеи / К. Касимовский // Штурмовик. – 1996. – № 19 (31).

92. *Каширкина, А.А.* Международно-правовое сотрудничество государств в борьбе с экстремизмом / А.А. Каширкина // Журнал российского права. – 2007. – № 12. – С. 75-84.

93. *Козер, Л.* Основы конфликтологии. / Л. Козер. – СПб.: Питер, 1999. – 426 с.

94. *Козлов, А.А.* Молодежный экстремизм. / А.А. Козлов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. – 287 с.

95. *Колобов, О.А.* Терроризм и контртерроризм в современном мире: Аналитические материалы, документы, глоссарий. / О.А. Колобов. – М.: Наука, 2003. – 428 с.

96. Конституция Российской Федерации. – М.: Право, 2004. – 51 с.

97. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 2000 г. // Собрание законодательства РФ. 2000. № 2.

98. *Коробов, А.А.* Миграционный фактор напряженности этнополитических отношений в Российской Федерации: дис. … докт. полит. наук: 23.00.02 / А.А. Коробов. Саратов. 2008. – 451 с.

99. *Красиков, В.И.* Экстремизм: междисциплинарное философское исследование причин, форм, паттернов экстремистского сознания. / В.И. Красиков. – М.: Наука, 2006. – 357 с.

100. *Краснов, П.* Что такое сетевые организации? [Электронный ресурс] – Режим доступа: http. // www.contr-tv.ru/common/377/ – дата обращения 12.05.2012.

101. *Кропоткин, П.А.* Анархия, ее философия, ее идеал. / П.А. Кропоткин. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 642 с.

102. *Кугай, А.И.* Природа политического насилия и его роль в современном мире: автореф. дис. …канд. филос. наук: 09.00.11 / А.И. Кугай. М., 1993.–23с.
103. *Кудрина, Н.Н.* Политический терроризм: сущность, формы проявления, методы противодействия: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Н.Н. Кудрина. М., 2000. – 234 с.
104. *Кудрявцев, В.Н., Лунев, В.В., Петрищев, В.Е.* Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации мира / В.Н. Кудрявцев, В.В. Лунев, В.Е. Петрищев // Борьба с терроризмом. М.: Наука, 2004. – 421 с.
105. *Кузина, С.И.* Политическое насилие: природа, манифестирование и динамика в глобализирующемся мире: автореф. дис. … докт. полит. наук: 23.00.02 / С.И. Кузина. Ростов-на-Дону, 2010. – 49 с.
106. *Кузьмин, А. В.* Противодействие экстремизму и терроризму: социально–культурный подход / А.В. Кузьмин // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2011. – № 4. – С. 42-53.
107. *Кэхеле, Х., Томэ, Х.* Современный психоанализ. / Х. Кэхеле, Х. Томэ. – М.: Наука, 1996. – 369 с.
108. *Лабунец, М.И.* Политический экстремизм: этнонациональная регионализация: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / М.И. Лабунец. Ростов-н/Д, 2002. – 186 с.
109. *Лабутин, В.* Христианские ценности и формы их дискредитации в современной медиакультуре / В. Лабутин // Научный православный взгляд на ложные исторические учения. Материалы совместной конференции Русского культурно-просветительного фонда имени святого Василия Великого и Института Российской истории РАН. М., 2011. – 642 с.
110. *Ленин, В.И.* Задачи союзов молодежи. / В.И. Ленин // Полн. собр. соч. Т. 41. М., 1961. – 346 с.
111. *Лещенков, К.Н.* Кооперация или экстремизм: гражданственность как фактор самоорганизации / К.Н. Лещенков // Мир психологии. – 2011. – № 1. – С. 12-23.

112. *Липатов, И.М.* Сущность и основные формы политического насилия в современных условиях (философско-социологический анализ): автореф. дис. … канд. филос. наук: 09.00.11 / И.М. Липатов. М., 1989. – 27 с.

113. *Лихачев, В.* Нацизм в России. / В. Лихачев. – М.: РОО «Панорама», 2002. – 267 с.

114. *Лихачев, В.* Революция духа. Христианский фашизм Мирчи Элиаде / В. Лихачев // Независимая газета. – 2004. – 3 марта.

115. *Лоренц, К.* Агрессия. / К. Лоренц. – М.: Наука, 2003. – 362 с.

116. *Лосский, Н.О.* Условия абсолютного добра. / Н.О. Лосский. – М.: АСТ, 1991. – 234 с.

117. *Лунеев, В.В.* Проблемы криминализации и противодействия экстремизму / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2009. – № 9. – С. 44-64.

118. *Макаров, Н.Е.* Политический экстремизм как радикальная модель политического процесса и организация государственного противодействия экстремизму: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / Н.Е. Макаров. Чита, 2006. – 231 с.

119. *Мамараев, Р.* Угроза «талибанизации» Северного Кавказа / Р. Мамараев // Азия и Африка сегодня. – 2008. – № 11. – С. 19-28.

120. *Манацков, И.В.* Политический терроризм: региональный аспект: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.11 / И.В. Манацков. Ростов - н/Д, 1998. – 225с.

121. *Мандел, Э.* Власть и деньги. Общая теория бюрократии. / Э. Мандел. – М.: АСТ, 1992. – 368 с.

122. Манифест национально-патриотического фронта «Память» // Россия сегодня. Политический портрет в документах. 1985 – 1991: Сборник. М., 1991. – С. 134-156.

123. *Мартьянов, В.С.* Умножение зла добром / В.С. Мартьянов // Свободная мысль. – 2008. – № 5. – С. 83-95.

124. *Мартыненко, Б.К.* Теоретико-правовые вопросы политического терроризма: дис. ... канд. юрид. наук: 23.00.02 / Б.К. Мартыненко. Ростов – н/Д., 1999. – 189 с.

125. *Мединский, В.Р.* О русском пьянстве, лени и жестокости. / В.Р. Мединский. – М.: ОЛМА, Медиа Групп, 2008. – 386 с.

126. *Межуев, В.М.* Маркс против марксизма. / В.М. Межуев. – М.: Культурная революция, 2007. – 237 с.

127. Методические рекомендации РНЕ по работе с карантином. Для служебного пользования. М., 1996. – 64 с.

128. *Морозов, И.Л.* Левый экстремизм как политический феномен второй половины XX – начала XXI веков: эволюция стратегии и тактики: автореф. дис. … докт. полит. наук: 23.00.02 / И.Л. Морозов. Саратов, 2010. – 53 с.

129. *Морозов, Г.И.* Терроризм – преступление против человечества. / Г.И. Морозов. – М.: Наука, 1997. – 287 с.

130. *Мурклинская, Г.* Следствие выяснило источник финансирования ваххабитов / Г. Мурклинская // Известия. – 1998. – 26 февраля.

131. *Муслимов, С.Ш.* Социально-экономические факторы как основа возникновения и обострения экстремизма и терроризма / С.Ш. Муслимов // Журнал российского права. – 2010. – № 2. – С. 2-14.

132. *Мяло, К.* На путях бунта / К. Мяло // Иностранная литература. – 1984. – № 3. – С. 52-84.

133. Наше видение грядущей России // Черная сотня. – 2003. – № 3. – С. 56-58.

134. НВФ. Боевые действия на Кавказе / сост. *П.П. Потапов.* Минск: Современная школа, 2010. – 326 с.

135. *Никонов, К.О.* Проблемы определения экстремизма / К.О. Никонов // Юридический мир. – 2011. – № 7. – С. 51-62.

136. *Новик, Ф.* Неонацизм в ФРГ: подъем и поражение 1949-1974 гг. / Ф. Новик. – М.: Политиздат, 1976. – 312 с.

137. *Новиков, Д.В.* Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противостояния. Политико-правовой аспект: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Д.В. Новиков. Ростов-н/Д, 2002. – 210 с.

138. Образ врага / Сост. *Л. Гудков.* М.: ОГИ, 2005. – 296 с.

139. *Овсиенко, Ф.* Неоязычество / Ф. Овсиенко // Религиоведение. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 2006. – 844 с.

140. *Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. 80000 слов и фразеологических выражений. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М., 1995. – 928 с.

141. *Ольшанский, В.Д.* Психология терроризма. / В.Д. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2002. – 357 с.

142. Основы идеологии и деятельности РПНСД // Мировоззрение. – 2003. –№ 2. С. 2-3.

143. *Павлинов, А.В.* Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.05 / А.В. Павлинов. М., 2008. – 387 с.

144. *Петрищев, В.Е.* Проблемы профилактики экстремистской и террористической деятельности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://socio.rin.ru/cgi-bin/article.pl?id=832&page=1 – дата обращения 22.03.2014.

145. *Петрова, Т.А.* О совершенствовании функций подразделений милиции общественной безопасности по профилактике экстремизма в молодежной среде / Т.А. Петрова // Вопросы совершенствования деятельности милиции общественной безопасности. М., 2008. – 251 с.

146. *Пиджаков, А. Ю.* Политический терроризм в России (историко-правовые аспекты) / А.Ю. Пиджаков // КЛИО. – 2001. – № 1. – С. 34-47.

147. Платформа Комитета за рабочий интернационал в СНГ. М., 2008. – 87 с.

148. Политология. Энциклопедический словарь / Общ. ред. и сост. *Ю.И. Аверьянов.* М., 1993. – 379 с.

149. Положение о Революционном Военном Совете РСФСР (РВС РСФСР) // Бумбараш. Молодой коммунист. – 1997. – № 4. – С. 2-3.

150. *Понкин, И.В.* Проблемы государственной политики в сфере противодействия экстремистской деятельности. / И.В. Понкин. – М.: Мысль, 2011. – 281 с.

151. *Поппер, К.* Открытое общество и его враги. / К. Поппер. – М.: АСТ, 1992. – 532 с.

152. Правый марш в Питере // Ситуация. – 2006. – № 16. – С. 5-6.

153. Приказ № 3 Реввоенсовета РСФСР // Бумбараш. Молодой коммунист. – 1997. – № 4. – С. 2-3.

154. Программное заявление Революционного комсомола – РКСМ (б) // Сборник материалов по молодежной политике. М., 2008. – С. 3-5.

155. Программные основы ННП // Я – русский в Самаре. – 2001. – № 1.

156. *Прибыловский, В.* Ликург, Чингисхан и Гитлер / В. Прибыловский // Новое время. – 1991. – № 4. – С. 16-18.

157. Путь вперед. Программа минимум – максимум. Богданович, 2011. – 27 с.

158. Режим готовит провокацию. О съезде движения «Русское национальное единство» // Листовка. Б.г., б. м. Личный архив автора.

159. Рождение новой вертикали // Нация. – 1995. – № 1. – С. 5-7.

160. *Романов, Н.А.* Политический экстремизм как угроза безопасности страны. / Н.А. Романов. – М.: Наука, 1997. – 311 с.

161. Российские соратники. Интервью Д. Румянцева // Русская воля. – 2004. – № 8. – С. 12-19.

162. *Румянцев, Д.* Национал-социалистическое государство / Д. Румянцев // Корпус. – 2006. – 24 февраля.

163. *Русакова, О.Ф.* Радикализм в России и современном мире: вопросы типологии. / О.Ф. Русакова. – Екатеринбург. Изд-во: УрГСХА, 2001.

164. *Русанова, О.А.* Этнорелигиозный экстремизм как социальное явление в российском обществе (на примере северокавказского региона) / О.А.

Русанова // Вестн. Моск. Ун-та. Сер. 18, Социология и политология. – 2005. – № 2. – С. 23-32.

165. Русская национальная партия. Национализм и региональная политика. Саратов. 1998. – 42 с.

166. Русская национальная партия. Тезисы программы. Саратов. 1998. – 24 с.

167. Русский общенациональный союз. Сборник материалов. М., 2004. – 128 с.

168. *Савельев, В.А.* Горячая молодежь России. / В.А. Савельев. – М.:ООО «Кванта», 2006. – 285 с.

169. *Сазонов, И.А.* Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления / И.А. Сазонов // Вестник Моск. ун-та. Сер. 12: Политические науки. – 2000. – № 2. – С. 107-116.

170. *Сальников, Е.Ф.* Экстремизм: фантом медиакратии / Е.Ф. Сальников // Вестник Моск. Ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2007. – № 6. – С. 52-57.

171. *Сарматов, В.* Коммунисты и вооруженная борьба [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://rksmb.org/get.php?4639 – дата обращения 14. 10. 2012.

172. *Сартр, Ж.П.* Экзистенциализм – это гуманизм / Ф. Ницше, З. Фрейд, Э. Фромм, А. Камю, Ж.П. Сартр. // Сумерки богов. М.: Мысль, 1989. – 379 с.

173. *Севастьянов, А.Н.* Этнос и нация. / А.Н. Севастьянов. – М.: Книжный мир, 2008. – 285 с.

174. *Сейджман, М.* Сетевые структуры терроризма. / М. Сейджман. – М.: Идея-Пресс, 2008. – 362 с.

175. *Селиванова, О.А.* Основные направления профилактики интолерантности и экстремизма в среде современного регионального вуза / О.А. Селиванова // Образование и наука. – 2012. – № 3. – С. 41-52.

176. *Сергеева, А.В.* К вопросу об экономических факторах роста экстремизма в современной России / А.В. Сергеева // Российский следователь. – 2010. – № 16. – С. 32-41.

177. *Сериков, А.В.* Профилактика политического экстремизма молодежи / А.В. Сериков // Социально-гуманитарные знания. – 2005. – № 4. – С. 198-207.

178. Современный политический экстремизм: понятие, истоки, причины, идеология, организация, практика, профилактика и противодействие / Под ред. *Дибирова А.З.* Махачкала. Изд-во ДГУ, 2009. – 965 с.

179. *Соколов, М.М.* Самопредставление организации в русском радикальном националистическом движении: дис. ... канд. соц. наук: 22.00.04 / М.М. Соколов. СПб., 2003. – 231 с.

180. *Солдатов, А.* Русская православная церковь на пути к монополизации духовного пространства в России / А. Солдатов // Отечественные записки. – 2003. – № 1. – С. 23-37.

181. *Солдатова, Г.* Практическая психология толерантности [Электронный ресурс] – Режим доступа: http: //www.tolz.ru/library/?de=0&id=425 – дата обращения 02. 05. 2011.

182. *Соловьев, А.Б.* Политический экстремизм в современной России: 1980-1990-е годы: дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.Б. Соловьев. Нижний Новгород, 2000. – 197 с.

183. *Сорель, Ж.* Размышления о насилии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.syndikalist.narod.ru/sorel/sorel2.htm – дата обращения 23. 09. 2013.

184. *Стиглиц, Дж.* Глобализация: тревожные тенденции. / Дж. Стиглиц. – М.: Мысль, 2003. – 258 с.

185. *Стогов, И.* Революция сейчас. / И. Стогов. – СПб.: Амфора, 2003. – 324с.

186. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. // Российская газета. 2009. 19 мая.

187. *Сундиев, И.Ю.* Экстремизм и терроризм в условиях развертывания глобального кризиса / И.Ю. Сундиев // Новая криминальная ситуация: оценка и реагирование. М.: Наука, 2009. – 358 с.

188. *Тамаев, Р.С.* Российская прокуратура в системе органов противодействия экстремизму / Р.С. Тамаев // Право и безопасность. – 2009. – № 1. – С. 42-57.

189. *Тарасов, А.Н.* Революция не всерьез: штудии по теории и истории квазиреволюционных движений. / А.Н. Тарасов. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 368 с.
190. *Тихомиров, Л.А.* Монархическая государственность. / Л.А. Тихомиров. – М.: Айрис-пресс, 2006. – 618 с.
191. *Троцкий, Л.Д.* Агония капитализма и задачи Четвертого Интернационала. / Л.Д. Троцкий. – М.: Алгоритм, 2009. – 236 с.
192. *Троцкий, Л.Д.* Терроризм и коммунизм / Л.Д. Троцкий // Перманентная революция. М.: АСТ, 2005. – 412 с.
193. Уличная антифа. Мини-хроника // Автоном. Журнал радикальной альтернативы и сопротивления. Краснодар. Май 2003. – С. 32-33.
194. *Умланд, А.* «Консервативная революция»: имя собственное или родовое понятие? / А. Умланд // Русский национализм в политическом пространстве. М.: Мысль, 2007. – 369 с.
195. *Уолцер, М.* О терпимости. / М.О. Уолцер. – М.: АСТ, 2000. – 261 с.
196. Устав общества под названием «Союз русского народа». М., 2006. – 12 с.
197. *Устинов, В.В.* Обвиняется терроризм. / В.В. Устинов. – М.: Наука, 2002. – 348 с.
198. Федеральный закон «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 21. Ст. 1930.
199. Федеральный закон «О борьбе с терроризмом» // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3808.
200. Федеральный закон «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950.
201. Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» // Российская газета. 2002. 30 июля.
202. *Федулова, В.В.* Экстремизм как социально–политический феномен / В.В. Федулова // Социально–гуманитарные знания. – 2011. – № 3. – С. 67-79.
203. Философский энциклопедический словарь. 2-е изд. / Под ред. *С.С. Аверинцева* и др. М., 1989. – 642 с.

204. *Фрейд, З.* Введение в психоанализ. Лекции. / З. Фрейд. – СПб.: Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – 314 с.

205. *Фрейд, З.* Психология масс и анализ человеческого «Я». / З. Фрейд. – М.: АСТ, 2005. – 385 с.

206. *Фридинский, С.Н.* Борьба с экстремизмом (Уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. … канд. юрид. наук: 12.00.05 / С.Н. Фридинский. Ростов-н/Д., 2003. – 234 с.

207. *Фридинский, С.Н.* Противодействие экстремистской деятельности (экстремизму) в России (социально-правовое и криминологическое исследование): автореф. дис. … докт. юрид. наук: 12.00.08 / С.Н. Фридинский. М., 2011. – 38 с.

208. *Фромм, Э.* Анатомия человеческой деструктивности. / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 416 с.

209. *Фромм, Э.* Бегство от свободы. / Э. Фромм. – М.: АСТ, 2007. – 359 с.

210. *Ханбабаев, К.Ф.* Исламский радикализм на Северном Кавказе / К.Ф. Ханбабаев // Свободная мысль – XXI. – 2007. – № 3. – С. 102-112.

211. *Хантингтон, С.* Столкновение цивилизаций. / С. Хантингтон. – М.: АСТ, 2003. – 512 с.

212. *Хоперская, Л. А.* Этнополитические конфликты в условиях глокализации / Л.А. Хоперская // Философская инноватика: поиски, проблемы, решения. Ежегодник – 2012. Сб. научных трудов / Отв. ред. проф. А.М. Старостин. – Ростов н/Д.: Донское книжное издательство, 2013. – 736 с.

213. *Хохлов, А.С.* Социально-политические противоречия и конфликты в условиях трансформации российского общества: дис. … докт. соц. наук: 22.00.04 / А.С. Хохлов. СПб., 2003. – 412 с.

214. *Цапко, М.И.* Управление этническими процессами на региональном уровне: дис. … канд. полит. наук: 23.00.02 / М.И. Цапко. Ставрополь, 2005. – 217 с.

215. *Цыганков, А.П.* Современные политические режимы: структура, типология, динамика. / А.П. Цыганков. – М.: Наука, 1995. – 347 с.

216. *Челноков, А.* Суд над неонацистами из «Легиона Вервольф» / А. Челноков // Известия. 2004. 27 января.

217. Что такое РНЕ? М.,1997. – 47 с.

218. *Чурков, Б.Г.* Мотивационные и идейные основы современного терроризма / Б.Г. Чурков // Социальные конфликты: экспертиза, прогнозирование, технологии разрешения. – 1993. – № 4. – С. 41-59.

219. Экстремизм – угроза обществу. Информационно-справочная брошюра. Чебоксары. 2009. – 62 с.

220. *Элиаде, М.* Священное и мирское. / М. Элиаде. – М.: АСТ, 1994. – 421 с.

221. *Эльцбахер, П.* Анархизм. Суть анархизма. / П. Эльцбахер. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 348 с.

222. *Эммануилов, Р.Я., Яшлавский, А.Э.* Террор во имя веры: религия и политическое насилие. / Р.Я. Эммануилов, А.Э. Яшлавский. – М.: Мосты культуры, 2011. – 423 с.

223. *Эммануилов, Р.Я., Яшлавский, А.Э.* Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения. / Р.Я. Эммануилов, А.Я. Яшлавский. – М.: Наука, 2010. – 378 с.

224. *Энгельс, Ф.* Подготовительные материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф., Ленин В.И. О коммунистической общественной формации. В 4 т. Т. 2. М.: Политиздат, 1988. – 283 с.

225. *Юсеф Мосаб, Х.* Сын ХАМАС. / Х. Юсеф Мосаб. – М.: Рид Групп, 2011. – 367 с.

226. *Ясперс, К.* Духовная ситуация времени //Смысл и назначение истории. М.: АСТ, 1991. – 451 с.

227. *Ясперс, К., Бодрийар, Ж.* Призрак толпы. / К. Ясперс, Ж. Бодрийар. – М.: Алгоритм, 2007. – 279 с.

228. *Debrey R.* La critique des armies. P., 1974.

229. *Friedman G.* The Political Philosophy of the Frankfurt School. The Ithaca Cornwell University Press. 1981.

230. *Horney K.* Neurosis and Human Growth. N.Y., 1950.

231. *Nolte E.* Der europaische Burger Krieg 1917 – 1945. Nazionalsozialismus und Bolschewismus. Berlin, 1987.

232. *Post J.* Rewarding Fire with Fire: Effects of Retaliation on Terrorist Group Dynamics // Terrorism. 1987.

233. Quotations from Osama Bin Laden / By *B.K. Berner*. New Delhi. 2007.

234. Reason and Violence: Philosophical Investigations / Ed. Bu Sh. Strange. Oxford: Basil Blackwell, 1974.

235. *Reich C.A.* The Greening of America. N.Y., 1970.

236. *Taylor M.* The Terrorist. L– N. Y. 1988.

237. The Annual on Terrorism. Dordrecht eats. 1986.

238. The New Left. A. Documental History. Indianapolis – N. Y., 1969.